КН
20
А 82
Архивное
Рабочее
дело
1923

КН
20
А82.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (б-ков.)
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и Р. К. П. (б-ков)

С. Т. Аркомед

9/47 ПРОВЕРЕНО
323.2
А-82.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ
И
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ
НА КАВКАЗЕ

(С 80-х годов по 1903 г.)

С ПРЕДИСЛОВИЕМ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ
Г. В. ПЛЕХАНОВА

ПРОВЕРЕНО 1937 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

6 экз

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
520887

Главлит № 4430 Москва. Тираж 6000 экз.

„Мосполиграф"—20-я типография „Красный Пролетарий". Пименовская ул., д. 1|16.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-МУ ИЗДАНИЮ.

Эта книга была написана в 1907—8 годах, хотя элементы ее содержания были уже очерчены раньше, а именно в 1903—4 годах. Я читал рефераты в ссылке (в Восточн. Сибири) на тему «О рабочем, социал-демократическом движении на Кавказе»; первый раз в 1903 г. в Красноярской пересыльной центральной тюрьме на собрании политических заключенных, а второй раз в 1904 г. в гор. Енисейске на собрании политических ссыльных.

Книга вышла первым изданием в 1910 году в Женеве и имела неожиданный для нас успех. Тов. В. Ленин от имени Центр. Ком. Р.С.Д.Р.П. (большевиков) выкупил 2.000 экз. этой книги у типографии, задержавшей книгу в виду невозможности своевременной уплаты следуемой ей за печатание суммы.

Эта работа встретила хороший прием в заграничной русской социалистической печати, (напр., в «Социал-демократе», центр. органе Р.С.Д.Р.П., № 15—16, 1910 г., в эс-эровской газете «Парижский Листок» и др.).

Другая же часть русской соц. печати ликвидаторского течения обошла ее молчанием, так как «книга эта», говорит в предисловии к ней Г. Плеханов, «возобновит в памяти читателей такие факты, такие идеи и такие приемы борьбы, в виду которых становится особенно ясной постыдная вздорность «ликвидаторских» рассуждений».

В «Neue Zeit» К. Каутского № 7 за 1910 г. т. Э. Левит, передав содержание книги, пишет, между прочим, следующие строки: «Многолетнее участие автора в этом движении (т.-е. в рабочем, социал-демократическом движении. С. Т. Арк.)—позволяет ему начертить ясную картину всего

процесса, а также выдвинуть и осветить его главные моменты при помощи особо-характерных эпизодов. К сожалению, остался только поверхностно затронутым национальный вопрос, имеющий столь важное значение при крайне пестро-этнографическом составе кавказского населения. Правда, в книге упоминается, между прочим, о той борьбе, которую пришлось вести социал-демократии против националистически-сепаратистских тенденций и традиций в среде некоторых народностей (именно в среде армянского населения), но все же читатель не получает ясного представления об отношении между классовой борьбой и национализмом на Кавказе. В приложении находим весьма интересную заметку о первой с.-демократической Кавказской группе и первой с.-д. газете.

Работа т. Аркомеда встретит, без сомнения, самый горячий прием в рядах наших русских товарищей. Надо пожалеть лишь о том, что она, в силу необходимости, появляется за границей и «нелегально»; это является большим препятствием для широкого ее распространения.

По поводу того, что «к сожалению, остался только поверхностно затронутым национальный вопрос», я должен заметить, что при возникновении рабочего движения и социал-демократии и в первоначальном периоде их развития (в конце 90-х годов пр. ст. и в начале 1900-х г.г.) среди кавказских народностей национальная рознь и разногласия не проявлялись в таких острых формах, в каких они дали себя чувствовать в последующие годы. Т. рецензент пишет в конце 1910 года, когда национальный вопрос на Кавказе стал уже на самом деле очередным больным вопросом, нисколько не задумываясь о том, что лет 10—15 тому назад он мог и не быть таковым. В то время, кроме партий «Дашнакцутюн» и Гнчак» и кой-каких малочисленных буржуазных групп армянского общества, озабоченных разрешением национального вопроса на почве Турецкой Армении, а также слабого проявления национально-шовинистических настроений и чувств среди дворянских помещичьих элементов грузинского и мусульманского населения, национальный вопрос, как массовое общественное явление, не существовал на Кавказе. Рабочие

и отчасти крестьянские массы закавказских народов не знали тогда национальных междоусобиц, не ставили между собой национальных преград, а только в «Эртобе»[1]) видели они свое социально-экономическое и политическое освобождение. Только по мере развития капитализма и деференцирования экономических, имущественных отношений кавказского общества, национальные разногласия и задачи принимали все более острый характер в последующие годы. Само собой разумеется, во II части нашего труда нам пришлось бы несомненно обратить серьезное внимание на выдвинутый историческим ходом развития страны национальный вопрос, проявлявшийся в особенно острых формах после октябрьской революции 1905 года.

А. Рыкачев, сотрудник «Русской Мысли», органа П. Струве, в редакцию которой каким-то чудом попала наша книга, касаясь в отделе библиографии журнала (июльский номер 1911 г.) затронутых в книге вопросов, пишет: «Хотя материал, приводимый автором, и требует во многих случаях дополнительной проверки, но книжка, несомненно, содержит много интересного. Заслуживают внимания факты, освещающие роль интеллигентских элементов в рабочем движении, роль национального вопроса, роль социал-демократии в крестьянском движении «Закавказья».

Разъяснив каждый из этих вопросов, он по вопросу о крестьянском движении высказывает следующее: «Хотя автор, очевидно, допускает некоторые преувеличения, тем не менее роль социал-демократии в крестьянском движении в Грузии была во всяком случае большая».

Мы в нашей книге указывали, что городские рабочие и в особенности крестьянские массы прибегали часто к террору, несмотря на сопротивление и отрицательное к нему отношение социал-демократии; из этого г. рецензент делает такой вывод: «Таким образом, руководители (т.-е. социал-демократы. С. Т. Арк.) должны были уступить инстинктам руководимых масс и сохранить свое влияние только ценою отказа от своих принципов».

Прежде всего я мог бы заметить г. рецензенту Рыкачеву,

---

[1]) «Эртоба» грузинское слово—означает единство.

что либералам-интеллигентам, оторванным по обыкновению от масс, легко пускаться в область фантастических рассуждений, а те, которые ближе стояли к массам и работали активно среди них, прекрасно знают цену подобным рассуждениям. Если бы в первые годы этого столетия наш либерал-критик находился хотя бы один месяц в Гурии или Имеретии, он убедился бы в той колоссальной роли, которую в то время сыграла социал-демократия в крестьянском движении. Мы решительно никаких преувеличений не допускаем по этому поводу.

Что касается террористических актов, то надо-ли объяснять, что они в большинстве случаев являлись следствием стихийных вспышек. Вина ли в том социал-демократии, боровшейся против этих стихийных, неорганизованных движений и их неизбежных последствий? Теперь каждому школьнику известно, что эти нежелательные, порой возмутительные действия неизбежно возникают из тех невыносимых условий и порядков, из тех необузданных безобразий, которые творят над массами господствующие классы. Вина ли социал-демократии, не имевшей физической возможности устранить ненужные насильственные акты, но боровшейся против них, в результате каковой борьбы во сто раз уменьшалось число человеческих жертв и материальных убытков против того числа, которое могло бы получиться, если бы эта борьба и сопротивление не имели места?

Неправда, что «только ценой отказ от своих принципов с.-д. руководители должны были уступить инстинктам масс и сохранить свое влияние». Именно своим активным вмешательством и влиянием социал-демократия, добившись уменьшения числа жертв и материальных убытков, оставалась верной своим принципам, содействовала их консолидации и торжеству. Конечно, дело представителей либеральной буржуазии умалить значение и роль рабочей социалистической партии. Мы в этом отнюдь не думаем винить и порицать их; они остаются и призваны остаться верными делу защиты своих классовых интересов.

То же самое надо сказать об армянской мелко-буржуазной националистической партии «Дашнакцутюн», лидер и идео-

лог, которой. г. Варандян [1]), руководивший в момент выхода в свет нашей книги центральным органам партии «Дрошак», писал о ней всякого рода сумасбродные небылицы [2]). Нет надобности отдавать дань внимания партии и ее вожакам, достаточно зарекомендовавшим себя своей безрассудной деятельностью, превратившим Армению в развалину и доведшим армянский народ до крайней гибели. Эта позорная партия и ее руководители заслуживают глубочайшего презрения бедного армянского народа—и только.

Таково было в общем критическое отношение органов различных социалистических и несоциалистических общественных групп к настоящей работе.

При втором ее издании мы никаких исправлений и изменений в ней не делали; мы оставили ее так, как она вышла первым изданием, в виду ее значения, как исторического документа; только в виде примечаний к тексту мы делали некоторые необходимые заметки.

I часть нашей книги доводит историю движения рабочего класса и социал-демократии на Кавказе до 1904 г., II-ую часть истории, доведенную почти до Думского периода, мы не были в состоянии издать по различным непреодолимым обстоятельствам.

В период революционных движений рабочего класса 1904—5 г.г. и после октябрьской революции 1905 г. возникли в нашем крае новые общественные группы, из которых некоторые, до того времени неоформленные, существовали ранее в зародышевой стадии.

Так, грузинские социалисты, федералисты, армянские дашнаки, эс-эры появляются на арену политической жизни преимущественно во время октябрьской революции 1905 г.; они с самого же начала ведут борьбу с партией рабочего класса, игравшей в стране роль революционно-политического гегемона.

---

[1]) Мик. Варандян является самым выдающимся эклектиком общественно-политической мысли армянской действительности.

[2]) См. Дрошак № 7—9, 1910 г.

Дашнакцутюн наиболее сильная организация среди армян, до того времени занятая исключительно делом освобождения армян в Турции от ига турецкого деспотизма, решила под влиянием крупных политических событий России и Кавказа принимать деятельное участие в политической жизни русских армян. Это решение ее было санкционировано на съезде партии 1907 года. С этого времени у нее было две программы: одна для турецких армян, другая для русских армян.

Там и сям появляются также кадеты, преимущественно среди армян и русских, не игравшие почти никакой политической роли.

В мусульманском населении заметно среди «просвещенных» феодалов пробуждение классовых интересов; они заинтересованы иметь свое представительство в Государственной Думе. Хотя в это время они не составляли еще политической организации на Кавказе, тем не менее, пользуясь большим влиянием среди крестьянских масс, они находят возможным посылать в Думу некоторых из своих представителей.

В нашей книге мы указывали на существующее в кавказской жизни большое, ни с чем не сравнимое зло: несчастьем нашей общественно-политической жизни являлось могущественное, политически еще не оформленное дворянско-феодальное сословие мусульманского населения, преследовавшее при глубокой отсталости, забитости и невежестве татарских народных масс самые реакционные замыслы и цели.

К сожалению, ни одна из общественно-политических прогрессивных организаций нашей страны, ни тем более социал-демократия не думала вовсе направить часть своей деятельности в татарские забытые массы, в целях политического и культурного воспитания и освобождения их от невыносимого векового ига своих соплеменников—беков и ханов.

С течением времени, в период столыпинской реакции, татарские феодалы, до того игравшие роль застрельщиков

армянских погромов [1]), выступают на политическую арену более организованно. Их организация стала особенно мощной в период февральской революции 1917 г.

Реакционнейшая, туркофильская партия эта, известная под названием «Муссават», сыграла открыто, в переживаемые нашей страной критические моменты, роль агентуры турецкого деспотизма. В 1917 году она предала нашу страну турецким ордам и феодалам-людоедам на полное разорение и уничтожение и превратила наш прекрасный край в развалины.

Эта партия всячески содействовала планам турко-германских империалистов. Эти планы были осуществлены: страна, отделившись политически от России, была раздроблена на враждебные друг другу территориальные части, на вполне «независимые» друг от друга антагонистические национально-территориальные государства. Мы не будем говорить о том, какой страшный удар был этим нанесен в спину рабоче-крестьянской демократии нашей страны, какие непреодолимые препятствия и затруднения создавались в крае для развития экономической, торговой жизни, какие обильные горючие материалы содержала в себе политическая деятельность националистических групп, господствовавших во всех этих государствах.

Муссаваты в Азербейджане, чхенкелисты в Грузии и дашнаки в Армении только и стремились к созданию на Кавказе «Новых Балканов», перед кровавой историей которых бледнеют самые мрачные времена национальных столкновений на Европейских Балканах.

Нескончаемый кровавый кошмар стал хроническим злом. Территориальные вопросы, возбуждавшие аппетиты националистов, неизбежно вызывали кровавые столкновения. До установления Советской власти на Кавказе происходили между Азербейджаном, Грузией, Арменией, Аджарией, Осетией, Карабагом, Нахичеванским краем и т. д., почти беспрерывно междоусобные войны. В этих войнах погибла

---

[1]) Нет сомнения, что армянские дашнаки в свою очередь не гнушались организовывать также татарские погромы. Так, напр., в Тифлисе в ноябре 1905 г. был не армянский, а татарский погром.

трудоспособная цветущая часть молодого поколения, страна превратилась в груды развалин, пульс общественной жизни перестал биться, словно замерла вся народная жизнь.

В эти тяжелые моменты, грузинская социал-демократия, являвшаяся политически руководящей партией на Кавказе, совершенно сошла с пути классовой борьбы и стала на путь чистейшего национализма. Когда она была в единении с РСДРП, она сохраняла верность принципам революционного социализма, под влиянием международной революционной рабочей демократии, хотя в ее рядах было со времени возникновения с.-д. партии на Кавказе, не мало националистических, мелкобуржуазных элементов. Против этих quasi социал-демократических элементов приходилось бороться представителям левого интернационального крыла социал-демократии.

В моменты революционного подполья грузинские социал-демократические националисты не обнаруживали признаков жизни, между тем в наиболее тяжелые, критические дни революционного движения они выплывали из подполья, высоко подымали головы.

Чхенкелизм [1]) явление не новое в грузинской социал-демократии: он с самого начала возникновения и развития с.-д. партии на Кавказе давал чувствовать о своем существовании в лице большинства «мессамедасцев», издававших в Тифлисе в 1898 г. легальный еженедельный журнал «Квали». Тем не менее чхенкелизм не был в силах открыто противодействовать наступательному интернациональному движению рабочего класса. Ликвидаторское течение, охватившее почти всю грузинскую социал-демократию, против которого ополчился покойный Плеханов в своем предисловии к 1-му изданию нашей книги, являлось одним из ярких проявлений чхенкелизма, этого национально-оппортунистического крыла грузинск. социал-демократии. Но эти грузинские шейдемановцы с особенной настойчи-

[1]) Это реакционное течение, к которому примкнуло огромное большинство груз. социал-демократии, названо по имени А. Чхенкели, являющегося наиболее ярким выразителем национализма грузинск. социал-демократии, хотя, признаться, он сам, как политический деятель, представляет из себя ничтожество.

востью выступили со своими проектами по наицональному вопросу в период февральской революции 1917 г. после падения царизма. Жордания, Чхенкели, Рамишвили et tutti quanti представили на июльском съезде Закавказск. с.-д. организаций проект «национально-территориальных автономий», которые, благодаря их энергичным усилиям, были осуществлены впоследствии в виде отдельных, вполне «независимых» друг от друга национально-территориальных государств Грузии, Армении и Азербейджана. Нам приходилось выступать на съезде против Жорданьевско-чхенкелистского способа разрешения национального вопроса: мы указывали на весь вред разъединения сил международной рабочей демократии, на опасный эксперимент политического раздробления края по национальному признаку, население которого представляло полнейший этнографический конгломерат, на возможность пертурбаций, нескончаемых национальных кровавых столкновений, как на неизбежные последствия осуществления у нас «национально-территориальных автономий». Это наше мнение было игнорировано, наш голос был заглушен.

Ровно через год наши опасения оправдались. Самый мрачный для жизни наших народов 1918-й год наступил. В начале этого года мы уже наблюдали в грузинской социал-демократии признаки отхода от социал-демократизма к национал-демократизму. Партия, игравшая в прошлом славную роль, проявляла теперь только признаки падения. Чхенкелистское течение взяло верх над революционным левым крылом с.-д. партии. Оно стало решительно на путь политического и национального сепаратизма. Чхенкели, Жордания, Церетелли, Рамишвили и др. стали ярыми сторонниками сепаратизма, политического отделения от России и раздробления Кавказа на независимые национально-территориальные государства. Они теперь поддерживали в национальном вопросе точку зрения «дашнаков», против которой они раньше энергично боролись.

В конце 1917 года в Закавказском коалиционном правительстве, а затем в следующем году, во время Закавказского сейма, грузинские чхенкелисты вступили в блок с реакционнейшей партией татарских феодалов «Муссават». Всех по-

ражали их дружественные отношения с реакционными представителями мусульманского населения. Они боролись против большевизма и всего того, что было русским, лишь бы торжествовала своеобразная национальная идея, с которой они носились теперь, как с новым евангелием. Борясь с ожесточением против большевизма, они только содействовали завоевательным целям и победе турок над демократией всего края и пролетариатом Баку, громадное большинство которого шло тогда за большевизмом.

Когда партия агентов завоевательных планов турецких феодалов, «Муссават» и ее представители в Закавказском правительстве и сейме беспощадно боролись против большевиков и бакинского пролетариата, посылали для их подавления и уничтожения свои так называемые «дикие» отряды, когда скоро затем вступили на Закавказскую территорию турецкие орды, и муссаватисты оказывали всеми мерами содействие победе турецкого меча, когда, наконец, стотысячная пролетарская армия гор. Баку окружена была кольцом муссаватистских «диких» отрядов и турецких аскеров, грузинские чхенкелистские социал-демократы, прекрасно осведомленные обо всем, что происходило, смотрели не только сквозь пальцы на разыгравшуюся драму, но продолжали и в это время любезные и дружественные сношения с представителями «Муссават».

Наша страна отделилась политически от России и была раздроблена на независимые государства не только под давлением событий и внешних империалистических сил, но и воинствующего национализма политических групп нашего края. Империалисты стремились отделить нас от России, разъединить нас для достижения своих завоевательных целей, между тем грузинские чхенкелисты и другие националистические группы нашей страны хотели и добивались того же для своих националистических целей.

Их национальные тенденции вполне совпали с планами турко-германских империалистов [1]). Вся национальная по-

---

[1]) Невозможно было после этого оставаться в рядах одной партии вместе с грузинскими чхенкелистскими социал-демократами. 25 мая 1918 г., я подал областному комитету, членом и вицепредседателем которого я со-

литика грузинской социал-демократии была направлена после объявления «независимости» Грузии в сторону усиления национальной буржуазии и вытеснения буржуазии других национальностей. Под предлогом «национализации» национализировалось все чужое и «инородческое»; даже в политике рабочего вопроса заметны были тенденции и заботы его «национализирования».

Перестал действовать принцип классовой борьбы, прекратилось движение рабочего класса в Грузии. Рабочий класс Грузии делал все в угоду своим «лидерам» чхенкелистам. Словом, грузинский социал-демократический меньшевизм, в лице чхенкелистов, выродился, пал до неузнаваемости. Его политическая деятельность не отличалась в последние годы от деятельности национал-демократов.

Режим Жордания-Рамишвили являлся ни демократическим, ни тем более социалистическим, а лишь национально-буржуазным. Рабочие грузины, находившиеся под сильным влиянием своих «лидеров» не чувствовали того кошмарного давления, которым они были охвачены, не были в состоянии разобраться в условиях той мрачной националистической атмосферы, которую их вожаки создали для них.

В предисловии к нашей книге под заглавием «Политическая жизнь Закавказья в 1918 году» (на арм. языке), написанном 15 июля 1919 г., мы писали следующее: «Тот день, когда грузинская рабочая демократия очнется и избавится от националистического политического гипноза своих «лидеров», будет светлым днем политической жизни международного социализма нашей страны».

Этот день наступил. Федерация государств Закавказья и России, к осуществлению которой были направлены все шаги советских властей, является смертоносным ударом национальной изоляции и всякого рода националистическим тенденциям и замыслам.

В наших же «Записках Революционера» (№ 1 январь 1920 г.), горячо отстаивая организацию кантонально-феде-

---

стоял, письменное заявление о моем выходе из состава комитета, мотивируя такой мой шаг невозможностью для меня мириться с политикой чхенкелизма, одержавшего победу над рев. социал-демократией.

ративного государственного строя для Закавказья, мы заканчивали статью следующими строками:

«Родина для всех Закавказских граждан—это Закавказье, но общее для всех нас отечество это великая демократическая Россия, Alma mater Революции. Кто этого не хочет понять и признать, тот неисправимый эгоист-националист, по ходячему выражению, жалкий «шкурник», место которому не в социальной среде XX века, а—давнопрошедшей эпохи средних веков».

С. Т. Аркомед.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА (К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ).

В жизни и историческом формировании российской социал-демократической рабочей партии кавказская социал-демократия занимала видное место, да и кавказские народности под руководством с.-д. организации в общем революционном, освободительном движении играли немаловажную роль.

То обстоятельство, что на Кавказе [1]) не существует по настоящее время местной организованной правой политической партии, показывает, что прогрессивная, освободительная работа действующих общественных элементов населения, а главным же образом энергичная деятельность кавказских социал-демократов за последнее десятилетие, охватила почти все слои населения и не дала возможности правым реакционным элементам сформироваться и сорганизоваться в особую политическую партию. Очень вероятно, что она сформируется в ближайшем будущем под влиянием политической реакции и черносотенной III Думы; в настоящее же время (1908 г.), кроме спорадически встречающихся единичных лиц и группок, таковой организации не существует; преобладающее течение среди консервативных элементов населения умеренно-либеральное, правое кадетское. Даже грузинские дворяне и татарские беки, ханы—эти страшные духовные и экономические поработители татарских трудящихся масс, по общеполитическим вопросам выказывают больше осмысленности, чем черносотенные Пуришкевичи, Келеповские, Бобринские и тому подобные.

В виду того, что кавказск. соц.-демократия сыграла и

[1]) Я имею в виду лишь его южно-азиатскую часть—Закавказье.

продолжает играть руководящую роль в революционном движении на Кавказе и что она, как организация политическая, пользуется моральным авторитетом не только в пролетарских массах и мелко-буржуазных слоях населения, но и в крайне отсталых татарских массах, не безынтересно будет для русского читателя познакомиться в общих чертах с рабочим движением на Кавказе, с возникновением и развитием кавказской соц.-дем. организации. Тем более, что кавк. соц.-дем., как единственная революционная демократическая организация, имеет, вследствие все более усиливающегося развития капитализма, шансы на большие успехи в этом крае, несмотря на замечаемый ныне в ее рядах кризис, временно вызванный разными общеполитическими и другими причинами.

При этом считаю нужным указать на недостаток материалов, необходимых для истории кавказского движения. Оказалось невозможным для революционной, подпольной организации, несмотря на все ее старания, сохранить архив исторических документов и ныне очень трудно найти какие-либо материалы, касающиеся преимущественно первого периода движения. Может быть, для второй части этого труда, материалы найдутся в большем количестве, тем более, что даже в легальной прессе не мало можно будет найти заметок и сведений о движении последних лет.

Тем не менее, для первой части истории я мог использовать все то, что было найдено мною относительно Кавказа в нелегальных изданиях—«Рабочей Мысли», «Рабочего Дела», грузинской нелегальной газеты «Брдзола» и в особенности «Искры». Кроме того, личное мое активное участие в организации и движении, воспоминания и наблюдения о них, внесли в содержание этого труда не мало элементов.

Метод моего изложения, как заметит сам читатель, повествовательный, описательный, поэтому труд носит, может-быть, некоторый компилятивный характер. Я полагаю, что всякий такого рода труд не может не быть таковым. Я старался следить за всеми проявлениями жизни рабочего класса, за каждым его шагом, его действием, ошибочным или правильным—безразлично, но заслуживающим быть отмеченным в истории движения.

Мне кажется, было бы полезно и ценно для истории р. с.-д. р. п. и великой русской революции, если бы подобные монографии, которые, впрочем, не могут не иметь значительных пробелов и недостатков, предпринимались также теми из сведущих и умелых товарищей других крупных организаций, которые в качестве живых, активных участников, стояли близко к делу и могли бы, тем самым, внушить к себе соответствующее доверие. Помимо архивного письменного материала, в каждой личности, принимавшей горячее участие в движении и организации и содействовавшей своей долголетней деятельностью ее развитию, можно найти зародыши и элементы истории самой же этой организации.

Автор.

9048
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
520887

Г. В. ПЛЕХАНОВУ.

Многоуважаемый товарищ

Георгий Валентинович!

Этот мой скромный труд посвящаю Вам, как родоначальнику научного социализма в России и одному из наиболее выдающихся основателей российской социал-демократии. Неутомимый защитник ортодоксального марксизма, Вы вели упорную борьбу против всех тех, кто под флагом «социализма», сознательно или бессознательно скрывал свою буржуазную физиономию. В течение долгого периода Вашей литературно-критической и публицистической деятельности, у Вас было не мало врагов. Из моей прошлой студенческой жизни в Женеве мне помнится хорошо, как в первые годы основания «Группы Освобождения Труда», когда сила и значение социал-демократии были еще ничтожны, преследовали Вас, относились к Вам с враждой и даже ненавистью народовольцы «тихомировского» толка и народники всех оттенков. Вы тем не менее, своей неутомимой работой и беспощадной борьбой крушили одну за другой старые, отсталые формы философско-политического мышления. Эту борьбу Вы продолжаете и по настоящее время даже против тех, которые, находясь в рядах нашей партии, явно уклоняются, как по тактическим, так и принципиальным вопросам, от революционного марксизма [1]).

[1]) Таким же образом Вы боретесь теперь против новейшего зла нашей партии—ликвидаторства и неоэкономизма.

Кроме неоценимых заслуг, оказанных Вами российской социал-демократии, кавказская социал-демократия, в частности, многим обязана Вам. В ее рядах Вы найдете немало учеников, последователей и сочувствующих.

Лично я питал к Вашей революционно-идейной деятельности полное сочувствие с первого же года моей студенческой жизни. Я никогда не забуду того момента, когда после чтения появившегося в 1888 году первого номера «Социал-демократа» я послал Вам глубоко сочувственное, восторженное письмо, которое заканчивалось словами: «да здравствует восточная социал-демократия». Да, именно эта «восточная социал-демократия» образовалась, возросла и расширилась настолько, что дала тон «русской великой революции» и создала ее эпопею. Она, эта «восточная социал-демократия», вождем и идеологом которой являлись и являетесь Вы, перекинулась даже в Персию и Турцию. Вот какие соображения побудили меня, Георгий Валентинович, посвятить Вам этот труд в знак моей искренней благодарности и глубокого сочувствия к Вам.

С. Т. Аркомед.

Август, 1909 г.
Женева.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Наша страна, а с нею и наша партия,—партия сознательного пролетариата,—переживает теперь печальный период «*безвременья*», весьма обильный падениями всякого рода. Если не далее как несколько лет тому назад многие наши товарищи ослеплены были неосновательными надеждами, толкавшими их на неосновательные поступки, то теперь весьма значительная часть тех же товарищей предается столь же неосновательному унынию, побуждающему их к ошибочным действиям. Не один из этих людей, еще так недавно казавшихся полными энергии, может, под влиянием уныния, овладевшего им, повторить слова Лермонтова:

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской...

Впрочем, те, которые «глядят на будущность с боязнью», еще не принадлежат к числу наиболее пострадавших жертв «безвременья». Наиболее пострадали те, которых будущее уже не пугает, а, наоборот, утешает приятной перспективой «легальной» деятельности. Российский социал-демократ должен дойти до крайней степени падения для того, чтобы сделаться *легалистом* [1]) в такое время, когда на всех действиях правительства лежит печать *беззакония*, беспримерного даже в России, и когда «права» российских «граждан», более нежели когда бы то ни было прежде, зависят от бесграничного и циничного полицейского произвола. А между

[1]) Органом легализма сделался в последнее время московский журнал «Возрождение», которому следовало бы назвать себя «Вырождением».

тем, в нашей среде, кажется, все более и более растет число «ликвидаторов», презрительно отворачивающихся от опротивевшего им революционного «*подполья*» во имя «*легальной*» деятельности. Нет такого угла в России, где бы не копошились,—и иногда с немалым «успехом»,—эти *социал-демократические октябристы*. Проникли они, повидимому, и на Кавказ, где господствовало между нашими товарищами совсем другое настроение, и где наши товарищи высоко держали революционное знамя.

Вот почему я считаю весьма своевременным выход написанного т. С. Т. Аркомедом *Очерка истории революционного движения на Кавказе*. Очерк этот возобновит в памяти читателей такие факты, такие идеи и такие приемы борьбы, в виду которых становится особенно ясной постыдная вздорность «ликвидаторских» рассуждений.

Вот яркий пример. До последнего времени кавказская социал-демократия держалась идеи *гегемонии пролетариата в освободительной борьбе*. Теперь ликвидаторы,—вернее сказать, наиболее откровенные между ними,—оспаривают эту идею, отрекаются от нее. Она кажется им нецелесообразной. И они правы. *Она в самом деле нецелесообразна... с их точки зрения*. А с точки зрения *революционной* социал-демократии дело представляется в совершенно ином свете. Это лучше всего доказывается историей революционного движения на Кавказе.

Т. С. Т. Аркомед говорит:

«Два резко отличающиеся своим характером периода могут быть констатированы в рабочем движении на Кавказе. Первый период, начиная с 80-х годов пр. ст. до 1900 г., мы называем периодом стихийно-бессознательного экономического движения, второй же период, охватывающий промежуток времени с 1900 г. по 1905—6 г.г.—периодом сознательного политическо-экономического движения. В данном случае термин «сознательного движения» мы употребляем в том смысле, что передовая часть рабочего класса, как бы она немногочисленна ни была, становится руководителем движения, дает тон и направление революционному делу, возбуждает настроение и увлекает за собой более отсталые, многочисленные слои рабочего класса» (стр. 15—16).

Этого не станет оспаривать и самый убежденный «ликвидатор». Но спрашивается: не уменьшилась ли сила революционного движения на Кавказе вследствие того обстоятельства, что в роли его руководительницы выступила «передовая часть рабочего класса», т.-е. социал-демократия? На этот вопрос события громко и внятно отвечают: нет, не уменьшилась и не только *не уменьшилась, но, наоборот, увеличилась* до такой степени, до которой она никогда не дошла бы, если бы им руководила какая-нибудь буржуазная партия. Почему же идея гегемонии пролетариата, оказавшаяся такой плодотворной на практике, беспокоит теперь наших «ликвидаторов»? Почему они так старательно подкапываются под нее? Да именно потому, что, как уже замечено выше, она совсем не целесообразна *с их точки зрения.*

Не трудно понять, что *столь свойственное нашим «ликвидаторам» презрение к «подполью» неизбежно должно сопровождаться,—по крайней мере в головах, не совсем лишенных логики,—отрицанием идеи гегемонии пролетариата.*

Здесь опять дело хорошо разъясняется историей революционного движения на Кавказе. Тот же т. С. Т. Аркомед пишет:

«Крестьянское движение на Кавказе, с начала возникновения и в дальнейшем своем развитии, является отражением городского пролетарского движения. Много общих черт сходства носило оно с городским социал-демократическим движением. Крестьянство рядом и параллельно с социал-демократией и под ее знаменем боролось не только за экономическое освобождение, но и за политическую свободу. Приемы и формы ее борьбы были почти те же, что и у соц.-дем. партии». (стр. 111).

Подобное явление могло иметь место лишь при условии сознательного и планомерного воздействия социал-демократической партии на крестьянское население. Это ясно. Но ясно и то, что такое воздействие должно было быть *нелегальным*, должно было исходить *из революционного подполья*: всякий ребенок понимает, что наши *«легальные возможности»* совсем не оставляли для него места. Поэтому тот, кому дорого такое воздействие, являющееся одним из важнейших спо-

собов осуществления идеи гегемонии пролетариата, по необходимости будет дорожить и революционным «подпольем». И обратно: тот, кто презрительно фыркает по адресу «подполья», не только не дорожит идеей гегемонии пролетариата, но по необходимости склоняется или к полному ее отрицанию, или хотя бы к такому ее «разъяснению», при котором она утрачивает всякий революционный смысл. Немецкая пословица гласит: кто говорит «*А*», тот должен также сказать «*Б*». Нам же в интересующем нас случае, следует помнить, что кто говорит «*Б*», тот тем самым показывает, что он уже произнес «*А*», если не вслух, то хоть про себя, «мысленно», согласно известному правилу иезуитов на счет «мысленных» ограничений и оговорок.

Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем «ликвидатору» переварить идею гегемонии пролетариата.

В самом деле, представьте себе «товарища», который, растеряв утопически-революционные надежды, окрылявшие его в течение бурного периода 1905—6 гг. [1]), мирно приютился в какой-нибудь легальной организации. Вы приходите к этому человеку и предлагаете ему принять участие в организованных и планомерных действиях, имеющих целью способствовать развитию политического сознания крестьянства. Подобные действия просто напросто обязательны для сознательного пролетариата, хоть немного претендующего на роль руководителя (*гегемона*) в освободительном движении, и мы видели, что, например, сознательные пролетарии Кавказа сумели хорошо выполнить эту свою важную политическую обязанность. Но для ее выполнения им пришлось воспользоваться своей нелегальной,—«*подпольной*».—организацией. Им нельзя было поступить иначе. Ни профессиональные союзы, ни потребительные товарищества рабочих и вообще никакия *легальные* их организации не могут и не должны брать на себя подобные действия.

---

[1]) Разочаровываться способны только утописты. На западе неудачный исход революционного взрыва 1848—49 г.г. «разочаровал» только тех социалистов, — правда, их было много, — которые еще не разделились с утопическим взглядом на движение пролетариата. Маркс и Энгельс не «разочаровались» ни в чем именно потому, что они стояли на точке зрения *научного* социализма.

Значит, если бы наш дорогой «товарищ», мирно утоляющий боль своего «разочарования» в одной из организаций этого рода, вздумал одобрить и поддержать указанные политическия действия, то ему пришлось бы или самому лезть в «подполье», или, по крайней мере, косвенно помогать «подпольным» людям, войдя с ними в известные организационные отношение, т.-е., говоря проще, *примкнуть к подпольной политической партии*. Но этого-то и не хочет наш «разочарованный» товарищ, этого-то он и избегает пуще всего. Что же ему остается? Ему остается объявить указанные политические действия *несвоевременными* или, еще лучше, вообще не нужными. А так как они несомненно нужны с точки зрения людей, отстаивающих идею гегемонии пролетариата, то он поневоле обратится и против этой идеи.

Правда, он сделает это только в том случае, если он не лишен логики и умеет сводить концы с концами в своих рассуждениях. И надо также признать, что экземпляров, не утративших способности к логическому мышлению, совсем немного между нашими социал-демократическими октябристами. Потому-то Стива Нович, так хорошо «познавший самого себя», и представляется гигантом логичности между ними. Однако, отсутствие логичности не довод и даже не смягчающее обстоятельство. Неоспоримо все-таки, что последовательно мыслящий социал-демократический октябрист (иначе: «ликвидатор») не может не отбояриваться всеми неправдами от идеи гегемонии пролетариата.

Прошу заметить, что я весьма далек от мысли, будто у «ликвидаторов» *нет других поводов для нерасположения к этой идее*. Как не быть? Есть! Но трудно перечислить их всех. Да и нет в этом никакой нужды. Читатель находится тут в положении того короля, которому объяснили, почему при его въезде в город не стреляли из пушек: «во-первых, сказали ему, потому, что пушек у нас не имеется. Во-вторых...»—«С меня довольно и первой причины»—прервал оратора нетерпеливый венценосец. Так и читатель, наверное, прервал бы меня, если бы я вздумал разъяснять ему другие причины, побуждающие наших «разочарованных» беглецов из партии отворачиваться от идеи ге-

гемонии пролетариата. Он нашел бы, что указанная мною причина достаточно разъясняет вопрос. Тем не менее я отмечу еще вот что.

Как ни смирны наши социал-демократические октябристы, отдыхающие в легальных рабочих организациях от своих недавних «разочарований», но на современное правительство угодить не легко. Оно всюду видит «политику» и свирепо преследует даже самые безобидные рабочие организации. Это напоминает «ликвидаторам», что без политики, в самом деле, обойтись невозможно. Надо обеспечить себе хоть небольшие «легальные возможности». Надо «*бороться за легальность*». А чтобы наша работа не привела к новому поражению, мы должны,—рассуждают «ликвидаторы»,—прежде всего подумать о том, чтобы нас поддержала буржуазия. Но идея гегемонии пролетариата не нравится буржуазии. Что же делать? Salus populi suprema lex (благо народа высший закон). Принесем эту идею в жертву народным интересам. Это тот же самый тактический прием, которым наделал столько шуму Э. Бернштейн лет тринадцать тому назад. Чтобы не пугать буржуазию, он отказался от идеи социалистической революции, заменив ее идеей социальной реформы. Чтобы не пугать буржуазию, он отказался от материализма и перешел на сторону неокантианцев и т. д. и т. д.

Мы все знаем, что ничего, кроме скучнейших пустяков, из этой пресловутой «ревизии» не вышло. Но это мимоходом.

Читатель видит: как все дороги ведут в Рим, так все соображения «ликвидаторов» (сознательно или бессознательно, это все равно) ведут к отрицанию идеи гегемонии пролетариата. В этом нет ничего удивительного. Но странно и горько то, что рассуждения этого рода оказывают влияние даже на таких испытанных и серьезных товарищей, которые, казалось бы, не должны были иметь ничего общего с «ликвидаторством».

В № 2 «Дискуссионного листка» (14/7 июня 1910 г.) напечатана полемика товарища Ан. с товарищем К. Ст. по поводу статей, появившихся в грузинских газетах «*Азри*» и «*Дасоцхиси*» еще в 1908 г. и принадлежащих тому

же т. Ан. Не зная грузинского языка, я могу судить об этих статьях только по выпискам из них, приводимым спорящими сторонами. К сожалению, выписки эти не дают вполне точного понятия о ходе мыслей т. Ан., а пояснения к ним, делаемые этим последним, довольно таки сбивчивы. Но как бы то ни было, ясно одно: тов. Ан. оспаривает положение, высказанное мною на парижском международном съезде 1889 г.: «Революционное движение в России победит, как движение рабочих, или никогда не победит». Товарищ А. справедливо думает, что в этом положении высказана была мною идея гегемонии пролетариата [1]). Но он жестоко ошибается, находя, что идея эта уже отжила свое время. Совсем напротив: она своевременна теперь так же, как была своевременна двадцать лет назад. Но послушаем тов. Ан.

«Из всех обвинений о ликвидации, выдвинутых (тов. К. Ст.) в «Письме» против автора грузинских статей (т.-е. против т. Ан.), только одно верно:—это ликвидация идеи гегемонии пролетариата в освободительном движении настоящего и будущего. Главный аргумент этого не ссылка на Маркса или историю революции, а то изменение соотношений общественных сил, которое последовало за последние три года в связи с усилением экономической и вообще классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией и дифференциации классов. Конечно, те, которые думают, что обновление России совершится диктатурою пролетариата и крестьянства—этим аргументом не убедятся. Но есть другая половина партии, которая думает иначе, именно для нее может иметь значение это соображение. Не думаю, чтобы эти могли теперь продолжать думать, что в будущем движении буржуазия также пойдет за пролетариатом, как она пошла до 17 окт. Автор грузинских статей говорит, что во главе революции действительно стоял пролетариат и если (революция) не победила, это потому, что пролета-

---

[1]) Здесь он, как и следовало ожидать, обнаруживает несравненно больше проницательности, чем редакция «Голоса Социал-демократа», которая в лице т. А. Мартынова (см. его статью «Кто ликвидировал идейное наследство» в № 18 «Голоса») слепа-то и не примечает.

риат не может стоять во главе буржуазной победоносной революции; ибо, если она победоносна, она будет не буржуазная, а социальная».

Это совсем не убедительно. У тов. Ан. выходит, что наше освободительное движение потому оказалось в 1905—1906 годах не достаточно сильным для победы над полицейским государством, что во главе его стоял пролетариат. Но что же было бы, если бы им руководил, вместо пролетариата, тот или иной слой буржуазии? На этот вопрос я уже ответил выше. Движение это оказалось бы еще дальше от окончательной победы. Больше того. Можно с уверенностью сказать, что мы не дождались бы и исторического дня 17-го октября. Так как во главе нашего освободительного движения стоял пролетариат, то оно обнаружило максимум той силы, которую оно могло обнаружить при данных экономических условиях [1]).

Тов. Ан. рисует такую схему нашего дальнейшего политического развития.

«Итак, пролетариат, шествуя на своем революционном пути к своей радикальной цели, находит союзников среди недовольной буржуазии и, поддерживая ее оппозиционные требования, лежащие на линии его движения, тем самым облегчает себе дальнейшую борьбу» (стр. 29).

Я принимаю эту схему и спрашиваю тов. Ан., думает ли он, что у нас, *кроме буржуазии и пролетариата*, нет никаких общественных слоев, заинтересованных в низвержении старого порядка? Кажется, что он не может так думать. По словам оспариваемого им тов. К. Ст., он,—тов. Ан.,—везде понимает под буржуазией среднюю либеральную буржуазию, идеологами которой являются *кадеты*. Эти слова товарища К. Ст. не вызвали ни малейшего возражения со стороны тов. Ан. При том же он сам замечает, что

---

[1]) Это, однако, не значит, что этот максимум силы нашел надлежащее приложение. Было сделано много тактических ошибок, помешавших использовать надлежащим образом имевшуюся налицо силу. Но тут мы переходим уже к другому вопросу, на котором я не могу теперь остановиться. Скажу только, что я никогда не скрывал своего мнения насчет тактических ошибок нашей партии (см. мой «Дневник», «Письма о тактике и бестактности», «Новые письма о тактике и бестактности» и т. д.

«борьба со старым режимом не есть монополия пролетариата» (стр. 30). Значит, и он признает,—да, разумеется, и не может не признать,—что у нас есть общественные слои, которых нельзя смешивать ни с пролетариатом, ни со «средней буржуазией», и которые тоже заинтересованы в успехе освободительной борьбы. *За кем пойдут эти слои? За «средней буржуазией», или за пролетариатом?* Само собою понятно, что сознательная буржуазия должна будет стараться повести их за собою, а сознательный пролетариат обязан сделать все, от него зависящее, для того чтобы подчинить их *своему* руководящему влиянию. Если это ему удастся, то он опять окажется во главе освободительного движения, т.-е. в роли гегемона. Политическая логика—то же, что природа: гони ее в дверь, она влетит в окно.

Положим, однако, что российский пролетариат вспомнит совет тов. Ан. и вознамерится отклонить от себя руководящую роль. Каким путем может он придти к осуществлению этого намерения?

Другого пути нет: ему нужно будет сознательно уклоняться от борьбы с буржуазией за влияние на промежуточные общественные слои. Но подобное самоотречение равносильно политическому самооскоплению. Захочет ли пролетариат подвергнуть себя такой операции?

Я сильно сомневаюсь в этом. Мало того, я думаю, что операция эта не входит и в расчеты тов. Ан. Мне кажется, что он просто не подумал, куда ведет неотразимая логика его «ревизии» социал-демократической тактики.

А если я ошибаюсь; если тов. Ан. готов принять все те выводы, которые вытекают из его «ревизии», то пусть же не обижается он на тех товарищей, которые, подобно тов. К. Ст., примут его за полного «ликвидатора». Повторяю, кто говорит А, тот должен сказать также и Б...

«Ликвидаторы» начинают не с того конца, с которого начал тов. Ан... Исходной точкой *их* «ревизии» служит пренебрежительное отношение к революционному «подполью» во имя легализма. Но если бы революционное «подполье» приказало долго жить; если бы наши социал-демократы пе-

ренесли всю свою деятельность в легальные рабочие организации; если бы в самих этих организациях не нашлось пролетариев, способных восстать против социал-демократического октябризма, то мы пришли бы как раз к тому, о чем мечтает тов. Ан.: наш сознательный пролетариат не выступал бы в роли гегемона по той простой причине, что он уже был бы неспособен к ней и не достоин ее. И тогда буржуазии оставалось бы только рукоплескать его политической «мудрости»; она достигла бы, наконец, того, к чему она до сих пор так безуспешно стремилась: под ее руководящее влияние подпали бы все промежуточные общественные слои.

Тов. Ан. не хочет запугивать буржуазию. И не подлежит никакому сомнению, что только политические романтики, опьяневшие от революционных *фраз*, захотели бы пугать ее из любви к искусству. Но пусть вспомнит тов. А. когда кадеты,—которых он считает идеологами средней буржуазии,—обнаруживали некоторое поползновение заигрывать с революционерами. *Только тогда, когда достигло своей наивысшей точки руководимое пролетариатом освободительное движение.* Это можно доказать документально. И если бы теперь опять началось широкое революционное движение, то г. Милюков опять высказался бы за созыв учредительного собрания; правда, теперь революционное движение должно было бы стать несравненно более глубоким и широким для того, чтобы наученные опытом кадеты поверили в его непобедимость, но это ничуть не изменяет дела.

Политический младенец тот социал-демократ, который во имя ложно понятого «принципа» отказывается использовать для своей великой цели всякое (между прочим и кадетское) движение против существующего порядка. Но право же не много политической зрелости обнаружит и тот, который испугается призрака «запуганного» г. Милюкова.

Аксиома. Чтобы поднять до возможно более высокой степени храбрость и решительность «средней буржуазии», представляемой кадетами, (или, если хотите, для того чтобы до крайней степени уменьшить их трусость и нере-

шительность) необходимо довести до максимума силу революционного движения [1]).

Об эту аксиому разбиваются все доводы тов. Ан., основанные на полном ее забвении. И она же лишний раз показывает, как ошибочна тактика «ликвидаторов». Если бы тактика эта восторжествовала у нас надолго, то, неизбежным следствием этого явилось бы прекращение революционного движения, *поскольку ход его зависит от сознательных усилий социал-демократов*. А это, в свою очередь, крайне уменьшило бы шансы успеха той «*борьбы за легальность*», с планами которой наши социал-демократические октябристы носятся теперь, как с новым евангелием.

К счастью, октябризм *социал-демократический* так же несостоятелен, как и октябризм *буржуазный*. Недалеко то время, когда его будут стыдиться многие и многие из его нынешних сторонников и пособников. Вот почему мы, революционные социал-демократы, не имеем повода «смотреть на будущность с боязнью». Мы не знаем, какой именно *вид* примут события нашей внутренней жизни. Но мы хорошо знаем, что какой бы *вид* ни приняли они, *общее направление* их хода будет гораздо благоприятнее для нас, нежели для наших врагов.

Борьба со старым порядком далеко еще не кончена в России. Тот исторический процесс, благодаря которому наш пролетариат выступил на историческую сцену и стал во главе освободительного движения, не прекратился. Экономическое развитие России совершается теперь при условиях, очень замедляющих его; однако *оно* все-таки совершается. А раз совершается, то все-таки не перестает расти как численность рабочего класса, так и его сознательность и наконец, объективная возможность его политического влияния на промежуточные слои. Все это изменяет соотношение наших общественных сил в нашу пользу.

Чернышевский воскликнул когда-то: «пусть будет, что будет, а будет все-таки на нашей улице праздник!» Я

---

[1]) А мы уже знаем, что оно достигает до максимума лишь под руководством пролетариата.

с твердой уверенностью повторяю теперь его бодрые слова, несмотря на всю позорную непривлекательность переживаемого нами безвременья. Только я прибавляю к ним одно «если»: *будет* на нашей улице праздник, *если* мы справимся с нашим собственным октябризмом и возродим нашу партию, которая, при всех своих недостатках, погрешностях и ошибках, уже оказала колоссальные, незабвенные услуги делу пролетариата и борьбы за политическую свободу.

Книга тов. С. Т. Аркомеда воскрешает в памяти читателя лучшие традиции российской социал-демократии. Этого достаточно для того, чтобы от всей души пожелать ей успеха.

Нужно ли прибавлять здесь, что меня глубоко тронули те простые, теплые, дружеские слова, с которыми он обратился ко мне в своем посвящении? Скажу одно: сочувствие, идущее со стороны товарищей, подобных С. Т. Аркомеду, способно вознаградить за многие тяжелые минуты, неизбежные в настоящее время,—время неожиданных измен и постыдных шатаний. Будем надеяться, что это подлое время скоро пройдет и что «восточная социал-демократия», о которой говорит он, скоро оправится от переживаемого ею кризиса.

Г. Плеханов.

Август, 1910 г.
Женева.

Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе.

(с 80-х гг. по 1903 г.)

I.

Общие сведения. Положение рабочего класса на Кавказе.

Для определения общественных течений края является необходимостью прежде всего иметь правильное понятие о социально-экономическом и этнографическом положении страны. В этом отношении одна из важных окраин России—Кавказ, есть по настоящее время почти terra incognita [1]) для широкой публики.

До последнего времени для многих Кавказ представлялся краем, обитаемым только «дикими горцами», «некультурным диким населением», дающим громадный процент уголовных преступников, разбойничьих, профессиональных шаек. Такого мнения были многие, такого мнения держались и в царских правительственных бюрократических сферах, которым было это выгодно, чтобы оправдать свою политику кнута, нагайки и виселиц.

В глубоком мраке, в непроницаемом невежестве и нищете, обусловливаемых старым режимом и его правительством, не удивительно было наталкиваться на явления антисоциального характера. Преступник, раб ведь вечно не может остаться в рабстве; при некоторых изменившихся объективных условиях жизни, раб пробуждается, открывает глаза и познает своего врага, поработителя. И вот

[1]) Неизвестная область.

эти-то «дикие кавказские племена» своей активной борьбой в революционном, освободительном движении за последние годы показали, насколько они были дикарями и рабами. Кавказский же пролетариат—детище этих «диких племен»—своей ролью революционного авангарда приводил всех в изумление и восхищение. Кто только бывал свидетелем всему тому, что происходило в «свободные дни» (1905 г.) в кавказских городах—Тифлисе, Баку, Батуме и т. д., на народных собраниях, митингах и при других событиях общественного характера, в которых принимали участие десятки тысяч «диких», он мог понять, до какой степени дух свободы развит в них, на какой образцовый порядок и разумные действия они способны.

Кавказские народы выросли, кавказский пролетариат под руководством социал-демократии возвысился настолько в своем революционно-политическом развитии, что в этом отношении буржуазия и ее интеллигенция уступали ему место, стушевывались. Буржуазная пресса, литература, журналистика были захвачены врасплох; буржуазные деятели и либеральная интеллигенция пришли в такое недоумение и неопределенное положение, в котором разобраться им было не так легко.

Что случилось? Неужели эти фигуры в лохмотьях, в рабочих синих блузах, выступавшие с горячими речами в народных собраниях на защиту своих классовых интересов, были не те же вчерашние «рабы», не те же знакомые лица из крестьян и рабочих? Да, это были те же люди, по внешности хотя и мало изменившиеся, по внутреннему же мировоззрению оказавшиеся настолько неузнаваемыми, что приводили в отчаяние и трепет господствующие классы и их идеологов.

И самое важное, что надо отметить, это то, что эта метаморфоза, изменение в мировоззрении и сознании трудящихся масс, промышленного пролетариата и крестьянской бедноты, могло бы произойти только вследствие изменения социально-экономических отношений и что интереснее еще—в промежуток очень короткого времени. На самом деле, лет 15—20 тому назад казалось многим, что кавказским народам при существующем режиме, под гнетом и давлением

политического произвола, нищеты и невежества, невозможно было бы подняться до известной степени самосознания и что их удел—вечная тьма, рабская подчиненность и холопство; но сила вещей взяла верх над «мудрой политикой» людей старого режима. В течение двух последних десятилетий совершается процесс общественно-экономического развития, который, создавая новые, живые общественные элементы, ставит их в антагонизм со старыми элементами, сталкивает их друг с другом, способствуя тем самым борьбе между ними и решению их судеб. Перед нами в упомянутый промежуток времени быстро протекают явления вымирания старых форм экономической и социальной структуры общества и зарождения, формирования и развития новых. Старые местные (национальные) производства в периоде исчезновения и некоторые из них уже совсем исчезли. Исчезают и исчезли некогда сильные организации ремесленных амкаров (цехов). Так совершенно исчезли азиатское сапожное дело (харазы—азиатский сапожник) [1]); азиатское шапочное дело (чони); азиатское портняжное дело (дерцик) находится на краю гибели. Большая часть «кинто», этих своеобразных кавказских босяков, которых насчитывали тысячами почти во всех кавказских городах, вымерли и в скором времени очевидно их не станет. Их поколение превратилось в наемных рабочих; они работают в мастерских, на заводах, фабриках, преимущественно табачных.

Все старое, патриархальное отодвигается на задний план, исчезает, уступая место новому, прогрессивному течению. Лет 25—30 тому назад существовала масса «зарафов»—меняльщиков, ростовщиков, а с того времени уже завелись десятки банковых и кредитных учреждений. В Тифлисе, в этом центральном городе Кавказа, в те же времена население употребляло домашним способом приготовленную сальную свечу, не имея понятия о том, что так близко от него в недрах кавказской земли кроются неистощимые богатства нефти.

---

[1]) Харазы составляли в 70—80-х годах пр. ст. один из важных амкаров (цехов) в Тифлисе.

Открытие закавказской железной дороги в семидесятых годах, из Поти до Тифлиса, проведение ее линии из Тифлиса до города Баку в начале 80-х годов и добывание нефтяных продуктов на Апшеронском полуострове произвели в крае экономический переворот. Нефть дала сильный толчок капиталистическому развитию страны.

Кроме нефти страна одарена и другими естественными богатствами; обработка марганца (в Кутаисской губ.), меди (Елизаветпольск. и Тифлисск. губ.), получила широкие размеры. Торговое дело сильно развилось. Хлопковое производство (Эриванская губ.), табаководство (Сухумский округ) расширилось, как и винное и коньячное дело (Кахетия, Эриванск. губ.) и другие; даже сельскохозяйственные производства принимали постепенно индустриальный характер.

При коренном устранении политического гнета и давления старого режима, при рациональной культуре и широком размахе в развитии производительных сил, благосостояние страны в скором времени поднялось бы до высших степеней.

Несмотря на все усилия кавказских «народников» и реакционеров всех оттенков остановить капитализм в своем победоносном шествии,—на их увещевания, устную и письменную пропаганду по адресу крестьянства не покидать деревню, чтить святость своего деревенского, патриархального очага, тем не менее крестьяне массами бросали «свой очаг» и отправлялись в центральные города на заработки. Эта эмиграция, начавшаяся со времени проведения железных дорог, приняла большие размеры в последние годы. Некоторые уезды буквально опустели, лишившись молодых рабочих рук; так, напр., горные уезды края «Карабага» [1]),—Зангезур, Гапан, в Грузии—Озургетский уезд (Кут. губ.) и др.

В деревне земледельческий труд стал для крестьян недостаточным источником для прокормления себя и своей семьи, и они бросали деревню и отправлялись в города на заработки. В городской промышленности рабочие находили

---

[1]) Историческая родина «Меликов», старинных армянских феодальных князей.

возможность кое-как просуществовать только ценою тяжких страданий и мучений, наблюдаемых всюду в процессе первоначального развития капитализма. К сожалению, по настоящее время на Кавказе ни на каком языке не появилось ни одного серьезного труда, который бы представлял точно картину жизни рабочего класса и его положение на Кавказе. А это положение ужасное, непонятное во многих отношениях даже европейской буржуазии. Можно в самом деле легко представить себе положение, при котором рутина все еще господствует в производстве, хотя усовершенствованные средства производства все более и более вытесняют старые, при чем хотя условия труда ненормальны, хаотичны и пагубно действуют на здоровье и жизнь рабочих, однако, последние тем не менее, вследствие своей отсталости, несознательности и рабского понимания отношений труда и капитала, вовсе и не были настроены шевелиться, проявлять противодействие, борьбу хотя бы для некоторого улучшения своего быта.

При таком положении туземные капиталисты—шушинский армянин или татарин-помещик, эти грубые, невежественные азиаты, проявляли все свои дикие инстинкты в порабощении рабочих, создавая для них всевозможные формы и виды эксплоатации. Чтобы характеризовать отношение туземцев-капиталистов к рабочим, я упомяну здесь только следующий факт: в начале 1900 годов на съезде бакинских нефтепромышленников при обсуждении вопроса о регулировании отношений наемного труда и капитала, представители европейских нефтепромышленных фирм, Бенкендорфа и Нобеля, предлагают уменьшение продолжительности рабочего времени в нефтяном производстве. Известный кавказский крупный капиталист Манташев и вместе с ним местные капиталисты-промышленники, энергично выступая против такого предложения, проваливают его. Надо сказать, что Манташев один из «прогрессивных» капиталистов и считается на Кавказе «видным благодетелем». Если таков тип «просвещенного» азиата-капиталиста, то не трудно понять характер приемов и форм эксплоатации, применяемых туземными «непросвещенными» капиталистами по отношению к своим рабочим.

«Произволу хозяев предоставлен полный простор: они делают, что хотят, не боясь никого и ничего, и являются полными господами жизни и здоровья рабочих, а рабочие их рабами» [1]). В виду полного отсутствия ответственности хозяев перед законом, положение рабочих во всех отношениях становится непрочным, необеспеченным. При конфликтах между трудом и капиталом, полиция вмешивается, но, конечно, дело разбирается и решается всегда в пользу хозяев. Рабочие прибегали иногда к суду, но из этой комедии—судебного процесса в рамках самодержавного законодательства—ровно ничего не выходило. В большинстве случаев хозяева выигрывали дело, так как тому способствовала всегда вся обстановка дела (сила капиталиста, подкасовка свидетелей, боязнь свидетелей-рабочих дать показания против хозяев и т. д.), и юридическая формалистика брала всегда верх над справедливостью. Во время нефтяного кризиса 1902—3 годов в Баку сотни рабочих выбрасывались на улицу, хотя среди рассчитанных было много законтрактованных. Были попытки со стороны рабочих привлечь к ответственности судебным порядком необузданных промышленников, но «дело тянулось годы, а за это время рабочий, не имевший места, или спивался и умирал где-нибудь под забором в городе, или махал рукой на всю эту канитель и исчезал из Баку. Непрочное положение рабочего, отсутствие союзов и рабочих касс в этот период времени давали себя чувствовать с особенной силой. Все судовые служащие, начиная от матросов и кончая командирами судов, могут быть вышвырнуты со службы в любой момент без всякой уплаты неустойки. Моментально все вещи его выкидываются с парохода на пристань, и ему объявляют, что он больше не служащий. За что? За пьянство,—по контракту за пьянство можно выгонять служащего без уплаты денег, следуемых по контракту. Если выгнанный, который не пьянствовал, подает в суд, хозяин выставляет против него десяток персов-лжесвидетелей и выигрывает дело. Произвол царит в нефтяных промыслах» [2]).

---

[1]) Письмо из Батума в Искре № 16.

[2]) Искра № 47.

На заводах и на фабриках происходят очень часто несчастные случаи. Кроме того, что жадные хозяева нисколько не заботятся о безопасности рабочих, они предпочитают в своих интересах нанимать дешевых, необученных рабочих, с которыми и легче и чаще всего случаются несчастные случаи. «В жестяночных и лесопильных отделениях нефтяных заводов в Батуме редкий день проходит без несчастных случаев. Если случится несчастье с рабочими при исполнении работ, протоколы пишут, как ни странно это, управляющие заводов. Если рабочему отрежет станком палец, пишут, что «поранение несерьезное»; если рабочему отрежет кисть руки внезапно опустившимся ножом штампы, когда он выковыривал застрявшую жесть, которая должна была бы выбрасываться автоматически,— пишут, что поранение произошло по собственной неосторожности рабочего. Если же рабочий, чтобы предупредить падение ножа, подложит под него кусок дерева, и если нож опустится на это дерево, ему пишут штраф в размере 3—5 руб. Точно также рабочих, которые попадают в станок четвертый и пятый раз, попросту выгоняют, придравшись к какому-нибудь пустяку, чтобы не выплачивать ему вознаграждение как неспособному к труду.

«В паяльных отделениях нефтяных заводов рабочие хворают горловыми и грудными болезнями, так как воздух в этих мастерских насыщен парами разных кислот. В разливочных отделениях этих заводов у рабочих от керосина пухнут ноги и покрываются язвами. Трудно в Батуме найти рабочего, который не хворал бы лихорадкой и ревматизмом» [1]).

«Лестница на резервуаре не закреплена. Рабочему приказывают лезть на нее; он лезет, падает вместе с лестницей и калечит себе руку или ногу. Он подает в суд, хозяин тянет дело по всем инстанциям два-три года. Искалеченный человек, неспособный к труду и оставшийся без хлеба, идет на нищенство. Его ловит полиция и отправляет этапным порядком на родину. Не находя там пищи, калека уходит снова в город и начинается странствование по остро-

[1]) Искра № 16.

гам и этапам. А тем временем его вызывают в суд; повестка до него не доходит и дело прекращается за неявкой истца» [1]).

Нефтяная промышленность одна из самых отвратительных отраслей производства. Грязь, копоть, вонь, от которых совершенно чернеют и задыхаются люди.

Кто бывал хоть короткое время в Балаханах, Сабунчи в то время, когда еще рабочего движения в Баку не возникало, наталкивался на такие явления, которых никто никогда и не мог предположить. Кто не помнит этих грязных, удушливых казарм нефтяных промыслов, в которых рабочие валялись, как сельди в бочке? Это были рабочие дома. Кто не помнит этих пожаров, часто происходивших по небрежности и по недосмотру на нефтяных промыслах и охватывавших целые нефтяные районы? И сколько было при этом несчастных случаев, сколько жизней пожирала стихия!.. Нефтепромышленники смотрели на сотни погибающих жизней, как на обыкновенное явление, и не считали себя ответственными за их гибель...

«Безотрадную картину представляют из себя также рыбные промыслы восточного Закавказья. На промыслах этих собирается весной весь пришлый пролетариат, наголодавшийся за долгую зиму и еле дотянувший до весны. Тут собирается наиболее голодный народ, а следовательно наиболее приниженный. Грамотных мало, и хозяева широко пользуются этим обстоятельством. Например, когда рабочий нанимается, хозяин отбирает у него паспорт, но рабочей книжки не дает. Рабочие загоняются, словно скот, в грязные тесовые бараки. О пище нечего и говорить. Надо побывать на этих промыслах самому, чтобы составить себе о них представление. И вот, если кто-нибудь из этих обиженных людей запротестует, хозяин без всяких разговоров выгоняет его, при чем чаще всего не отдает ни паспорта, ни заработка. Обиженный рабочий идет к начальству, которое прежде всего требует паспорт. Рабочий начинает объяснять, но его не слушают. Подавай или паспорт

---

[1]) Письмо из Баку в Искре № 47.

или книжку. Ни того, ни другого нет. Иногда начальство наводит справку, хозяин отвечает, что жалованье уплачено, а паспорт отдан назад, тогда полиция арестовывает рабочего как беспаспортного и выпроваживает на родину. Таким образом фабрикуются беспаспортные бродяги. Но самое главное зло, это—материальная необеспеченность рыбопромышленного рабочего. Улов хорош—жалованье платится, улов плох—рабочий не получает ничего. Хозяин скрывается, и никто его не преследует, а так как залога вносить не полагается, то зачастую целая партия рабочих, проработав два-три месяца, остается без всякого заработка» [1]).

Присвоение и урезывание хозяевами заработка рабочих—не редкое явление и практикуется не только на рыбных промыслах.

«На заводах в Батуме практикуется скрадывание рабочего времени и вычета. Часто рабочие получают лишь половину заработанных денег: остальную половину вычитывают за брак, хотя рабочие не виноваты, так как причиною плохого исполнения работы являются старые, испорченные машины. А у Манташева на заводе машины пускаются в ход на полчаса, на час раньше гудка» [2]).

Продолжительность рабочего дня во всех отраслях производства не нормирована, хотя по закону ограничена $11^1/_2$ часами в сутки для промышленных заведений. Хозяева заставляют работать сколько им угодно. «До апреля месяца (1903 г.) кондуктора и кучера бакинской конки работали не более и не менее как по 18 часов в сутки, от 5 часов утра до 11 часов вечера, имея на обед всего полчаса».

Подобные случаи 17—18-час. рабочего дня не редки.

«В городе Батуме особенно развит труд малолетних. На заводе Манташева работают 7—8-летние дети. Дети работают столько же часов, как и взрослые, а так как здесь производство отличается страшным непостоянством и во время заказов на заводе Манташева число рабочих часов доходит до 105 в неделю, то детям приходится простаивать

---

[1]) Ibid.
[2]) Искра № 16.

за станком по 15—16 часов в сутки. С прекращением заказа обыкновенно расчитывается половина рабочих» [1]).

А каково же положение детей учеников в особенности в ремесленных заведениях на Кавказе? Вся жизнь этих несчастных 8—15-летнего возраста проходит в лишениях и страданиях; им ничего не платит хозяин-ремесленник в течение нескольких лет, пока они не научатся ремеслу. Он по традиции и обычаю обязывается содержать их, но содержит, конечно, много хуже домашнего животного, собаки или осла, в лохмотьях и грязи. Эти дети исполняют всякие работы, как в хозяйском доме, так и в мастерской: он и ученик, и прислуга, и носильщик, и комиссионер хозяина и хозяйки. Их заставляют работать до поздней ночи и вставать по утрам раньше всех. Они подчиняются всему, что прикажет хозяин, его капризам и прихотям, их вечно оскорбляют, ругают площадно и часто бьют, бьют иногда беспощадно. Эти вечно оскорбленные и битые, искалеченные физически и нравственно терпят молча, терпят, так как этого требует обычай. Они ведь дети, протестовать не в состоянии...

Да разве только детей третируют так беспощадно хозяева? По отношению к взрослым рабочим не редко практикуются не только грубое обращение, ругательство, но и кулачная расправа. «На наших заводах,—пишет тот же батумский корреспондент Искры,—господствует по отношению к рабочим кулачная расправа. Рабочих бьют надсмотрщики, заведующие, механики и сами директора. Особенным постоянством в этом отношении отличается управляющий завода Манташева—Тер-Акопов, а на заводе Ротшильда механик Штубер и приказчик Файнштейн. Бьют и ребятишек, чтобы они усерднее работали. Особенно жестоко поступает с ними приказчик Файнштейн».

В г. Эриване на базаре при найме рабочих садовладельцы бьют тех из них, которые осмеливаются требовать заработную плату, выше произвольно установленной хозяевами нормы. А эта норма—35—45 коп. в день для взрослых и

---

[1]) Ibid.

20—25 коп. для детей. Заставляют же их работать от 5—6 часов утра до 7—8 ч. вечера.

Такова приблизительно в общих чертах жизнь рабочих на Кавказе. Полная анархия в производстве и азиатчина, неограниченная и необузданная власть капитала, санкционированные и поддержанные соответствующим азиатским политическим строем—таково общее положение, в которое поставлены трудящиеся массы. Они страдают кроме того и от недостаточного развития производства и от своей собственной отсталости и бессознательности.

С возникновением на Кавказе социал-демократии впервые был брошен камень в болото; массы смутились, заволновались и, осознавая постепенно свои классовые интересы, вступили в длительную экономическую и политическую борьбу со своими врагами. Они постигли универсальное средство освобождения и только этим наилучшим средством—борьбой осуществят они свою полную эмансипацию.

II.

Возникновение рабочего движения. Первые его шаги на Кавказе.

Рабочее движение возникло на Кавказе с того момента, когда необходимые для этого объективные условия были выдвинуты самым развитием общественно-экономической жизни страны, когда стали диференцироваться общественные, производственные отношения. Начало этого движения следует отнести к 80-м годам пр. ст. Начиная с этого периода в промежуток четверти века оно развивалось глухо, расширялось и дошло за последние годы до широких размеров.

Два резко отличающиеся своим характером периода могут быть констатированы в рабочем движении на Кавказе. Первый период, начиная с 80-х годов пр. ст. до 1900 г., мы называем периодом стихийно-бессознательного экономического движения, второй же период, охватывающий промежуток времени с 1900 г. по 1905—6 г.г.—периодом сознатель-

ного политическо-экономического движения. В данном случае термин «сознательного движения» мы употребляем в том смысле, что передовая часть рабочего класса, как бы она немногочисленна ни была, становится руководителем движения, дает тон и направление революционному делу, возбуждает настроение и увлекает за собой более отсталые многочисленные слои рабочего класса.

Остановимся несколько на стихийном периоде движения.

Центром возникновения и развития рабочего движения являются на Кавказе города Тифлис, Баку и Батум. Эти города были соединены железнодорожной линией в начале 80-х годов, сперва портовый город на Черном море Батум с Тифлисом, а затем уже магистральная линия Закавказской железной дороги окончательно была закончена от Тифлиса до Баку в 1883 году. Таким образом открывалось для бакинской нефтяной промышленности железнодорожное сообщение с внутренним и, что еще важнее, мировым рынком, что имело решающее значение для развития в стране капитализма. Если принять во внимание, что бакинская нефтяная промышленность приносит $^1/_{20}$ всего государственного бюджета Российской империи, то само собою понятно, какое громадное экономическое и политическое значение представляет г. Баку со своим нефтяным машинным производством для всей империи вообще и для Кавказа в частности.

Местный и иностранный капиталы стали функционировать в более и более значительных размерах. В первых стадиях развития капитализма труд был страшно эксплоатируем, а эксплоатируемые, как я уже говорил, вследствие своей полной бессознательности и рабского понимания человеческих отношений поддавались всем видам эксплоатации, хотя там и сям, в той или другой мастерской или на заводе происходили столкновения, конфликты между рабочими и хозяевами, но они носили лишь частный изолированный характер.

В Тифлисе была основана в 70-х годах миллионерами бр. Мирзоевыми первая на Кавказе ткацкая хлопчатобумажная фабрика, число рабочих которой в лучшие годы дохо-

дило до 1000 человек [1]). В течение $^1/_4$ века существования этой фабрики велась беспрерывная борьба между рабочими и фабрикантом. Рабочие прибегали очень часто к стачкам, предъявляя требования увеличения заработной платы, уменьшения рабочего времени (работали до 16—17 часов в сутки), устранения ночной работы, выдачи заработной платы за время остановки фабрики по случаю ремонта или по другим причинам и т. д. Рабочие, вследствие своей крайней отсталости, неорганизованности и разных интриг и хитрых махинаций хозяев, в большинстве случаев проигрывали и, вынужденные нищетой, голодом и холодом, становились на работу. Это происходило в 80-х и 90-х годах. Полиция вовсе и не вмешивалась во время этих конфликтов, так как хозяева умели урегулировать их по «домашнему»; они собирали рабочих, и принимая вид «благодетелей», «отечески» увещевали рабочих стать на работу, уверяли, что они всегда желали им добра, не хотят вовсе прибегать к крутым мерам, им жаль рабочих, они мол являются их кормильцами и если закроют фабрику, они со своими семействами будут голодать, будут обречены на нищету и страдания... Вот таким «отеческим», «попечительским» языком говорили они, а рабочие слепо верили им, становились мирно на работу; а если уже хозяева, в крайних случаях, вынуждены были прибавлять 2—3 коп. на аршин вырабатываемого полотна, то рабочие смиренно и с благоговением вспоминали эту великую хозяйскую «добродетель». А хозяева на основании этой «добродетели», прибегая еще к худшим формам эксплоатации, выжимали полноправно последнюю силу работоспособности рабочих. Так было не только на одной фабрике, но и во всех отраслях производства.

Таков был общий характер взаимных отношений между рабочими и хозяевами в 80-х г.г. вплоть до середины 90-х годов пр. ст.: политика «отеческого» и «благодетельского»

---

[1]) Эта фабрика перешла к известному тогда на Кавказе торговцу-капиталисту французу Ришару, а затем уже к бывшему тифлисскому банкиру Читахову. Впоследствии она была закрыта, рабочие ее долго терпели нужду и нищету; часть из них поступила на табачные фабрики, а другая часть отправилась искать работу в Баку на такой же ткацкой фабрике Тагиева.

попечения капиталистов о рабочих, с одной стороны, и слепое смиренное повиновение рабочих—с другой. Но порою рабочие, доведенные до крайней степени притеснения, проявляли коллективное противодействие. В 1894—5 г.г. в Тифлисе рабочие табачной фабрики Бозарджиан забастовали, каждый день сотни рабочих шумно и демонстративно расхаживали по улицам, выражая сильный протест против гнусной эксплоатации и обмана хозяев. Кроме обычных грубых приемов эксплоатации и бесчеловечного третирования, которым подвергались рабочие фирмой Бозарджиан, главным поводом к такому открытому, безбоязненному массовому неудовольствию и протесту рабочих послужило следующее: фирмой Бозарджиан была основана при конторе фабрики с согласия рабочих касса с целью оказывать материальную поддержку рабочим и их семействам при несчастных случаях, болезни или смерти. Еженедельно удерживалось в пользу кассы 4—5% с заработной платы рабочих в течение нескольких лет, при чем впоследствии оказалось, что никаких записей ни в книгах конторы, ни в расчетных книжках рабочих не производилось. Рабочие, делая сбережения, не обращались к помощи кассы, забыв даже, по своей наивности, об ее существовании. Умер один из рабочих. Рабочие обратились к хозяевам с требованием выдачи из кассы расходов на похороны умершего товарища. Хозяева наотрез отказали, заявив, что никакой кассы нет, вовсе ее и не существовало. Это взорвало всех рабочих; они забастовали и стали устраивать ряд шумных уличных демонстраций. Вмешалась в дело тайная и явная полиция. Не могло быть никакого сомнения, что администрация должна была задушить неудовольствие и протест, применить к этим «бунтовщикам» строжайшие полицейские меры. Фирма Бозарджиан пустила в ход все средства для подавления рабочих, подкупила полицейских и жандармов, рассчитала всех рабочих и закрыла на время фабрику. Главари «бунтовавших» рабочих были арестованы и заключены в тюрьму.

Показаниям сотен рабочих не верили, они, мол, лгали, а поверили только «честному слову» капиталистов. По исчислению рабочих, сумма сбереженных ими денег доходила до 30.000 руб. Спустя несколько времени бр. Бозарджиан вы-

писали новые, усовершенствованные машины, купленные, несомненно, на присвоенные ими денежные сбережения рабочих, и поставили на работу только женщин-работниц, которые были сравнительно более «послушны и аккуратны». Уволенные и ограбленные рабочие не переставали в течение почти десяти лет предъявлять свои претензии к фирме Бозарджиан. Наконец, в конце 1905 года, при сильном подъеме революционного движения, фирма Бозарджиан вынуждена была удовлетворить требование рабочих, но вместо 30,000 руб. выдала им каких-нибудь 2—3 тыс. руб., и таким образом эта старая история была окончательно улажена.

Такая система присвоения рабочих сбережений, видимо, практиковалась и в других промышленных заведениях. Так, например, по доставленным нам в свое время сведениям, на ткацкой хлопчатобумажной фабрике наследниц Читахова существовала такая же касса, и по закрытии окончательно этой фабрики, рабочие не получили сбережепных ими денег. В конце 1905 года был обнаружен такой же факт и на табачной фабрике Сапарова.

Главным центром этого и последующего периода более или менее сознательного рабочего движения являлись мастерские и депо закавказской железной дороги, преимущественно тифлисские. В последних работало от 4—5 тысяч чел. Одной из стихийно возникших и замечательно выдержанных забастовок надо считать декабрьскую забастовку 1898 года, прекратившую движение товарных поездов и кончившуюся полной победой рабочих.

В № 2—3 «Рабочего Дела» за 1899 г. по поводу этой забастовки мы читаем следующее:

«В последних числах декабря на Закавказской жел. дороге произошла стачка нескольких тысяч рабочих мастерских, а также кондукторов, машинистов и проч. служащих на этой дороге. После выкупа казной Закавказской жел. дороги многие льготы, которыми пользовались рабочие и служащие, были мало-по-малу уничтожены. В последнее время недовольство порядками дошло до открытых манифестаций. На станции Михайлово начальством была доставлена жалобная книга, куда недовольные могли записывать свои неудовольствия. Начальство рассчитывало, что

никто не заявит, но оно ошиблось в расчете; более *тысячи* служащих и рабочих внесли в книгу свои жалобы. Через некоторое время *книга эта исчезла*. Рабочие, наконец, решили забастовать. Прекратили работу в Тифлисе в железнодорожных мастерских, а также приостановлены были товарные поезда. Когда делегация от рабочих явилась к начальству, то последнее, желая извлечь из всей этой истории повод к новым преследованиям против армян, начало расспрашивать делегатов, не подбили ли рабочих армяне. Один из делегатов, русский рабочий решительно заявил, что армяне тут не при чем, что все рабочие, русские, грузины и армяне, одинаково недовольны порядками и подстрекать кого-нибудь не было надобности. Делегатов всех арестовали. Рабочие в общем вели себя мирно, только избили директора дороги. Администрация двинула против стачечников войска. На третий день стачки министр путей сообщения по телеграфу распорядился удовлетворить рабочих. Стачка была выиграна. Местная интеллигенция вскоре устроила вечер и подписку для помощи арестованным и их семействам».

Как можно видеть из приведенной цитаты, во время этой и следующих неоднократно повторяющихся стачек выставлялись требования устранения суровых правил, применяемых железнодорожной администрацией в этих мастерских, а также требования чисто экономические для улучшения быта рабочих. Но эти требования, степень полезности и важности которых еще неполно и недостаточно выяснена, предъявлялись неорганизованным пролетариатом и носили характер случайный, преходящий. Так было не только в Тифлисе. Правда, в Баку, Батуме и в других местностях Закавказья до 1900 года спорадически проявлялись также симптомы рабочего движения в виде стачек, единичного и коллективного протестов против суровых и диких приемов эксплоатации хозяев и их старших и младших управляющих и даже физических насилий, но они настолько были незначительны, что даже не выплывали наружу, предавались полному забвению и молчанию.

Но этот период азиатчины, господствуя в промышленности около четверти века, заканчивается, хотя отчасти и

не повсюду, к концу 90-х годов пр. ст., после которых и начинается второй период более или менее сознательного экономического и политического рабочего движения, к изложению которого я и перехожу.

III.

Рабочее движение в Тифлисе и социал-демократическая организация.

История и процесс развития этого периода движения есть история и развитие кавказской социал-демократии. Они тесно связаны друг с другом, обусловливают друг друга. Возникновение социал-демократических групп, имеющих своей целью систематическую пропаганду и агитацию в слоях промышленного пролетариата, а затем образование постоянной социал-демократической организации в Тифлисе и других закавказских промышленных центрах, являются ферментом и движущей силой дальнейшего рабочего движения.

Укажем в общих штрихах путь развития и организации социал-демократии и параллельно с ним политическо-экономического движения рабочего класса.

Первые социал-демократические группы возникли в Тифлисе, столице Закавказья. Уже в 1896—7 годах существовали в этом городе кружки, в которых преобладающий элемент составляли рабочие. Эти кружки носили первоначально чисто образовательный характер. В следующих 98—99 годах по инициативе и руководству группы интеллигентов социал-демократов [1]). были образованы в промышленных районах города рабочие кружки, главным образом из рабочих железнодорожных мастерских и депо. С этого момента в этих рабочих кружках ведется усиленно систематическая пропаганда. Автор статьи под заглавием «Рабочая организация на Кавказе за 1899—1901 гг.»,

---

[1]) К этой малочисленной группе примыкали, кроме интеллигентных работников туземцев, также и русские революционеры социал-демократы, сосланные из России на Кавказ в административном порядке.

помещенной в грузинской нелегальной социал-демократической газете «Брдзола» (Борьба) № 2—3, объясняет возникновение социал-демократической деятельности приблизительно следующим образом: «В начале во главе дела стала передовая интеллигенция, которая, основательно изучив рабочее дело и революционную социал-демократию Западной Европы, была убеждена в том, что Кавказ представляет для развития этого дела плодотворную почву. Эта интеллигенция подошла к рабочему классу, выбрала из его среды более надежных и более восприимчивых рабочих, образовала из них кружки и начала в них пропаганду, которая имела большие успехи».

В этих кружках не только читались и объяснялись пропагандистами социал-демократами имевшиеся под рукой социал-демократические нелегальные брошюры, но также в форме лекций систематически развивались перед рабочими тем или другим интеллигентом-социал-демократом элементы научного социализма, точка зрения классовой борьбы, политические и экономические задачи рабочего класса. Социал-демократическая литература выписывалась от «Бунда» и из Петербурга и читалась нарасхват. Циркулировали главным образом издания группы «Освобождение Труда».

Цель у всех была одна: поднять уровень классового самосознания рабочих, развить в них самодеятельность, сделать из них сознательных борцов социал-демократов. А это была тогда очень трудная задача. Выполнение ее ограничивалось при существовавших тогда полицейских условиях кружковой деятельностью. Иначе и не могло быть. И эта работа, исполненная в узких рамках, имела тогда громадное значение. Один распропагандированный сознательный рабочий вел за собою уже сотню рабочих, организовывал с своей стороны рабочие кружки, вел беседы с ними о необходимости борьбы, о рабочем вопросе, политике, социализме и т. д. Число этих кружков увеличивалось постоянно. В 1900 году их было уже несколько десятков. Каждый кружок состоял из 10—15 чел. Были очень часто и такие случаи, что тот или другой социал-демократ пропагандист собирал рабочих 50—60. Если находили для таких многолюдных собраний хорошую, конспи-

ративную квартиру, то собрания устраивались на квартире, если же нет, то отправлялись за город; собрание устраивались в садах, на кладбищах, в лесу, в городах, в ущелье или овраге гор. Комитет рабочей социал-демократической организации за ненахождением конспиративных квартир очень часто устраивал свои заседания также в таких местах.

В течение 2—3 лет дело пропаганды и агитации среди рабочих велось так тактично и разумно, что администрация и полиция вовсе и не могли подозревать, что организовывается тайная революционная народная сила. Правительство узнало о ней лишь тогда, когда она выступила открыто в борьбу с ним, а именно после знаменитой августовской железнодорожной стачки 1900 года, имевшей явно политический характер и первой открытой массовой политической демонстрации рабочих 22 апреля 1901 года. До этого, повторяю, правительство и его полицейские органы спокойно дремали и бездействовали. И если бы даже многочисленные собрания рабочих или заседания комитета устраивались на квартирах в черте города,—что и бывало очень часто,—то очень долго ничего не могло бы случиться, лишь бы было поставлено дело тактично и умело; а ведь многое зависит от умения и такта. Я укажу здесь на один факт, показывающий, насколько от умелой и разумной постановки дела зависит успех того или другого действия.

4 сентября 1901 года в день объявления г. Тифлиса на положении усиленной охраны, значит после того уже, когда пролетариат выступил в открытый бой и правительство беспощадно применяло военно-полицейские репрессии и гонения, когда улицы и в особенности рабочие окраины города охранялись многочисленными полицейскими и жандармскими чинами, комитет заседал в самой бойкой части города, в подвальном этаже азиатского ресторана на Эриванской площади, на виду у массы полицейских. Как бы дерзким ни показался этот шаг комитета, но надо считать его удачным в том смысле, что тогда, в этот «торжественный» день ни одному полицейскому в голову не пришло бы, да и никто не мог подозревать, что группа людей, ужинающих в отдельной комнате азиатского бу-

фета—комитет, заседающий и решающий революционно-политические вопросы.

Провалы, конечно, всегда неизбежны в жизни нелегальной организации; но они, большей частью, происходили по неосторожности того или другого члена организации, вследствие отсутствия такта и умения вести революционное, конспиративное дело.

В чем проявлялась деятельность комитета в этом первом фазисе развития социал-демократической организации? В пропаганде и агитации среди рабочих: в создании кружков, в перенесении пропаганды из ограниченных рамок кружков через самих же сознательных и уже преданных делу рабочих в массу. Далее распространение нелегальной популярной социал-демократической литературы, издание прокламаций и листков, организация первомайских праздников и распространение соответствующих печатных листков и брошюр, руководство стачечным движением (несколько позже и политическими демонстрациями), изыскание средств для материальной поддержки пострадавших революционеров, безразлично к какой бы революционной партии они ни принадлежали, систематическая материальная помощь заключенным в тюрьме и приговоренным к ссылке рабочим и интеллигентам и их семействам, направление и урегулирование в техническом смысле всей этой сложной и трудной работы,—вот главные функции, составлявшие деятельность комитета и по мере сил и возможности выполнявшиеся им.

Ведение этой работы осложнялось еще более тем, что комитету приходилось иметь дело с разноплеменным рабочим населением, говорящим на разных языках. Чтобы вести пропаганду или издавать прокламации и листки, следовало это делать на трех языках—русском, грузинском и армянском. А для этого не хватало необходимых сил, и за недостатком в должном количестве интеллигентных революционных сил и, главным образом, вследствие чисто технических затруднений, очень часто дело страдало, не получало желанного удовлетворения.

Однако, условия работы были благоприятнее для грузин рабочих, чем для армян; у грузин было больше работ-

ников, преданных пролетариату, чем у армян. В то время, когда почти совершенно не было армян работников социал-демократов, наши товарищи грузины могли бы сделать больше для армянского пролетариата, если бы их сила и энергия, их работа не направлена была почти исключительно в сторону грузинского пролетариата. В первом фазисе возникновения и развития кавказской социал-демократии вся выполнявшаяся среди армянских пролетарских масс работа была возложена на социал-демократическую организацию, руководителями которой были преимущественно грузины социал-демократы. Последними же, по незнанию совершенно армянского языка, как и по другим причинам, указанная работа исполнялась очень и очень неудовлетворительно [1]). Вся армянская революционная интеллигенция тогда, как по большей части и теперь, не была заинтересована рабочим движением на Кавказе, она увлечена была «идеей» освобождения армянского народа в Турции. Пролетарские же массы в свою очередь были заражены «националистическими» тенденциями, которые породили в них армянские клерикально-буржуазные, «революционные» и не революционные течения. Одна из причин инертности и непричастности не только к социал-демократическому, но и вообще к обще-революционному, освободительному движению России, которые замечались среди армянских пролетарских масс, заключается в наличности националистических quasi (якобы) революционных партий (дашнакцаканская и инчакистская), в их антиреволюционном, реакционном характере вообще и сильном воздействии, которое они оказывали в течение долгих лет на армянские пролетарские массы. Обо всем этом подробно будет речь впереди. Только замечу здесь, что это воздействие было настолько громадно, что многие из армян рабочих бежали от социал-демократии, как от ереси; многие из них под влиянием и руководством дашнаков и отчасти инчакистов создавали всякие препятствия тем из своих товарищей, которые проявляли расположение к рабочему движению вообще и к социал-демократической организации

---

[1]) См. примечание 1-е—в конце книги.

в частности. Словом, армянские «революционные» организации тайно и открыто преследовали и бойкотировали рабочее движение и социал-демократию.

Очень долго комитету не удавалось найти *ни одного армянина наборщика*, который хотя бы за хорошую плату набирал бы прокламации на армянском языке. Пришлось наконец предложить одному товарищу грузину наборщику заняться этим делом, и он, изучив кое-как армянский язык, стал набирать прокламации на этом языке. Автор этого труда не раз делал попытки организовать кружок исключительно из армян наборщиков, но ему это никак не удавалось. В последний раз при содействии одного товарища грузина наборщика было устроено в 1901 году собрание армян наборщиков, на котором присутствовал между прочим один старый гнчакист, интеллигентный наборщик. Последний, сейчас же по открытии собрания, не дав возможности выяснить его цель, возбудил вопросы об освобождении турецкой Армении и отношении к этому социал-демократов. Все старания убедить собравшихся армян рабочих, что освобождение турецких армян — дело самих же этих армян и турецких армянских революционных партий, наше же дело организоваться на Кавказе в особую политическую рабочую партию, ни к чему не привели. Собрание не состоялось. Оно не состоялось и в следующий раз, несмотря на обещание некоторых наборщиков армян явиться непременно. Нам после стало ясно, что названный гнчакист явился на собрание только с целью обструкции.

Итак, комитету приходилось преодолеть много трудностей, бороться против всяких препятствий, чтобы очистить путь для более или менее нормального развития рабочего движения. Этому нормальному развитию способствовало и то обстоятельство, что с самого возникновения и основания социал-демократической организации на Кавказе, действующими в ней лицами были вполне правильно поняты ее задачи. Поразительное явление: вопреки преобладанию «экономизма» в тогдашней партийной жизни и литературе, на Кавказе ничего подобного никогда не проявлялось. Я не знаю ни одного социал-демократа, работавшего в рядах юной социал-демократии, как при ее возникновении, так

и после, который не признавал бы существенной необходимости экономической борьбы параллельно с политической. Борьба экономическая в первом периоде стихийного бессознательного рабочего движения носила, правда, характер стихийного проявления чувств недовольства рабочих против существующих порядков, она обнаруживала желание непосредственного частичного удовлетворения той или иной потребности, наконец она носила характер не политический; но во втором периоде, под руководством социал-демократии и при сильном ее воздействии на движение, борьба экономическая приняла характер политический и велась исключительно с сознательной целью не только некоторого непосредственного улучшения экономического положения, но развития политического классового самосознания рабочего класса, развития его боевого настроения для активной политической борьбы. В этом духе и направлении велась всегда пропаганда и агитация и в кружках, и на собраниях, и на маевках.

Все внимание и вся деятельность социал-демократии с первых же шагов ее работы, были сосредоточены на создании условий и средств развития сознательного массового рабочего движения в политическом социал-демократическом духе. И такому развитию сильно способствовали, между прочим, первомайские выступления, устраиваемые социал-демократической организацией.

До сих пор пропаганда была главным средством революционной деятельности социал-демократов; но пропаганда в кружках и образование последних становились все более и более затруднительными, вследствие чего тормозилось расширение рабочей организации. Так обстояло дело, когда руководящий комитет рабочих впервые вздумал отпраздновать общерабочий первомайский праздник. Вот это-то празднование решило вопрос о том, какое направление должны были бы принять в своей деятельности руководители. Первомайская агитация выдвинула на первый план необходимость применения другого революционного средства—широкой революционной агитации вообще. И вот, благодаря этому, пропаганда, ведшаяся раньше в узких рамках кружков, играет более продуктивную роль,

расширяется, затрагивая более широкие слои рабочего класса. Первомайская агитация, в особенности, привлекала в рабочую организацию очень многих рабочих, и если образование новых и новых кружков бывало затруднительным раньше, то теперь они как грибы росли [1]).

С первого же года празднованию 1 мая придавалось политическое значение, а затем уже в следующие годы они устраивались в виде открытой политической демонстрации.

Впервые был отпразднован майский праздник в 1898 г. группой социал-демократов рабочих в 13 человек. В следующем 1899 году, 19 апреля (ст. ст.) принимало участие несколько интеллигентов и наиболее сознательные рабочие различных паций—всех 67 человек. Это происходило вне города на одной возвышенности. Воодушевление было неописуемое; под красным социал-демократическим знаменем держались рабочими и интеллигентами горячие речи и давали друг другу обет бороться до конца за политическую свободу, за социализм. Но маевка 1900 года, на которой присутствовало до 500 человек, превзошла все ожидания. На последней я должен остановиться несколько подробнее, так как день празднования 1-го мая (22 апреля) 1900 года является решающим историческим днем, поворотным пунктом движения рабочего класса к выступлению на открытую политическую борьбу с царским самодержавием.

Комитет решил отпраздновать 1-ое мая в этом году в более широких размерах, чем в предыдущих, так как этому благоприятствовали условия. Он принял все необходимые меры конспиративно-организационного характера, издал первомайский популярный, хорошо написанный листок в политическом духе. При этом было также решено, чтобы социал-демократы-интеллигенты не принимали участия, по конспиративным соображениям, с целью сбережения и экономизирования интеллигентных работников, к чему прибегал часто комитет, в особенности в начале существования социал-демократической организации, когда их было мало. Тем не менее, вопреки такому решению комитета, на

---

[1]) Брдзола, № 2—3.

маевку явились один из интеллигентов социал-демократов и некоторые из учащейся молодежи.

В восьми верстах от города, в одном овраге должна была происходить эта знаменательная маевка. С 3-х часов ночи со всех концов города рабочие группы (по 4—5 чел.) стали отправляться по тому направлению и к тем пунктам, где стояли на своих постах товарищи-рабочие, которые и указывали каждой подходившей группе дальнейший путь. Это было по ту сторону «Нахаловки» [1]), далеко за жел. дор. мастерскими станции Тифлис. Полагали, что маевка не удастся, явятся только два-три десятка человек, так как была ненастная погода, всю ночь и весь день 22 апреля шел проливной дождь. Но, когда перешли холмы и горы и стало светлее, с вершины последней горы представилась взорам следующая картина: дождь льет как из ведра, по большой равнине беспрерывная вереница людей, словно караван, тянется, движется вперед; все стремились без оглядки быстрым шагом к месту назначения.

В 7—8 часов утра все уже были почти на месте; зажгли костры. Развернули два громадных красных знамени и поставили их в середине площади; на них были надписи на трех языках—русском, грузинском и армянском: «Пролетарии всех стран соединяйтесь», «Восьмичасовой рабочий день». На одном из них были портреты Маркса, Энгельса и Лассаля. Это пролетарское знамя было встречено громкими восклицаниями радости и приветствия. В 9 часов собрание было открыто интеллигентным рабочим [2]) вступительной речью о значении и характере международного первомайского пролетарского праздника. Один за другим выступали ораторы рабочие с пламенными речами на политические и социалистические темы. Можно смело констатировать факт, что все ораторы рабочие (их было до 20—25) за исключением 1—2, по содержанию своих речей,

---

[1]) Рабочий квартал, примыкающий к железнодорожным мастерским и депо станции Тифлис. Население составляют главным образом железнодорожные рабочие и служащие. Нахаловка является центром и очагом движения рабочего класса в Тифлисе.

[2]) Покойный Михо Бочоришвили—впоследствии видный большевик. Прим. авт. ко 2-му изд.

являлись вполне сознательными революционерами, политическими борцами социал-демократами. Один только русский рабочий внес диссонанс в общую гармонию, отстаивая ту мысль, что рабочий класс должен только добиться улучшения своего положения «мирным путем», что Маркс и Энгельс были якобы «мирными» политическими деятелями. На это он получил достойное возражение от одного товарища, который, разъяснив подробно историческую роль Маркса и Энгельса, этих основателей научного социализма, доказал их революционность как в области теоретической, так и практической их деятельности.

Речи произносились на русском, грузинском и армянском языках, и надо здесь отметить ту характерную черту, которой отличаются кавказские народности от многих других—это пламенность, горячность их темперамента. В их речах сказывалась эта пламенность и их горячее чувство искренней, самоотверженной преданности тем идеям, осуществлению которых они верили всем своим существом. Речь каждого оратора вызывала соответственные воодушевления и овации среди присутствующей рабочей массы. Пели революционные песни, танцовали, оглашали воздух радостными восклицаниями и бурными аплодисментами. Неописуемы эти моменты высокой степени воодушевления, самозабвения. И только те, которые присутствовали на этой маевке, могли чувствовать и понять всю важность и значение этого знаменательного исторического дня для кавказского рабочего класса.

До 5 часов вечера продолжалось это праздничное веселье [1]). Было предложено рабочими демонстративно вступить в город и там продолжать на улицах манифестацию. Но сознательные товарищи воспротивились этому, разъяснив и убедив массу в несоответственности и нецелесообразности открытого выступления в данный момент. Тут же было решено первомайский день в будущем году праздновать в городе открытой политической демонстрацией. Затем рабочие вернулись в город группами, не переставая по дороге танцовать и петь революционные песни.

---

[1]) См. примечание 2-е—в конце книги.

Эта маевка произвела на всех глубокое, неизгладимое впечатление, она имела громадное воспитательное значение в политическом и гражданском смысле. Если я так подробно остановился на описании этого праздника, то это я сделал, чтобы показать все моральное его значение, под влиянием которого были в значительной степени вызваны потом первые попытки открытого политического выступления рабочего класса в Тифлисе; этим влиянием можно также объяснить отчасти разразившуюся через три месяца после маевки грандиозную железнодорожную стачку.

Рабочие железнодорожных мастерских и депо «станции Тифлис», как лучше организованные и более сознательные, играли выдающуюся роль не только в движении тифлисского пролетариата, но и, можно смело сказать, в общекавказском движении. В них работали до 4—5 тыс. рабочих, главный контингент которых составляли гурийцы, имеретинцы, карталинцы, а затем уже русские и армяне. И вот эти мастерские и примыкающие к ним городские окраины—Нахаловка и Дидубэ, обитаемые почти исключительно рабочими этих мастерских и депо со своими семьями, являлись тем революционным пролетарским очагом, который всегда давал тон всему тифлисскому, а также и всему кавказскому пролетариату, по крайней мере в начале его сознательного движения.

Социал-демократия впервые сосредоточила свою деятельность в этой части тифлисского пролетариата; а так как большинство социал-демократов составляли грузины и, кроме того, более компактную группировку грузинского пролетариата представляли железнодорожные мастерские, то поэтому, естественно, что больше всего и раньше всего внимание их должно было быть обращено на эту часть тифлисского пролетариата. Вот почему железнодорожные рабочие, как раньше всех организовавшиеся и более сознательные, чем пролетарии других местностей, являлись, так сказать, руководящим ядром всего пролетариата.

Августовская стачка тифлисских железнодорожных мастерских и депо 1900 г. знаменита тем, что она носит, кроме экономического, и политический характер и впервые мы в ней видим организованность рабочих. Рабочие вы-

ставили следующие требования: 1) рабочий день должен продолжаться 8 часов вместо 10 (до сих пор работы производились с 6 час. утра до 6 час. вечера с двухчасовым перерывом на обед); 2) должна быть повышена заработная плата на 30 проц. для зарабатывающих более 1 руб. и на 50 проц. для зарабатывающих меньше 1 руб., 3) уничтожить совсем сверхурочные работы: никаких работ сверх 8 часов рабочий исполнять не должен; для ночных работ должны быть приглашены особые комплекты рабочих, недостатка в которых быть не может, так как в Тифлисе есть масса безработных; 4) прекратить взыскания за опоздания на 5 или 10 минут; 5) уволить подлых и грубых мастеров и бригадиров, играющих роль шпионов [1]); 6) обеспечить рабочим на будущее время вежливое, человеческое обращение со стороны мастеров и станционного начальства.

Стачка охватила с самого начала почти всех работающих в депо и в мастерских т.-е. 4.000 человек. В то же время происходили забастовки и на частных механических заводах, так что общее число стачечников доходило до 5.000. Во время забастовки не было ни одного случая насилия со стороны рабочих: рабочие держались стойко и вели себя безупречно. Социал-демократическая организация с своей стороны проявила очень энергичную деятельность. Требования железнодорожных рабочих были формулированы и обоснованы на русском и грузинском языках в прокламациях, текст которых был послан начальнику Закавказской жел. дороги, министру путей сообщения и министру внутренних дел. В самом начале стачки полиция арестовала 20 рабочих, подозреваемых в руководительстве остальными [2]).

Администрация дороги отказалась исполнить требования рабочих и вывесила в депо и на улицах следующее объявление за подписью начальника дороги Веденеева: «Мастерам и рабочим главных мастерских сим объявляется, что

---

[1]) Особенно отличались своим шпионством и гнусными действиями мастер Блюмберг и бригадир Фунт токарного цеха. Блюмберг нередко прибегал и к ручной расправе. Совершались и кражи вещей из токарного цеха бригадирами.

[2]) Рабочее Дело № 8.

работы в главных мастерских возобновляются в 5 час. 30 м. утра, в пятницу 4 августа сего года по обычному гудку. Все мастеровые и рабочие, которые не явятся в этот день на работы, будут немедленно уволены. Расчет же им и паспорта будут выданы 6 августа в помещении нового лазарета, от 8 до 12 ч. утра. Расчеты, деньги и паспорта рабочих, не получавших таковых 6 августа без уважительных причин, известных администрации мастерских будут переданы полиции для высылки в места родины или приписки для вручения по принадлежности. Рабочие и мастеровые сим предупреждаются, что всякое нарушение порядка будет тотчас подавлено, а зачинщики и подстрекатели будут подвергнуты аресту и высылке; благоразумные мастеровые и рабочие, явившиеся на работу, могут быть уверены в ограждении личности и безопасности». Однако, несмотря на это грозное объявление, 4 августа на работы явилось из 4.000 чел. всего 200 [1]).

Через неделю после начала забастовки была выпущена прокламация на русском языке к помощникам машинистов. Из последних присоединились к стачке в ответ на прокламацию 50 чел. (всего помощн. машинистов на Закавк. жел. дор. чел. 80—90). Затем была выпущена прокламация к женам рабочих, убеждавшая их не мешать своим мужьям выполнять свой долг. Специальная прокламация была выпущена также к машинистам, из числа которых бросило работу 8 человек.

Правительство прекрасно поняло, что вопрос не касался только частичного улучшения экономического положения рабочих, что эта стачка являлась, кроме того, попыткой «колебания основ» существующего порядка. Неудивительно, поэтому, что правительство прибегло ко всевозможным репрессиям, чтобы задушить в «корне» рабочее движение. Несмотря на это, стачка не прекращалась. Начались страшные гонения. «Город Тифлис был приведен в осадное положение» [2]). Мастерские и рабочие кварталы были оцеплены войсками; весь аппарат агентуры охранного отделения

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.

(сыщики, шпионы, агенты-провокаторы и т. д.) жандармерии и городской полиции был приведен в движение; начались обыски и массовые аресты. Арестовано было свыше 1500 рабочих, которых сажали в тюрьмы, а затем многих из них этапным порядком высылали на родину. Какое значение имела впоследствии эта высылка рабочих на родину для кавказского крестьянского движения, будет нами указано в дальнейшем нашем изложении.

«Эти массовые аресты производились своеобразно. Ночью целый взвод солдат оцеплял квартиру рабочего, врывалась целая свора жандармов во главе с штаб-ротмистром Лавровым, известным зверем. Подобные комедии проделывались каждую ночь в продолжение целой недели. Рабочим это надоело, и человек около 2.000 явились в десятый участок, требуя, чтобы жандармы их не беспокоили по ночам, как воры, а если им угодно, пусть арестовывают теперь же. Пристав протелефонировал тотчас полицеймейстеру и начальнику жандармского управления. Несмотря на всяческие увещания и угрозы, представители нагайки убедившись, что рабочие не поддаются на обман, поставили ребром следующее предложение: кто хочет работать, пусть отойдет на правую сторону, а кто в тюрьму—на левую. В один момент все очутились на левой стороне. И вот до вечера по Михайловской и Елизаветинской улицам шли рабочие партиями, окруженные ротой солдат. Эти массовые аресты приняли даже некоторый демонстративный характер: арестованных с восторгом встречали толпы заводских и фабричных рабочих, наборщиков, приказчиков, повсюду их провожали воодушевляющие возгласы: «держитесь молодцами». На другой день появились прокламации, обращенные к женам и дочерям, призывая их воодушевлять мужей, братьев и сыновей и не падать духом по поводу арестов» [1]). При набегах на рабочих и массовых арестах, войска беспощадно избивали их нагайками и прикладами [2]).

Комитет разоблачал все безобразные действия правительства; выпущенные им в это время прокламации все более

---

[1]) См. Рассказ рабочего «Из тифлисского рабочего движения».

[2]) Брдзола № 2—3.

и более принимали политический характер и объясняли рабочим, что их злейший враг—самодержавное правительство, и пока последнее не будет устранено, их положение не улучшится; в прокламациях подчеркивались все ужасы существующего политического гнета и необходимость политического переустройства, после чего только и возможны нормальное развитие рабочего класса и планомерная классовая борьба против господства буржуазии.

Стачка продолжалась две недели. После того как помощники машинистов и часть последних примкнули к стачке рабочих мастерских, предъявив также свои требования, движение поездов прекратилось на несколько дней. Поставили в помощники машинистов кондукторов, но машинисты отказались ездить с неопытными кондукторами. Они были арестованы, но скоро выпущены; был вызван саперный батальон и работа началась в мастерских; солдатам выдавали вдвое больше обычной платы.

Эта стачка и приостановка движения принесли громадные убытки дороге, тем не менее администрация дороги расчитала рабочих стачечников. Стачка была подавлена. Правительство ввело полную дезорганизацию; многие из сознательных рабочих сидели в тюрьмах [1]) и были высланы, а забитых рабочих сгоняли на работу. Сделано было строгое распоряжение об отказе в приеме как уволенным рабочим «бунтовщикам», так и вновь желающим поступить на службу рабочим «туземцам», грузинам и армянам. Но так долго не могло бы продолжаться, так как невозможно было заменить туземный рабочий элемент недостаточной для правильного ведения дела наличностью пришлого русского рабочего элемента.

Правда, замечалась после разгрома среди рабочих некоторая рассеянность, расстройство и неизбежное в подобных поражениях уныние и падение духа, но через некоторое время, благодаря усилиям социал-демократической органи-

---

[1]) В числе арестованных за эту стачку между прочим были рабочие—Аллилуев, Аракел Окоашвили, Чхокия, Татаринов, Иванов; помощники машинистов—Рамишвили (сейчас же выпущенный за предательство), Кикосашвили, Гогуа, Тер-Арутюнян; интеллигенты—Пушкарев, Джапаридзе, Радзевич и девица Шатилова.

зации, пострадавшее дело было попрежнему восстановлено. В одной из изданных в это время прокламаций, комитет призывал рабочих не падать духом, сплотиться, сорганизоваться крепче и вести борьбу со злейшим врагом рабочего класса. Рабочие откликнулись, вновь взялись за дело, возобновились старые кружки, образовались новые, велась еще шире и упорнее чем раньше пропаганда и агитация, как устная, так и письменная.

Хотя эта знаменитая стачка была проиграна, но она имела важное значение в том смысле, что, во 1-х, в дальнейших своих распоряжениях и действиях правительство, в лице местной администрации дороги, было очень осторожно по отношению к «бунтующимся» рабочим, стараясь избежать новых стачек, приносивших громадные убытки казне, и, во-2-х, эта стачка имела сильное воздействие на другие отрасли промышленности, вызвала волнения в городских мастерских и заводах.

Приведем здесь хронологическим порядком перечень более или менее организованных стачек, имевших место до и после августовской железнодорожной забастовки.

В 1899 году.

После майского праздника имела место забастовка тифлисской конно-железной дороги, одна из важных, в которой приняли участие все кучера и кондуктора. Между ними и полицией произошло сильное столкновение. Забастовка была подавлена, так как было арестовано 150 рабочих. Тем не менее, она не прошла даром, и если не сейчас, то месяца через три почти все требования рабочих были удовлетворены, а именно: была уменьшена продолжительность рабочего дня, увеличена заработная плата и изменены многие из прежних суровых правил и порядков [1]).

В этом же году забастовали также в типографии Шарадзе рабочие-наборщики газеты «Иверия», предъявив требования увеличения заработной платы, урегулирования праздничных дней, аккуратной выдачи заработной платы, улучшения гигиенических условий и хорошего обращения. Редактор «Иверии», бывший либерал и поэт, а впоследствии

---

[1]) Брдзола № 2—3.

банкир и реакционер (ныне покойный), кн. Ил. Чавчавадзе, ни за что не пожелал считаться со справедливыми требованиями рабочих; газета остановилась, рабочие сумели подавить упорность князя и получить удовлетворение своих требований. Администрация не вмешивалась [1]). Одновременно была стачка в типографии Хеладзе; требования те же, стачка выиграна.

В 1900 году.

Наравне с рабочими железнодорожных мастерских особенного внимания заслуживают с самого же начала в движении и борьбе тифлисского пролетариата типографские рабочие и наборщики, как более интеллигентные и сознательные члены рабочего класса. В феврале этого года наборщики типографии Шарадзе опять забастовали. Стачечной борьбой завоеванные рабочими права постоянно нарушались. Рабочие праздновали по обычаю масленицу. Номер газеты «Иверия» не вышел. Редактор газеты кн. Чавчавадзе пришел в ярость: «чтоб этих свиней (наборщиков) не было здесь больше! Как они смели без моего ведома праздновать?» [2]). К забастовке примкнули русские товарищи наборщики. Борьба приняла острый характер. Кн. Чавчавадзе обратился к полиции; все наборщики были арестованы. Газета приостановилась на несколько дней; взамен арестованных редакция не могла найти наборщиков. Ни один наборщик не согласился набирать газету «Иверия» из солидарности к забастовавшим товарищам. Редакция вынуждена была уступить; все предъявленные рабочими требования: увеличение числа наборщиков, прибавка заработной платы, устранение работы в праздничные дни и разборчивость набираемых рукописей— были удовлетворены.

В мае состоялось общее собрание типографских рабочих, на котором было решено сплоченной силой бороться против хозяев и правительства. Это собрание сильно беспокоило жандармов, которые затем приступили к арестам типографских рабочих и наборщиков.

---

[1]) Брдзола № 1.

[2]) Ibid. Кроме того, некоторые из этих сведений доставлены нам одним из бывших наборщиков, известным рабочим социал-демократом (Влас. Мгеладзе—Триа.).

Вслед за этим собранием рабочие типографии Хеладзе опять забастовали. На этот раз, между прочим, требовали своевременной выдачи заработной платы. Хеладзе был вызван в жандармское управление; при чем было установлено, что жалование выдавалось рабочим неаккуратно. Стачка продолжалась несколько дней. Хеладзе дал подписку рабочим, обязуясь: 1) выдавать своевременно заработную плату, а также—за время стачки; 2) увеличить число праздничных дней; 3) оканчивать работы по субботам часом раньше обыкновенного (рабочий день 10 часов).

Почти одновременно в типографии Грузинского Товарищества были предъявлены рабочими те же требования, которые были без забастовки удовлетворены администрацией типографии. Но скоро после этого в этой же типографии вспыхнула большая стачка. Рабочие требуют, между прочим, 8-часового рабочего дня. Полиция и жандармерия вмешались. Арестовано было несколько человек—между прочим—Биланов и Звядадзе. Под давлением организованной силы рабочих администрация типографии пошла, наконец, на уступки: взамен 10-час. был введен 9-часовой рабочий день, по субботам же—8-часовой.

Стачки были также в типографиях:

Либермана, где рабочие главным образом требовали уничтожения сверхурочной работы. Стачка выиграна.

Козлова—требование увеличения заработной платы и установления праздников. Стачка выиграна.

Наместника Кавказского, требования наборщиков—увеличения заработной платы и др. были удовлетворены.

В течение июня и июля происходил целый ряд стачек на механических заводах и на некоторых фабриках; кроме того, до августовской забастовки были две частичных забастовки в железнодорожных мастерских. Все стачки окончились удачно. На фабриках рабочие добились 11-часового рабочего дня, на механических заводах Котрина, Рукса, Гауфа—$10^1/_2$-часового, а также увеличения и своевременной выдачи заработной платы, улучшения положения как самих рабочих, так и учеников. Стачка была проиграна только на заводе Яралова вследствие репрессивных мер полиции и жандармерии и малосознательности самих рабочих.

В литейном цехе железнодорожных мастерских рабочие добились полной отмены сверхурочных работ, а в механическом цехе—ее отмены по понедельникам [1]).

На табачной фабрике Бозарджиана в июле забастовали 100 рабочих. Повод стачки—увольнение двух товарищей. Стояли пять недель. Требования: прием уволенных товарищей, увеличение заработной платы на 15%, уничтожение штрафов, устранение ругания и битья рабочих, выдача денег вместо марок на обеды (выдавались марки, чтобы вынудить рабочих обедать только в фабричной харчевне), были удовлетворены.

8-го августа рабочие хлопчатобумажной ткацкой фабрики наследниц Читахова (бывш. Мирзоева и Ришара) предъявили требование выдачи заработной платы за время ремонта фабрики, что и было удовлетворено. 25 октября часть рабочих вновь забастовала, требуя увеличения заработной платы; обещано было их удовлетворить, но рабочие были обмануты, им выдавали все же по старой норме. В ноябре вновь вспыхнула стачка, на этот раз всеобщая; она была проиграна, вследствие отсталости и неорганизованности рабочих. В 1901 году эта фабрика была закрыта вследствие неумелого ведения хозяевами дела, и несколько сотен рабочих было выброшено на улицу [2]).

В сентябре забастовали сапожные мастеровые кожевенного завода Адельханова. Стачечники добились увеличения 10 коп. за 1 шт. и 5 коп. за 2 шт. Рабочим портняжного отделения, забастовавшим в августе месяце, была увеличена заработная плата на 8 коп. за штуку. Скоро эти последние вновь забастовали, требуя увеличения платы на мундир и брюки; стояли два месяца; требование не удовлетворено, стали на работу по старым условиям. Арестованы были четыре рабочих и скоро выпущены. Они не были приняты хозяевами.

В 1901 году.

С наступлением этого года на городских фабриках, заводах и мастерских начались беспрерывные стачки. «Ста-

---

[1]) Рабочее Дело № 8.
[2]) Брдзола № 1.

чечное движение рабочих под руководством социал-демократии захватывает все новые и новые районы» [1]). «Тифлис не видывал такого рода организованности, как в 1901 году», читаем в хронике «Брдзола» № 1. Социал-демократическая организация вела везде, где она могла, энергичную агитацию и пропаганду; она руководила большей частью этих стачек. Со всех сторон рабочие обращались к социал-демократической организации; всеми, как будто, овладело чувство и желание сплотиться, сорганизоваться и бороться против всевозможных врагов рабочего класса. Но, к сожалению, не по силам было социал-демократической организации итти навстречу всем разнородным требованиям рабочих; не было у нее в это время достаточно сил, революционных теоретиков и практиков, чтобы направить весь этот поток в надлежащее русло. Общее недовольство положением, острота нищеты и страданий и ужасы гнета и гонений со стороны правительства давали всем чувствовать необходимость борьбы.

В январе и феврале забастовали рабочие на табачных фабриках Эпфиаджианц, Мир, Бозарджианца, Сапарова, Бутулова; на механических заводах—Яралова и Тер-Карапетова, Рукса, Котрини; в типографиях—Грузинск. Издат. Товарищества, Вартаняна, Либермана и Козловского.

Эти стачки были вызваны полной неурядицей и произволом, царившими почти во всех этих отраслях производства, а также тем, что в это время в некоторых из них были введены новые приемы производства (так, на табачных фабриках новые набивные машины), расценки понижены и рабочие уволены.

Само собой разумеется, что теперь уже жандармерия и полиция должны были безусловно вмешиваться и принимать энергичные меры в виду того, что от центрального правительства получались секретные циркуляры о применении строжайших мер для искоренения рабочего движения. В циркулярах указывалось на бездействие и слабость местных властей, вследствие которых и пустило движение корни. При конфликтах между рабочими и пред-

---

[1]) Рабочее Дело № 8, корресп. из Тифлиса.

принимателями, многие из последних доносили полиции об «угрожающей опасности». Тогда являлась свора жандармов и полицейских и расправлялась с рабочими по «закону».

В апреле вновь забастовали рабочие (мундштучники) табачной фабрики Эфиаджианц. Поводом к забастовке послужил отказ хозяина в приеме 3-х бывших рабочих. Тем не менее, рабочие дали этим трем товарищам работу помимо хозяина. Фабрикант А. Эфиаджианц, слывший «интеллигентным и либеральным», проявил в это время такое возмутительное отношение к рабочим, что вызвал негодование в рядах не одних только социал-демократов. Он призвал полицейского пристава, который не замедлил прискакать и, избив трех рабочих, выгнал их из фабрики. После этой зверской расправы все рабочие покинули работу. Вмешалась, конечно, и жандармерия, со «знаменитым» Лавровым и Циссом. Все стачечники были арестованы в полицейском участке. Фабрикантом была предложена через пристава арестованным субсидия в размере 20 руб. каждому из них с условием, чтобы они оставили фабрику, в противном случае, прибавлял пристав, они будут отправлены в тюрьму. Рабочие, наотрез отказавшись, ответили: «куда нам уйти?—это наше ремесло, этой работой мы и живем, он обязан нам дать работу, а если вы отправите нас в тюрьму, там же не останемся вечно, когда выйдем оттуда, прямо обратимся к нему, если откажет нас принять, мы не оставим его в живых». Хотя пристав избивал в полиции арестованных рабочих, тем не менее они твердо стояли на своем, на избиение же они отвечали: «бейте, убейте, у вас нет совести, для нас же все равно, умереть ли от избиения или от голода; если останемся в живых, мы отомстим, если нет, наши братья, наши товарищи отомстят за нас».

Девять из них были отправлены в тюрьму, остальные выпущены. Арест товарищей вызвал среди рабочих сильное озлобление. Лавров делал все возможное, чтобы подавить рабочих; последние ни за что не соглашались с новым условием, по которому фабрикант предлагал выдать каждому повышенную субсидию, лишь бы они удалились с фабрики. Рабочие неоднократно подвергались избиению. Наконец они массой явились в жандармское управление, тре-

буя освобождения арестованных товарищей. Жандармский начальник уговаривал разойтись мирно, в противном случае они будут арестованы. Рабочие предпочли последнее. Арестовано было еще новых 39 чел., всех 48. Продержали их в тюрьме 3—5 месяцев; на допросах держали себя образцово, было полное единодушие. Когда кому-нибудь из них предлагали свободу, то они отказывались выходить из тюрьмы, требуя свободы и для других товарищей. Когда из первых девяти человек выслали административным порядком пять человек в Одессу, а четырех в Астрахань (на 3 года), то остальные 39 человек требовали, чтобы и их выслали или же дали бы заграничные паспорта. И эти 39 чел. подверглись высылке—в северные кавказские города на 6—8 месяцев.

Они были отправлены по партиям и на вокзале каждый раз происходила маленькая демонстрация, при которой ссылаемые направляли резкие слова по адресу фабриканта, полиции и деспотического правительства [1]).

В то время на табачной фабрике «Мир» происходил также конфликт между рабочими и хозяевами: введены были новые набивные машины и понижены расценки; 20-ти же рабочим предложено было взять расчет с субсидией по 15 руб. Все рабочие оставили работу, требуя повышения расценки, приема уволенных рабочих или же субсидию по 100 руб. Фабрика обратилась к жандармерии. Жандармы в начале сочли целесообразным держаться выжидательной тактики. Хозяева неоднократно пытались вызвать разногласия и столкновения между рабочими и, предлагая субсидию разным категориям рабочих в неодинаковых размерах, удалить из фабрики «самых вредных» лиц из них. Рабочие

---

[1]) См. корресп. в «Брдзола» № 1, а также рассказ рабочего «Из Тифлисск. Рабоч. движения», только последний некоторые сведения, относящиеся к фабрике Энфиаджианц, по ошибке приписывает к фабрике «Мир».

Прим. к 1 изд.

Когда в нашем крае впоследствии организовалась партия кадетов, то названный фабрикант А. Энфиаджианц стал ее членом. Он был даже приглашен в 1918 г. на пост министра финансов Армении при дашнакцаканском режиме; он состоял в этой должности до лета 1919 г.

Доп. прим. ко 2-му изд.

были обмануты; они стали действовать вразброд. Неоднократные доносы хозяев полиции и жандармерии и энергичное вмешательство последних ухудшили дело. Стачка была проиграна. Некоторые рабочие удалились, получив субсидию, а один, который обвинялся в главном руководительстве стачкой и распространении нелегальной литературы и агитации, сильно пострадал: был обыскан, арестован и хотя скоро выпущен, но удален из фабрики без всякого вознаграждения [1]).

Забастовали также рабочие табачной фабрики Бутулова, так как им убавили 10 коп. на 1000 папирос. Были выписаны новые машины и рабочие навсегда выброшены на улицу.

На фабрике Сапарова после 7-недельной стачки была увеличена заработная плата.

В августе забастовали рабочие железнодорожных мастерских по поводу увольнения одного рабочего (он был оштрафован за опоздание на 5 минут и уволен за протест). Требования рабочих: 1) обратный прием уволенного рабочего, 2) увеличение заработной платы, 3) устранение штрафов, 4) медицинская помощь и бесплатная выдача лекарств.. Требование увеличения заработной платы формулировано было так: получавшим 15 руб. в месяц прибавка 25 коп. на рубль; получавшим от 15—30 р. 15%, а больше 30 руб.— 10%. Стачка была целиком выиграна.

18 августа забастовали трамвайные рабочие. Требования: установление двойной смены, увеличение заработной платы, устранение некоторых жестоких правил, увольнение рабочего только с согласия и по постановлению рабочих. Забастовавшие кучера и кондуктора были заменены конторщиками и контролерами и часть вагонов (24 из 52) была пущена в ход. Стачка была проиграна; вмешались жандармы и полиция и с помощью казаков заставили насильно работать. Поставили по два городовых в вагоне. Все же был сокращен рабочий день с 14 до 9 часов (требование было 8 часов), но заработную плату понизили на 10%. Кро-

[1]) Ibid.

ме 46 рабочих, остальные стали на работу. Четырех арестовали и отправили в тюрьму.

20-го августа в кожевенном отделении завода Адельханова 200 (в Искре № 12 сообщается 300) рабочих объявили стачку, предъявив требование: 1) установление порядка и нормальных правил, 2) увеличение заработной платы: получавшим 6—15 руб. в месяц 25 коп. на рубль, 16—30 руб.—15 коп., 30—60 руб.—10 коп. 3) За опоздание на 10 м. не штрафовать, а больше 10 м. штрафовать только за пропущенное время, 4) устранение штрафов в случаях болезни; выдача больному полной заработной платы, медицинской помощи и лекарств, 5) предоставление права на отлучки при похоронах, приобщении, крестинах, свадьбах и т. п. 6) устранение ругательств и грубого обращения к рабочим и избиения учеников, 7) не увольнять никого без причин, 8) чтобы никто не пострадал за стачку увольнением, или арестом, 9) вывесить в мастерских объявление за подписью хозяев о принятии ими этих новых условий [1]). Были применены к стачечникам репрессивные меры; стачка продолжалась неделю; только требования увеличения заработной платы на 25% и улучшений условий труда были удовлетворены.

Среди стачек этого периода заслуживают внимания стачки терщиков и служащих восточных бань Ираклия, Бебутова и Мирзоевых и рабочих «Дабахана» (азиатский кожевенный завод). Терщики и служащие этих бань главным образом набираются из забитых неграмотных армян и персов. Положение их ужасное не только в том смысле, что они являются объектом ничем неограниченной эксплоатации, но и в том, что труд их сам по себе грязный, отвратительный и производится в очень плохой атмосфере. Эти «кисачи» (терщики) проводят почти всю свою жизнь в общих банях, в этих грязных и сырых клоаках, не зная ни сна, ни отдыха, ни праздника [2]). Посетят ли клиенты баню днем,

---

[1]) Ibid.

[2]) Все бедное население г. Тифлиса пользуется этими так называемыми восточными банями. Европейцу трудно представить себе, что это такое. Вода бассейна, куда впускаются купаться и взрослые и дети группами, желтеет, густеет от грязи. Вся обстановка этих общих бань отвратительная:

или ночью в 1, 3, 4 часа утра, что часто случалось, все равно,—они обязаны их купать. В воскресенье и другие праздничные дни бани открыты. Вот этих-то тружеников и других служащих арендаторы бань эксплоатировали, грабили в буквальном смысле слова. Арендатор их принимал на особых условиях. Им никакой наемной платы не полагается. Доход их составляют те копейки (от 5—25 к.), которые получают они от посетителей. Арендатор при найме ставил им тяжкие условия и право удержания в свою пользу часть ($^1/_3$ или $^1/_4$) получаемых ими от посетителей доходов. Вся жизнь этих рабочих зависит от произвола и капризов арендаторов. Вот эти-то забитые, угнетенные персы и армяне пробудились, подняли также свой голос. Они предъявили к хозяевам ряд требований, но последние категорически отклонили; они все забастовали. Об этой стачке пишут из Тифлиса в «Искре» № 12.

«Стачка в восточных банях, где забастовали банщики или терщики, неграмотные и забитые персы и армяне, пробудили чувство классового самосознания в рабочих этих национальностей. Кроме того, те же стачки показывали стачечникам, за кого стоит правительство. Когда арендаторы бань вынуждены были сдаться на требования стачечников, то приехал полицеймейстер, собрал всех арендаторов и хозяев и заявил, что если они уступят рабочим в чем-нибудь, то будут считаться подстрекателями бунтовщиков и с ними будет поступлено «по закону». Такое покровительство полиции, конечно, было оценено рабочими в должной степени, и они усиленно настаивали на своих требованиях и победили».

Рабочие «Дабахана» (азиатский кожевенный завод) также зашевелились в это время. Их условия труда не лучше бань. Завод этот находится на берегу реки Куры. Первобытные способы промывания и очищения шкур заставляют их входить даже в зимнюю пору в воду 4—5° температуры

грязь, вонь, миазмы, вот в какой атмосфере проводят свою жизнь несчастные терщики. Тифлис имеет городское «либеральное» самоуправление, а также Медицинский Совет, но ни то, ни другое вовсе не обращали внимания на эти явные источники разных заразы и болезней.

и стоять там целыми часами для исполнения этой работы. С ранних лет у них появляются ревматические болезни, они теряют трудоспособность и гибнут преждевременно...

Они предъявили требования улучшения условий труда, сокращения рабочего времени и т. п. Некоторые из требований были частично удовлетворены.

Как я уже говорил, типографские рабочие проявляли особую деятельность. Не было в это время в Тифлисе ни одной типографии, где не существовало бы мелкой или крупной группы сознательных рабочих. Они были уже сплочены и борьба велась не только в отдельных типографиях, но и сообща. Жандармерия обратила особое внимание на типографии, арестовала много наборщиков, полагая, что прокламации и листки, выпускавшиеся так часто комитетом, печатались этими наборщиками в легальных типографиях. Надо отдать справедливость проницательности жандармов; теперь уже нечего скрывать. Наборщики оказали громадные услуги социал-демократической организации в начале, когда у нее не было еще собственной типографии; они у себя, в легальных типографиях, печатали нелегальные брошюры, прокламации и майские листки... Над типографиями был установлен строгий надзор, как со стороны содержателей типографий, так и тайной полиции.

В феврале и марте были обыски и массовые аресты. Арестованы были между прочим: интеллигенты—В. Курнатовский (химик), Скорняков, Франческий (сотрудн. газ. «Нов. Обозр.»). Махарадзе (сотр. груз. газ. «Квали»), Пушкарев (студ.). Степанян (студ.), Каландадзе (два брата), Перец, Простосердов, Мецерин, Джибладзе, Жордания (сотруд. «Квали»). Каландарашвили, Цулукидзе, Комадзе (два брата) и др.; рабочие: Церцвадзе, Биланов, Вадачкория, Хуциев, Альшевский, Петров, Хатисов, Егоров, Сулханов, Шарадзе, Флегентов, Яшвили, Чантладзе, Майсурадзе, Абрамчишвили (15 лет), Никоноров, Крылов, Березняк (выдавал), Гогуа, Стуруа, Мгеладзе, Козикян, Погос и др. Обыски были произведены в некоторых учреждениях и у многих лиц: в типографии Шарадзе, в редакциях «Нового Обозрения», «Квали», в конторе Армянск. Благотвор. Общества, в Армянской женск. дешев. библиотеке; у фельдшерицы

Красновой, у Караджиана, у купца Караджева, у Акопиана, Тер-Аствацатриана, Лалаяна, в сапожной мастерской в здании Грузинск. Дворянства, где найдено много нелегальной литературы (арестован сапожник), в трактире, находящемся на окраине города и называемом «Рабочий Класс» и в сапожной мастерской с вывеской «социал-демократическая сапожная» и др. и пр. [1]).

Кроме этого обысканы были также ученики классической гимназии и некоторые арестованы; один гимназист, Станислав Сарновский, напуганный жандармами, назвал лицо, передавшее ученикам нелегальную литературу [2]).

Несмотря на все эти репрессии правительства, революционное движение углублялось и расширялось. Студенческие волнения в столицах и университетских городах имели влияние и на революционное настроение нашего края. У администраторов и жандармов не было сна и покоя; они употребляли всю свою энергию на подавление рабочего революционного движения. Они обыскивали и арестовывали неразборчиво всякого, даже детей, учеников разных учебных заведений; везде они находили нелегальную литературу, листки, воззвания, прокламации; они теряли голову.

Первомайские дни приближались. Как выше было упомянуто нами, на предыдущей маевке рабочие выразили единогласно желание открыто выступить в городе в следующем 1901 г. майской демонстрацией. Ныне рабочие согласно прошлогоднему решению просто рвались на улицу. Комитет должен был считаться с общим настроением рабочих и приложить вместе с тем все усилия и средства, чтобы эта политическая демонстрация имела успех в смысле первого открытого революционного эксперимента, который мог бы иметь безусловно ободряющее и воспитательное значение для рабочих.

За неделю до 22 апреля (день демонстрации) выходили одна за другой прокламации, объясняющие значение первого мая и призывающие к демонстрациям. К тому же вре-

---

[1]) Искра № 12 и брош. «Из Тифлисск. Рабоч. движения».
[2]) Брдзола № 1.

мени агитация велась в том же духе. Среди обывателей ходили разные слухи, что рабочие думают бунтовать, что грузины и армяне хотят вырезать русских (провокационные попытки полиции) и т. д. [1]).

Рабочие готовились к празднику, администрация, конечно, не дремала, она тоже готовилась. Некоторым полкам розданы были боевые патроны. С 15 апреля по городу маршировали драгуны, казаки, артиллерия и пехота. Маленькие сборища даже из трех человек энергично разгонялись полицией. На всех площадях Тифлиса были расположены на бивуаках по две, по три роты солдат [2]). Главноначальствующий Голицын удрал на это время в Елизаветпольскую губернию.

Вот, что пишут между прочим «Искре» из Тифлиса относительно этой демонстрации: [3]). «Событие, бывшее в воскресенье 22-го апреля (старого стиля) в Тифлисе, является исторически-знаменательным для всего Кавказа; с этого дня на Кавказе начинается открытое революционное движение. Местный комитет решил отпраздновать первое мая, устроив торжественную манифестацию в городе. Этого хотели и сами рабочие. Начались ежедневные аресты, обыски. Правительство еще за неделю до 22-го апреля расставило драгун и казаков вокруг железнодорожных и городских мастерских и заводов, чтобы нагнать страх на рабочих и заставить их таким образом отказаться от празднования первого мая. Но рабочие не испугались: они решили отпраздновать свой праздник.—22-го апреля (пер-

---

[1]) «Из Тифлисск. рабоч. движения».

[2]) Ibid.

[3]) Искра № 6, корреспонденция из Тифлиса под заглавием «Первое мая в Тифлисе». Эта корреспонденция была написана автором настоящего труда на скорую руку по-армянски за подписью «Нубар» и в виду того, что многие из товарищей в это время были арестованы, а также потому, что заграничного адреса не имелось под рукой, она была направлена в Женеву армянам студентам с просьбой в особом письме, перевести ее как на русский язык для опубликования в «Искре», так и на французский язык для социалистических газет. Но к нашему удивлению, она появилась в сокращенном виде в «Дрошаке», органе армянской национальной буржуазной партии «Дашнакцутюн», а затем уже, очевидно, перепечатана в «Искре».

вое воскресенье после первого мая), а место сборища—Солдатский базар в центре города. Оттуда кортеж должен был направиться по Пушкинской улице на Эриванскую площадь и потом на Дворцовую улицу и Головинский проспект. В назначенное время число собравшихся рабочих достигло до 3.000 человек. Сигнал был дан, и красное рабочее знамя поднялось и заколыхалось в воздухе; на нем были портреты Маркса, Энгельса и Лассаля и надписи на грузинском, армянском и русском языках:—«Рабочие всех стран, соединяйтесь», «Да здравствует восьмичасовая работа!» (Это были прошлогодние знамена).

При виде знамени раздались громовые голоса: «Да здравствует республика, да здравствует свобода, да здравствует восьмичасовая работа!»

Администрация заранее приняла свои меры: как только процессия двинулась, со всех сторон на участников ее набросились жандармы и сыщики, полицейские и солдаты; они били манифестантов нагайками и обнаженными шашками, у рабочих же почти ничего не было, кроме мускулистых рук для самозащиты. Невозможно описать ту возмутительную картину, которая получилась при поголовном избиении манифестантов. Страшная паника настала во всем городе. В некоторых местах остановилась конка: кучера соскакивали и бежали к месту побоища на помощь своим братьям-рабочим. Отчаянная борьба продолжалась три четверти часа; за это время много крови было пролито, много раненых пало! Вот падает раненый рабочий; он весь в крови; полицейские начинают топтать его ногами, а он, не переставая, продолжает кричать: «Да здравствует социализм, да здравствует восьмичасовая работа!» В другом месте одна женщина (там было несколько женщин-манифестанток), увидев зверские удары одного пристава, с яростью напала на него, разорвала на нем мундир и целыми клочками стала вырывать у него волосы. Знаменоносец Аракел схватывает одной рукой обнаженную шашку, поднятую над его головой и ломает ее на две части. [1]). Рабочий Ма-

[1]) Это последнее сведение относительно Аракела надо принять с осторожностью.

Прим. авт. ко 2-му изд.

маладзе (ошибочно сказано в корреспонденции Махарадзе), получил три раны саблей, выстрелил несколько раз из револьвера и ранил двух городовых. Пристав Гедеванов тяжело ранен. Сам полицеймейстер Ковалев, получив сильный удар в ногу, вынужден был слезть с лошади и сесть в экипаж. Вскоре явились казаки, а за ними губернатор. Манифестанты были рассеяны. Целых три дня после того Тифлис был на военном положении. Арестованных много, хотя официальная газета «Кавказ» сообщает, будто их всего 41 человек».

Приводим некоторые дополнительные сведения об этой демонстрации из вышеозначенной брошюры рабочего рассказчика: «Толпа рабочих, около 3,000 человек, смешанных с солдатами, полицейскими, жандармами (все последние переодетые) и с мирными покупателями и продавцами, возбужденно ждали сигнала—красного знамени: все знамена были здесь, но главного знамени, которое на наших собраниях развертывается со дня зарождения соц.-демократии на Кавказе, не было; не случилось ли чего? Вот уже принесли, кажется, что-то там засуетились. Величественно и грозно поднялось над головами толпы красное знамя, четко и ясно провозглашая политическую свободу, восьмичасовой рабочий день и призыв: «рабочие всех стран, соединяйтесь!»

Какая торжественная минута! Все рабочие, сняв шапки, отдали земной поклон знамени и раздался возглас: «Да здравствует политическая свобода!». Не заставили себя ждать полиция и казаки и с обнаженными саблями бросились к знамени, которое находилось в ста шагах от центра рабочих и потому знамя с телохранителями (около 25 чел.) было отрезано от толпы. Набежали казаки, солдаты,—и мирные продавцы и покупатели, потеряв голову, метались, а рабочие толпой и войском были отброшены против воли в разные улицы. У знамени происходила борьба на жизнь и смерть—его охранители не только не хотели сдаваться, но с опасностью для жизни отстаивали его. На сабельные удары рабочие отвечали палками, табуретками. Но силе пришлось уступить. В этой схватке было ранено всего 24 человека, из коих 13 ни к чему не причастных, сделавших-

ся лишь жертвой разъяренных казаков, рубивших направо и налево; остальные 11 чел. рабочих, вместе с знаменосцем, были ранены большей частью в голову. Со стороны полиции тяжко избиты 7 городовых, ранены один городовой, полицеймейстер и помощник пристава Гедеванов. Рабочий Мамаладзе произвел выстрел в бьющих полицейских только тогда, когда, потерявши силы, упал на тротуар.

В день первого мая было арестовано, кроме демонстрантов рабочих и посторонних, 3 курсистки, заступившиеся за рабочего, которого избивая вели в участок. Арестовывались также студенты каждым встречным городовым».

Заканчивает рабочий свой рассказ следующими словами: «Майским праздником кавказская социал-демократия первая заронила семена свободы и стала в авангарде всех оппозиционных сил на Кавказе. Это исторический момент, который все бушующие потоки Кавказа направит по одному руслу и образует то течение громадных вод, которое снесет тираническое правительство, одинаково гнетущее как черкесов, армян, так и грузин и рабочих всех национальностей».

Наконец, эта же майская открытая демонстрация убедила правительство, что в недрах общественной жизни зародилась опасная революционная сила, она настолько выросла, что выплыла наружу и что являлось для него неотложной задачей принять серьезные меры против этой растущей силы. Кавказская высшая администрация была сильно взбудоражена; кавказск. главнонач. Голицын наводнял циркулярами канцелярии губернаторов и полицеймейстеров о принятии строжайших мер, издавал обязательные постановления для населения, призывал общество помочь ему для восстановления порядка и соблюдения общественной тишины и спокойствия. Но все это напрасно. Рабочее движение и рост социал-демократии, несмотря на удвоенные усилия администрации и полиции, увеличивались. Комитет, после массовых арестов, восстановлял свои утерянные силы, пополняя ряды организации новыми элементами.

В это время происходил ряд стачек, о которых было выше сказано. Кроме того вновь забастовали в мае и июне рабочие механических заводов Рукса (200 раб.), Котрини

(150 раб.), Яралова и К⁰ (500 раб.), Гауфа (50). Все они, кроме рабочих Яралова и К⁰, добились увеличения заработной платы на 10—20%, сокращения рабочего дня с $10^1/_2$ час. до 10, урегулирования получки платы и некоторого улучшения положения учеников. Стачка же у Яралова была проиграна благодаря насилию жандармов. Рабочих силою заставили стать на работу. Стачки продолжались 17 дней. О значении и результатах этих стачек комитетом были выпущены и розданы прокламации на грузинском и русском языках.

К августовским стачкам сего года следует причислить и стачку мундштучников и набивщиков табачной фабрики Бозарджиан—100 человек (всех 500). Требования—увеличение платы и улучшение материала для папирос (выдача не сильно крошеного табака)—не удовлетворены. Были аресты «бунтовщиков» рабочих [1]).

При беспрерывном росте рабочего движения, принимающего все более и более политический характер и, в особенности, после первой открытой политической демонстрации, правительство уже ни перед чем не останавливается для подавления и искоренения крамолы. Теперь оно не видит никакой опасности в стремлениях «сепаратизма» или в создании особых «царств» той или другой кавказских наций—в этом мираже собственного воображения; оно перестало преследовать даже тех кавказских армян, которые так или иначе стремились к облегчению и улучшению положения турецких армян. Теперь его внимание исключительно обращено на опаснейшего «внутреннего врага»—революционное рабочее движение. С этого же года начинается явно провокаторская политика правительства—постановка хорошо организованной системы сыска и тайной полицейской агентуры.

Не прошло после демонстрации и трех месяцев, как правительством (29 июня) были объявлены Тифлисская и Бакинская губернии на положении усиленной охраны, которое вступило в действие с 4-го сентября. День 4-го сентября ознаменовался тем, что вся городская и тайная полиция в

---

[1]) Искра № 12.

удвоенном количестве выплыла наружу, чтоб нагнать страх на население. Ночью были в разных частях города обыски и аресты. Были между прочим арестованы в эту ночь Бочоридзе и Цуликидзе (ныне покойный) и др. Правительство наводнило город Тифлис шпионами и агентами-провокаторами [1]). С этого же года участились и случаи их избиений и убийств, совершавшихся по частной инициативе, с целью их терроризирования. Чем политика правительства становилась жесточе, тем больше раздражались рабочие и тем чаще прибегали они к террористическим актам. При всем старании комитета удержать эти «эксцессы» и сконцентрировать все внимание рабочих на неотложной необходимости массовой организации, массового движения и выступления, террористические акты тем не менее совершались против того или другого тайного агента или правительственных чиновников.

Социал-демократия не террористическая партия, а между тем были в тифлисской организации социал-демократы, признающие террор как необходимый прием, средство для повседневной активной борьбы в целях парализования и расстройства планов и силы правительства. Но они скорее были бланкисты, чем социал-демократы. Вот под влиянием этих-то социал-демократов-бланкистов, а также благодаря жестоким действиям администрации, вызывающим сильное негодование и чувство мести в той или другой группе рабочих или в ком-либо из членов организации и совершались эти террористические действия. Очень часто вопрос о применении террористического акта решался пламенным темпераментом того или другого лица (чем кавказцы вообще и отличаются) и к подобным случаям ни теоретические принципы тактики, ни убеждения не имели никакого отношения.

В 1901 г., в октябре и ноябре, имело место в организации серьезное столкновение между сознательными рабочими и «кучкой» интеллигентов социал-демократов; этот факт заслуживает быть отмеченным.

---

[1]) Их число к концу 1901 г., по свидетельству одного командированного в Тифлис жандармск. чиновника, достигало до 500.

Спор касался вопроса о том, не следует ли, не пора ли наконец, чтобы комитет был избран самими рабочими, членами организации, и чтобы передовые рабочие, так же, как интеллигенты, участвовали в комитете в качестве членов. Этого требовали рабочие и сильно отстаивали свои права. Отрицательное решение этого вопроса грозило расколом. До сих пор дело обстояло так.

Кружок интеллигентов социал-демократов выбирал или, скорее, назначал из своей среды более подходящих лиц в члены комитета. Состав комитета был исключительно «интеллигентского» характера. Все, что решал комитет, все, что он предпринимал, сообщалось рабочим; комитет считался с настроением и мнением более передовых рабочих; но, в большинстве случаев, к самостоятельной непосредственной деятельности и к обсуждению и решению важных вопросов рабочих не привлекали и не вводили их в состав руководящего центра. Рабочие исполняли, главным образом, практические работы, поручалась им только техническая сторона дела. В этом смысле более или менее сознательные рабочие, стоящие близко к организации и к комитету, являлись только «придатком», «хвостом» последнего. Необъяснима была упорная тенденция некоторых товарищей-интеллигентов лишать рабочих возможности участия в составе комитета. Вы думаете, что они не находили сознательных и подходящих для этого рабочих и по конспиративным соображениям отстраняли их пока от участия в местном центральном органе? Совсем нет. В 1899 и 1900 годах, напротив, можно было встретить настолько сознательных и подготовленных рабочих, из близко стоящих к организации, что многие из них практичностью, тонкостью ума, благоразумием во многих отношениях стояли гораздо выше, чем некоторые из тех интеллигентов или, точнее, полуинтеллигентов, которые «вводились» в состав комитета. Осенью 1900 года, когда в состав комитета вошли новые товарищи (русские), было решено, в виду неотложной необходимости, пригласить в комитет 3-х сознательных рабочих, по одному от каждой национальности: русской, грузинской и армянской. Были приглашены двое - армянин и русский, между тем ни один грузин-рабочий не был дове-

ГИровал, хотя сознательных грузин-пролетариев было больше и подходящих среди них легче было бы найти, чем среди армян или русских. Объяснить это простой случайностью едва ли можно. Такова была в эту эпоху тенденция некоторых влиятельных грузин-товарищей, что сказалось и в дальнейшей их деятельности и тактике. Такое отношение подготовляло почву для того естественного недовольства рабочих «интеллигентщиной», о котором я упомянул выше.

Интеллигентам надо было считаться с недовольством рабочих, иначе этот конфликт принимал серьезный характер и имел бы нежелательные для юной социал-демократической организации последствия. В ноябре было созвано собрание выборных от фабрик, заводов и мастерских представителей рабочих около 40 чел.; на собрании присутствовало и несколько оставшихся в то время неарестованных «интеллигентов».

Собрание, после доклада одного товарища [1]) о рабочем движении и деятельности социал-демократии минувшего года, приступило к обсуждению предъявленных рабочими требований, а именно: 1) устранить старый порядок образования комитета и установить в организации выборы хотя бы 2-х, 3-х степенные. 2) Раз навсегда признать принцип участия рабочего элемента в комитете и применять его впредь на практике. Первый пункт не вызвал разногласий и прений, по второму пункту были три предложения: а) комитет чисто интеллигентский, без рабочих; б) равное число интеллигентов и рабочих и в) смешанный тип состава комитета рабочих и интеллигентов, при чем число тех и других определялось бы в конечном счете тайной баллотировкой.

Один из товарищей [2]) в своей длинной речи, резко критикуя тенденцию некоторых т.т. интеллигентов и подчеркивая неотложную необходимость развития самодеятельности рабочих и проявления их инициативы в жизни партии, сделал предложение предоставить самим рабочим и их передовым сознательным представителям конструировать-

[1]) Сев. Джугели, ныне покойного.

[2]) Автор сего труда. Прим. авт. ко 2-му изд.

ся и выбирать кого угодно в комитет или другие учреждения организации. Против этого выступил один молодой, неразборчиво «энергичный» во всех делах интеллигентный товарищ и, выставляя конспиративные соображения, неподготовленность и несознательность рабочих, высказался против допущения рабочих в комитет [1]). Обращаясь к рабочим, он кончил свою речь словами: «Здесь льстят рабочим; спрашиваю вас, есть ли среди вас хоть один-два подходящих для комитета рабочих, скажите правду, положа руку на сердце?»

Рабочие представители дали ему достойный ответ тем, что голосовали за смешанный тип состава комитета, выбрав, кроме интеллигентов, еще трех рабочих в члены комитета.

Этим и кончилась сильно тревожившая нас тогда история.

Упомянутый молодой товарищ скоро после этого перенес свою деятельность из Тифлиса в Батум, откуда тифлисские работники получили сведения об его некорректном отношении, враждебной и дезорганизационной агитации против тифлисской организации и ее работников. Подобные действия некоторых товарищей, много вредившие революционно-пролетарскому делу, объясняются, конечно, в большинстве случаев, не принципиальным отношением их к общему делу, а только индивидуальными качествами, личными капризами и стремлением к самовластию. Приходилось нередко бороться против некорректных и вредных действий своих же товарищей, а эти внутри организации столкновения не мало способствовали ослаблению сил и энергии и без того немногочисленной социал-демократической группы.

Требовалось много труда и энергии, чтобы создать единую, сплоченную организацию; она была еще сравнительно очень слаба; недостатков и пробелов в ней было много. Печатное дело не было поставлено, как следовало. В тече-

---

[1]) Приводился между прочим аргумент: «Как же это так, интеллигенты будут в сюртуках и крахмальных рубашках, а рабочие в блузах, ведь это неудобно, не конспиративно». Комментарии излишни, нелепость такого аргумента сама собой понятна.

ние 10-ти месяцев, с января по октябрь 1901 г., комитет успел издать только 16 прокламаций в 19.800 экз., из коих 7 на русском языке, 8 на грузинском и 1 на армянском. Главное, в чем нуждалась организация к концу 1901 года, это—в собственном нелегальном органе. Нелегальное издание, хотя бы непериодическое, на трех языках—русском, грузинском и армянском, вот та насущная задача, к реализации которой стремился в это время всеми имевшимися в его распоряжении средствами комитет. Для ее осуществления нужно было основать нелегальную типографию и преодолеть связанные с этим технические затруднения. И комитет принялся за осуществление этого трудного дела. Материалы были уже готовы, техническое оборудование приходило к концу. Но неожиданный провал почти всего состава комитета в феврале 1902 года отклонил еще на некоторое время осуществление этого важнейшего предприятия.

Этим февральским арестом комитета и одновременно с ним арестом более 30 рабочих и интеллигентов правительство нанесло сильный удар организации.

В ночь на 16-ое февраля были в числе других обысканы и арестованы следующие лица (рабочие и интеллигенты): Аракел Окуашвили, Чодришвили, Георгий Чхеидзе, Каллистрат Гогуа, Георгий Караджев, Севериан и Симон Джугели, Васо Цебадзе, Лежава, Мегрелидзе, Биланов, Коркашвили, Капанадзе, Климиев, а несколько дней раньше—4-го февраля—учащейся учительск. института, Георгий Вардоян, наборщики Юстине, Джамулет, Церцвадзе, Васо Урушадзе, приказчик Мих. Урушадзе и др. Эти аресты были произведены благодаря провокации одного рабочего (слесарь) железнодорожных мастерских, долгое время выдававшего себя за революционера и социал-демократа и оказавшегося, на самом же деле, агентом-провокатором охранного отделения. Начальник этого отделения Лавров ликовал, был в полном восторге; он не раз высказывал, что после ареста комитета, главарей и многих из членов организации, в Тифлисе все подавлено, социал-демократия искоренена. Но каковы были его разочарование и ярость, когда, спустя несколько дней после этих арестов, была выпущена печатная прокламация с приложе-

нием партийного штемпеля, призывавшая, несмотря на провал и аресты, продолжать упорную борьбу с деспотическим правительством. «Это гидра», воскликнул при появлении этой прокламации тот же Лавров. Да, действительно, организация была «гидрой», так как с начала ее возникновения все усилия ее основателей-работников были направлены к созданию организации именно рабочей массы. Вот почему она, несмотря на провалы и аресты, проявляла беспрерывно более или менее революционную деятельность.

Стачечное движение распространялось эпидемически даже на мелкие мастерские. Под руководством комитета вспыхнула стачка в пяти главных мастерских дамского платья (сентябрь). Требования рабочих: 1) установление постоянных расценок, 2) распределение работы между всеми рабочими так, чтобы холостым был обеспечен еженедельный минимум в 4, а женатым в 6 руб., 3) более правильное распределение между «сезонным» и «мертвым» временем так, чтобы на последнее время было перенесено производство готовых платьев и, наконец, 4) обязательство не увольнять рабочего без предупреждения за две недели, — были удовлетворены хозяевами после 3-хнедельной стойкой стачки. Рабочие обязывались также в свою очередь предупреждать хозяев за 2 недели о добровольном оставлении работы.

В августе забастовали рабочие фабрики обуви Адельханова; в сентябре рабочие таб. фабр. Бозарджиан и т. д.

Как уже было упомянуто, авангардом тифлисского пролетариата являлись рабочие железнодорожных мастерских и депо, как раньше других организованные и более сознательные. Администрация и охранное отделение с самого начала обратили особое внимание на этот очаг движения и с целью дезорганизации, искоренения «крамолы», были ими введены в железн. дор. мастерских драконовские порядки и легион шпионов и провокаторов. Многие из среды бригадиров и старших мастеров были в услужении охранного отделения. Экономическое положение рабочих становилось все более невыносимым. Они добились путем упорной борьбы 12 часовой нормы рабочего дня, но скоро были вынуждены к сверхурочным работам, и ра-

бота вместо 6 кончалась в 9 час. вечера. В последнее время администрация еще более растягивала рабочий день. «20-го числа в 9 часов вечера, когда рабочие стали чистить инструменты и собирались уйти, входит в токарный цех бригадир Трифонов и требует, чтобы продолжали работу до 12 часов. Они отказались. Трифонов разразился площадной руганью, составил список протестовавших и полетел в контору. Из нее он вернулся вместе с мастером Блюмбергом, который повторил требование бригадира, угрожая протестантам передать их жандармам для отправки в тюрьму. Большинство приступило к работе» [1]).

Такое положение вещей сильно озлобляло рабочих. Волнения не прекращались. Начальник дороги Веденеев был убит. Заместитель его, инженер Ивановский, продолжал «политику» своего предшественника. Ограничить прием в жел. дор. мастерские рабочих-кавказцев и не назначать их на должность старших мастеров, а затем вытеснить из железнодор. службы женский состав, вот с чего начал он свою «политику». Рабочим, возмущенным произволом администрации, шпионством и провокаторством поставленных охранным отделением старших мастеров, оставалось прибегать к своим средствам. Их неоднократные предупреждения ни к чему не привели. По своей инициативе и на почве личной мести, стали они избивать и убивать шпионов и провокаторов. Толпой избит бригадир столярного цеха Царев и, намереваясь таким же образом избить старшего рабочего токарного цеха Сопкина, по ошибке избили бригадира кузнеца Данилюка. 31 июля убит старший литейщик Плотто. 23 ноября был ранен пулей в столярной мастерской старший мастер Блюмберг за выдачу товарищей рабочих, членов организации. 28 ноября был контужен пулей мастер Чепурнов за провокаторство. 4 декабря также контужен пулей начальник депо Шпиганович.

Этих нескольких примеров достаточно, чтобы понять, какую атмосферу создавали для рабочих правительственные репрессии и провокации, как бесполезно и нецелесообразно тратили рабочие свою накопившуюся революционную

[1]) Искра № 54.

энергию. Следовало бы эту энергию направить в другую сторону, на создание массового, сознательного рабочего движения, чего организация и комитет не могли выполнить за недостатком сил и по чисто конспиративным, подпольным условиям работы.

24 ноября была устроена тифлисскими рабочими демонстрация на вокзале. Отправляли в ссылку этапным порядком во внутренние губернии России обвиненных по делу первомайской демонстрации 22 апреля прошлого года — Аракела Окуашвили и Леонтия Мамаладзе, Татанейшвили, Вигрибина, Георгобиани и др. В 10 час. утра, кроме родных и семейств ссылаемых, собралась на вокзале тысячная толпа рабочих. Разместившись около арестантского вагона, рабочие запели «Отречемся от старого мира» и выкинули красное знамя с надписью «Долой самодержавие!» Поезд тронулся. «Пение лилось внятно и всех охватило воодушевление. Крики: «Долой самодержавие»! потрясали воздух, рабочие бежали рядом с арестантским вагоном, где сидели те, кто так много пострадал за общее дело борьбы, за социализм, за политическое освобождение России от царского деспотизма». Полиция и жандармерия не были подготовлены, растерялись и были отброшены толпой. Из рабочих никто не пострадал; один жандарм был серьезно ранен пулей.

По поводу ссылки этих товарищей и других демонстрантов 22 апреля комитетом была выпущена прокламация.

В конце 1902 года для социал-демократической организации является событием появление социал-демократических органов на 2-х языках — грузинском и армянском. Тифлисскому комитету удается возобновить издававшуюся раньше в Баку и приостановленную провалами газету «Брдзола» («Борьба») на грузинском языке и начать издание «Пролетариат» [1]) на армянском. Издание последнего связано с появлением группы армян-социал-демократов, по поводу чего нелишне сказать несколько слов.

В начале возникновения кавказской социал-демократии и в первые годы ее существования, мы не видим в рядах кав-

---

[1]) Вскоре потом обе газеты стали выходить под общим названием «Борьба пролетариата» как орган Кавказского Союза.

кавск. соц.-дем. организации армян социал-демократов (из интеллигенции). Армянская революционная интеллигенция, по своему существу народническая, демократическая, была поглощена идеей национального освобождения в Турецкой Армении. В виду этого социальный вопрос и вообще политическое революционное дело в России ее вовсе не интересовало; она к нему относилась равнодушно, со стороны, и всегда избегала принимать в нем активное участие. Но вот события революционно-политического характера, развертывавшиеся по всей России, главным образом рабочее революционно-социалистическое движение, не могли не оказать своего влияния также и на более чуткую часть названной революционной интеллигенции. Она должна была разорвать со старыми традициями и раз навсегда стать на точку зрения пролетарско-классовой борьбы, понять, наконец, что спасение угнетенной армянской нации, армянского пролетариата - не в создании нового классового государства, где бы то ни было, а в социализме, в классовой, сознательной борьбе армянского пролетариата, совместно с Российским пролетариатом, за общеполитическое и социальное освобождение рабочего класса.

Таким образом в середине 1902 г. в Тифлисе появляется группа, принявшая название «Союза армянских социал-демократов» [1]). «Союз» примыкает к социал-демократической организации и руководит делом редактирования газ. «Пролетариат», передавая статья 1 номера которой, озаглавленная «Манифест армянских социал-демократов», представляла «credo» Союза. Принимая социал-демократическую программу, «Союз» высказывает свою полную солидарность с Росс. соц.-дем. р. п. и намерение бороться вместе с ней за интересы российского пролетариата вообще и армянского в частности». «Союз является одной из ветвей Р.С.-Д.Р.П.» и т. д.

Нам известно, что эта весьма малочисленная группа, от-

---

[1]) В «Союз» вступили Аршак Зурабов, отколовшись в это время от партии «Дашнакцутюн», членом Центрального Комитета которого он состоял и гнчакисты Серго Ханоян, Аш. Хумарян и др. Прим. авт. ко 2-му изд.

колевшаяся от националистических партий «Дашнакцутюн» и «Гнчак», в начале же своего возникновения примкнула к Тифлисской соц.-дем. организации и стала работать в ее рядах. Вышеназванный же орган был издан на армянском языке Тифлисск. социал-демокр. комитетом, а не особой группой, как таковой, как издавался им же на грузинском языке («Брдзола»). Тифлисская, да и вообще кавказские социал-демократические организации входили уже в Р.С.-Д.Р.П. и для чего понадобилось вновь вступившей в ряды тифл. соц.-дем. организации группе армян-социал-демократов оповестить мир особым манифестом о своем появлении, как нового «Союза, являющегося ветвью Р.С.-Д.Р.П.» — и по настоящее время остается невыясненным. Автор статьи в «Искре» (№ 72) под заглавием «Новые Союзники Бунда» дает по этому поводу не вполне удовлетворительное объяснение такого рода: «армянские товарищи, по некоторым агитационным соображениям, предпочли выпустить первый номер первой армянской соц.-дем. газеты от имени «союза армянских социал-демократов», хотя подобного союза и не существовало». Пусть так. Но с другой стороны видно, что эта группа, находясь еще под влиянием армянских револ. партий, не разорвала окончательно своих традиций с последними. Она по национальному вопросу находила возможным внести в программу партии требование в свободной России учреждения федеративной республики. «Принимая во внимание, говорится по этому поводу в манифесте, — что в состав русского государства входит много различных народностей, находящихся на разных ступенях культурного развития, и полагая, что только широкое развитие местного самоуправления может обеспечить интересы этих разнородных элементов, мы считаем необходимым в будущей свободной России учреждение федеративной республики».

Здесь сказывается безусловно влияние на группу армянских революционных партий. В соответствующем номере 4 грузинского издания комитета «Брдзола» [1]) такого требования не находим. Только очень скоро члены названной

[1]) Первые три номера вышли в Баку под редакцией Ладо Кецховели.

группы оставили совершенно начало федеративности и признали пункты в программе партии по национальному вопросу вполне удовлетворительными.

В 1903 году экономическая и политическая борьба продолжается более усиленным темпом, чем в предыдущие годы. Политический протест, недовольство существующим режимом проявляются в особенности в открытых уличных демонстрациях или манифестациях по различным, иногда совершенно случайным поводам [1]), а главным образом по поводу первомайского рабочего праздника. Демонстрации стали обыкновенным явлением, а первомайская демонстрация приняла особый политический боевой характер, пробуждающий отсталые слои населения.

23 февраля тифлисские рабочие, желая ознаменовать 19 февраля- день освобождения крестьян от крепостной зависимости (1861 г.), решили выйти на улицу и, сплотившись под знаменем с надписью на трех языках «Долой самодержавие», «Да здравствует социализм», с пением «марсельезы» пройтись по улицам города [2]).

Рабочие были вооружены кизилевыми тяжелыми палками. Местом демонстрации был назначен Головинский проспект, в центре города. Демонстрантов должно было быть до 6.000 рабочих жел.-дор. мастерских, всех фабрик и заводов г. Тифлиса. Всем этим рабочим не удалось собраться на одном месте, вследствие недоразумения, возникшего между различными группами рабочих относительно времени манифестации, а только небольшая группа манифестантов в $12^1/_2$ час. выкинула знамя на углу Армянского базара и с криком «долой самодержавие» бросилась к армянскому базару. Здесь два офицера, отставной полковник Агаев и

[1] Так, например, упомянем торжественную похоронную процессию одного рабочего социал-демократа, имевшую место летом 1902 г. Ее сопровождали несколько тысяч рабочих. Несмотря на полицейские запреты, процессия двинулась по главным улицам города и остановилась перед Метехским тюремным замком, этой бастилией Тифлиса; здесь крики: «долой самодержавие», «да здравствует свобода» оглашали воздух. Тюремная администрация была сильно встревожена, полагая, что толпа демонстрантов собиралась сделать нападение на тюрьму. Затем на кладбище были произнесены революционно-политические речи.

[2]) Искра № 39.

поручик Тифлисского полка Искандар-хан, одетые в военную форму и сопровождавшие похоронную процессию, были приняты за административных лиц, т.-е. за своих врагов, и толпа, предполагая, что попала в полицейскую засаду, револьверным выстрелом и палкой поранила их. При криках толпы «долой самодержавие» усиленный наряд полиции на Эриванской площади разбежался в панике, призывая помощь свистками. Демонстрация была уже окончена, когда со двора военного штаба выехали казаки на помощь. Стали бить без разбору всех находившихся на улице. Казаки и полиция, группами от 5—10, нападали на одного и, избив, волокли в участок, где продолжали свою зверскую расправу. Бойней распоряжались жандармский ротмистр Лавров и полицеймейстер Ковалев. Они приказывали рубить и сечь направо и налево, не щадя ни женщин, ни детей. 10 казаков выволокли из подвала, что под магазином Чичкина, служителя в белом фартуке и стали его так жестоко бить, что дворники и те вступились за несчастного. Ковалев, подъехавший в это время, любовался этой картиной. Казаки врывались в частные дома и, стегая обывателей нагайками, под угрозой смерти, требовали выдачи манифестантов. Три женщины были жестоко избиты сперва на улице, а потом в участке. Мальчик 14 лет тяжело ранен в голову шашкой городового: полиция выпроводила его из участка без перевязки, не оказав даже первоначальной помощи. Арестовано было в этот день до 150 человек [1]).

В воззвании, выпущенном комитетом по поводу этой демонстрации, между прочим было сказано, что, кроме 6.000 рабочих, в этот день вышли на улицу также либеральная и радикальная интеллигенция, учащаяся молодежь и другие слои общества, которые упорно отказывались исполнять требования полиции разойтись... Эта громадная толпа, под дождем, стеной гуляла по Головинскому проспекту в течение более двух часов, терпеливо ожидая условленного сигнала, чтобы сплотиться и провозгласить анафему и смерть

[1]) Нам известен такой факт. Один рабочий при схватке с казаками, сбросил одного из них с лошади, сам вскочил на нее и быстро помчался неизвестно куда. Полиция долго не могла разыскать его. Наконец, он был арестован и заключен в Метехский замок.

гнусному самодержавию и ни одним движением, неосторожным словом или взглядом не дала повода полиции начать наступление [1]).

После манифестации были усиленные обыски. 23 и 24 февраля, кроме рабочих, были арестованы между прочим следующие лица: интеллигенты Джибладзе, Джугели—три брата, фельдшер Чичуа, Долидзе, Цабадзе, ученик учительского института Ляпин и др.

Комитетом была выпущена также, вскоре после демонстрации, прокламация «к гражданам». 23 марта вечером в театре артистического общества в бенефис одного артиста сверху посыпались эти прокламации. Это было совершенно неожиданно для полиции. Пол был очищен полицеймейстером Ковалевым и жандармским сыщиком Лавровым, находившимися в это время в театре. «Администрация театра получила предупреждение: «в случае появления прокламаций в театре отвечать будет она».

В начале 1903 года образовалась общекавказская единая организация из слияния трех комитетов партии (Тифлис, Баку, Батум), которая приняла название «Кавказского Социал-демократического Рабочего Союза».

Союзом было решено устроить в один и тот же день майскую демонстрацию в трех центрах Кавказа—Тифлисе, Баку и Батуме. Она была назначена 27 апреля. Настроение рабочих было сильно приподнято. Администрация заранее проведала об этом и в тот день Головинский проспект, где должна была происходить демонстрация, был запружен войсками, казаками и дворниками; то же самое было и в Солдатском базаре.

После некоторого колебания, наконец, был дан сигнал рабочим собраться перед артистическим театром. Здесь к $11^1/_2$ ч. утра развернули рабочее знамя с вышитыми надписями: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода! Да здравствует восьмичасовой рабочий день!» В начале было демонстрантов до 400, затем число их все более и более росло. Они двинулись шеренгами по направлению к казенному театру с возгласами «ура», «долой самодержа-

---

[1]) См. Искра №№ 37, 39.

вие!» Толпа все увеличивалась. Достигнув до кадетского корпуса, демонстранты завернули на Саперную улицу и стали расходиться. Полиция была обманута, пришла поздно. Она набросилась на отставших 2—3 десятка рабочих и стала их жестоко избивать; дворники били дубинами. Ужасная была картина. Многие из рабочих были арестованы [1]).

Чем жесточе расправлялось правительство с волновавшимися массами населения, тем волны негодования и возмущения подымались выше и выше. Волновались не только рабочие. Волновались в это время также и ремесленники, ученики мастерских, приказчики, домашняя прислуга, лавочники, волновались и ученики почти всех учебных заведений. В 1-й мужской гимназии учащиеся доведены были до того, что они в одно время стали ломать все, били скамьи, стекла. 6 человек были уволены. Появились листки ученического кружка, в которых требовали возвращения уволенных. Жандармское управление принялось за ловлю учащихся при содействии извергов-«воспитателей». Пошли повальные обыски, у гимназистов находили, между прочим, и прокламации комитета «к гражданам».

Метехский замок принял новые элементы арестованных— гимназистов 4—5 класса, которых жандармы запугивали всеми жандармскими средствами, затем выпускали одних, сажали других. В особенности усердные услуги оказывали жандармскому управлению из «воспитателей»-провокаторов учитель В. Агапьев, преподаватель древних языков 1-ой гимназии Соловьев, который во время уроков восхвалял перед учениками действия администрации и между прочим в своем рассказе одобрял городового, который бил молодую девушку, одну из участниц демонстрации; учитель землемерного училища Забежкин, гнусный провокатор и разжигатель национальных низменных страстей между разноплеменными учащимися, учитель математики того же училища Хевсуриани, который, при волнении учащихся, обратившись к полиции, явился с двумя городовыми в храм науки и воспитания, а директор Александровского учительского института Стрелецкий прямо-таки делал обы-

[1]) Искра № 40.

ски на квартирах учеников вместе с жандармским подполковником [1]).

Борьба велась не только «на воле», но и в тюрьмах. Шум, крик, протест и демонстрации, в которых иногда принимали участие и уголовные арестанты, не прекращались в Метехском замке. В конце июня комитетом была выпущена прокламация относительно высылки 4-х товарищей политических арестантов. Их отправляли 1-го июля в Восточную Сибирь, по поводу чего была устроена в тюрьме трогательная манифестация. В момент отправки их в закрытых экипажах стук, шум в запертых камерах тюрьмы не прекращались; возгласы «долой самодержавие, да здравствует свобода, да здравствуют борцы за свободу» оглашали тюрьму. На окнах появились красные платки. Улицы были запружены войсками; громадная толпа устраивала проводы, но ее разгоняли. В городе, на вокзале было необыкновенное движение. Там устроена была также рабочими грандиозная демонстрация, в которой принимали участие не только рабочие, но и много граждан и до 60 солдат [2]).

Демонстрацию эту описывает в «Искре» № 45, рабочий, следующим образом.

«В городе еще несколько дней назад ходил слух о том, что 1 июля ссылают в Восточную Сибирь четырех политических: 1) Георгия Караджева (учител., арестован 16 февраля 1902 г., 40 лет). 2) Георгия Вардояна (институтец, арестов. 4-го февраля 1902 г., 23 лет). 3) Власа Мгеладзе (наборщик, арест. в ноябре 1901 г., 28 л.). 4) Эраста Чантладзе (наборщик, арест. в апреле 1901 года, 30 л.). По этому поводу 1 июля большая толпа окружила тюрьму. Кроме рабочих, собралось много женщин, детей и посторонних лиц. Но скоро их разогнали. Тогда толпа от тюрьмы отправилась к Петропавловскому кладбищу (на кладбище собралось около 5 тысяч человек), а я отправился на вокзал. Было уже половина первого, второй звонок давно прозвонил, но ссыльных еще не приводили. Наконец, привели уголовных, но среди них наших четырех товарищей не было. Поезд тро-

---

[1]) Ibid.

[2]) Искра № 54.

нулся, а в это самое время на платформе среди многочисленных рабочих (около 10.000 чел.), гордо поднялось красное знамя, на котором на трех языках, золотыми буквами было написано: «Пролетарии всех стран соединяйтесь», «Да здравствует свобода», «Долой самодержавие». Демонстранты, думая, что в этом поезде находятся наши товарищи, минуты на три остановили поезд. Тогда со стороны властей началась зверская расправа, начали стрелять из револьверов в рабочих. Из наших было ранено пять человек; один из них был ранен очень тяжело, а другие не опасно.

Оказалось, что правительство обмануло нас. Из тюрьмы наших товарищей отвезли прямо на Навтлуг (первая станция от Тифлиса к Баку) и хотели оттуда отправить их. Когда бывшие на Петропавловском кладбище узнали, что они были обмануты, тотчас же через Авлабар (часть города) вернулись в город, но они увидели четыре кареты, окруженные казаками [1]), вместе с полицеймейстером и губернатором: это везли четырех политических. Здесь, конечно, толпа выказала свою симпатию к благородным борцам.

Тяжело раненого товарища [2]) увезли в Михайловскую больницу, где он в тот же вечер умер. Рабочие были очень опечалены и огорчены. Хотели в ближайшее воскресенье устроить грандиозную демонстрацию и торжественно похоронить борца за свободу. Но каково было наше негодование и возмущение, когда на следующий день узнали, что начальство в 3 часа ночи украло труп и тайком похоронило его. Теперь у нас даже мальчуганы называют правительство вором и разбойником, так как оно украло наших четырех товарищей из тюрьмы, а умершего из больницы.

Правительство, таким образом, не будучи в состоянии победить нас насилием, прибегает теперь к хитростям и разбойничеству».

---

[1]) А также жандармами и полицейскими и громадной шайкой разнородных крупных и мелких чиновников. Политических везли по одному в экипаже и под охраной трех солдат с обнаженными шашками. *С. Т. Арк.*

[2]) По фамилии Галстян. *С. Т. А.* (прим. ко 2-му изд.).

IV.

Баку, Батум, Кутаис и др.

Рабочее движение в других городах Кавказа развивается, за малыми исключениями, точно таким же путем, как и в Тифлисе. В начале движения там и сям происходят единичные, изолированные протесты, избиение управляющих или старших мастеров, взаимно враждебные отношения и столкновения между конкурирующими пролетариями различных национальностей (как между отсталыми персами и более культурными рабочими других национальностей в г. Баку), неорганизованные стачки и т. д. Но первый фазис этого слепого экономического движения продолжался дольше в других городах, чем в Тифлисе, где раньше, чем где-либо на Кавказе, образовалась социал-демократическая организация.

Казалось бы, город Баку, как один из крупнейших центров пролетариата, явившись сердцем кавказского капитализма, со своей стотысячной армией труда, этих настоящих индустриальных пролетариев, должен был сыграть с ранних же пор роль авангарда кавказского рабочего движения. В Тифлисе, за исключением железнодорожных мастерских, депо и нескольких механических заводов, кожевенно-сапожных и табачных фабрик, в общем еще господствует мелкое производство, нет крупного капиталистического производства, вроде Бакинской нефтяной индустрии, которая со времени проведения железной дороги до Баку (1883 г.), притянула к себе, как магнит, с разных частей края, деревенскую бедноту, концентрировала и сплачивала десятки тысяч пролетариев в одну могучую армию.

Каковы же были причины, что бакинский пролетариат сравнительно позже выступил на арену активной экономической и политической борьбы, чем тифлисский? Этот вопрос представляет интерес по многим соображениям, почему стоит несколько подробнее выяснить его.

Трудно установить общее число населения г. Баку вследствие постоянного прилива и отлива рабочих; среднее чи-

сло жителей достигает до 200.000. Многочисленнее всего мусульманское население, затем армянское; не мало русских, евреев, лезгин, грузин, шведов, немцев и т. д. Это настоящий интернациональный город. Нефтяное богатство привлекало людей еще тогда, когда нефть добывалась первобытным способом. Это производство стало развиваться вширь и глубь в колоссальных размерах по открытии железнодорожного сообщения (с 1883 г.). Высшей степени своего развития нефтяная промышленность достигла в 90-х годах. Люди богатели быстро, легко становились миллионерами, вложив в дело хотя бы ничтожный капитал. Посчастливится, «фонтан» будет бить, и мелкие акционеры в короткое время делались новейшими рыцарями. Деревенский ростовщик, мелкий лавочник, в течение каких-нибудь 4—5 лет превращались в крупных капиталистов.

Это стремление к наживе, к крупному богатству увлекло всех, кружило всем головы. Баку являлся уже с средины 80-х годов центром, куда стекались интеллигентные и народные силы края. Интеллигенция была занята нефтяными делами. По закрытии правительством армянских школ, сотни учителей спасали свою жизнь от безработицы и голода, отдав всю свою энергию капиталу и став на защиту интересов его владетелей. Та часть интеллигенции, которая раньше, воодушевляясь «народной идеей», клялась его благом и его интересами (многие из нее считались даже «народниками», «демократами-революционерами»), отдавшись всецело служению буржуазии, была совершенно деморализована, развращена. Идею народного блага она отождествляла с идеей благосостояния и успехов буржуазии. Все идеальное, все высшие понятия о человеческих отношениях она заменила торгашеским расчетом. Прежний товарищ по идее, по университету, по партии, наконец, избегал бывших же своих товарищей, презрительно, свысока смотрел на них, как на несчастных, заблуждающихся, нищих людей. А если кто-нибудь попытался бы говорить о народе, о человечестве, об улучшении положения трудящихся масс, то он только рисковал быть объявленным сумасшедшим, фантазером и бездельником. Ажиотаж, биржевая спекуляция, воровство, обман, фонтан, акция, дивиденд, карта,

женщина, «кеф» [1]) и забвение человеческого достоинства в себе и других,—вот добродетели и повседневный предмет разговора и занятий бакинской буржуазии и ее интеллигенции.

Влияние этой атмосферы, само собой разумеется, было велико также на рабочих и служащих; она отуманивала их, делала их долгое время неспособными на проявление каких-либо стремлений и самостоятельной инициативы по идейным вопросам, хотя бы по вопросу об улучшении своего положения.

Эта атмосфера, с одной стороны, и антигигиенический характер производства—грязь, дым, копоть, невыносимые условия труда и всей обстановки жизни, в которой влачил свое существование рабочий класс, с другой—пагубно действовали на него; он был задавлен, забит, обречен на продолжительное инертное положение, на физическое и нравственное вырождение.

Главный контингент бакинских рабочих составляют туземцы-армяне, татары и персы. Татары и персы представляют чуть ли не самый отсталый элемент кавказского пролетариата. Многие из рабочих персов приезжают временно на заработки из Персии. Почти все они чернорабочие, «амбалы», не квалифицированные рабочие. Находясь у себя на родине на низком уровне экономического и социального положения, эти голодные, оборванные, лишенные всех средств хотя бы для скудного человеческого существования, рабочие персы продают свою рабочую силу за ничтожную плату, понижают расценки более культурных местных и пришлых рабочих и таким образом являлись и являются враждебным, конкурирующим элементом для последних. Уже существовавшая на религиозно-национальной почве традиционная вражда между армянами и персами-татарами усиливалась еще более этой пролетарской, экономической конкуренцией. Не удивительно поэтому, что вследствие полнейшего отсутствия в них классового сознания

---

[1]) «Кеф» означает по туземному кутеж или оно скорее синонимно понятию развратное гуляние.

и солидарности это обстоятельство служило почти всегда поводом взаимного недовольства и столкновений между ними. При таком положении о сплочении и солидарных действиях для защиты общих пролетарских интересов не могло быть и речи.

Армяне рабочие, большей частью пролетаризованные крестьяне, только что порвавшие свою связь с деревней, связанные, однако, со многими предрассудками и традициями деревенской, патриархальной жизни, точно также представляют в громадном большинстве несознательную массу. Одно важное обстоятельство, которое препятствовало развитию армянского пролетариата вообще и—бакинского в частности, устраняло его от общеполитического и пролетарского революционного движения и затемняло его классовое самосознание—это широкое распространение и пропаганда идеи «возрождения Армении», так называемого «армянского вопроса» в Турции, начавшей увлекать уже с 70-х годов пр. ст. по настоящее время различные слои армянского населения и в особенности интеллигенцию.

К служению этому делу и к его осуществлению направлена была с 90-х годов деятельность армянских «революционных» националистических организаций гнчакистской и дашнакцаканской, о которых подробнее будет речь в дальнейшем изложении. Сейчас же надо отметить, что эти организации, вызванные фактом существования «армянского вопроса», проявляли свою деятельность не столько на турецкой, сколько на русской почве, в Закавказье и других местностях России, населенных армянами. Основателями этих организаций и руководителями являлись, главным образом, русские армяне. Деятельность их среди русских армян, кроме пропаганды идеи освобождения турецкой Армении, преследовала, главным образом, практические цели: сбор денег, доставка оружия и людей в Турецкую Армению, для чего существовали и существуют комитеты и подкомитеты в разных городах Кавказа и России. При этом господствовало мнение о том, что нечего ждать армянам от России, что спасение их надо искать только в Турции, в осуществлении идеи «независимости Армении» в Азиатской Турции, а Россия им чужда, рос-

сийское освободительное движение их не касается. Поддерживали эту идею и способствовали ее распространению националистические партии. Вести о страданиях и систематической резне собратьев—турецких армян, золотые горы, обещанные армянскими «революционными» партиями пролетариату и крестьянству в грядущем царстве «независимой Армении», сбили последних с толку окончательно. Забывая собственные страдания, они увлеклись этой идеей и впредь взоры и надежды свои устремили только к этому «Новому Иерусалиму», откуда ожидали и своего полного «освобождения». Вот это-то и затуманивало, затемняло в пролетарских и крестьянских массах ясное понимание вещей, действительность классового антагонизма. Это мешало их сознанию здраво оценить действительность. Еще до сих пор, несмотря на великие события российской революции, армянские «революционные партии» не избавлены от этого заблуждения по отношению к русско-армянскому пролетариату и крестьянству.

Ясно, что значительная часть бакинского пролетариата, именно армянская, под влиянием этого мировоззрения, не могла долго вступить на путь нормального классового рабочего движения. Но ничего не остается неизменным в жизни. Эти препятствия, стоявшие на пути своевременного пробуждения и развития бакинского пролетариата, должны были быть устранены, в силу зарождавшихся новых объективных условий экономического и социального характера.

«Фонтан» переставал бить часто, как это было раньше. Добывание нефти требовало колоссальных расходов, так как нефть появлялась в слишком глубоких недрах земли и то редко. Многие частные лица и акционерные компании разорялись. Горячка быстрого обогащения исчезала. Наставал период разочарования и уныния для всех слоев населения, кризиса в промышленности, понижения заработной платы рабочих, массовых расчетов, безработицы и т. д. Недовольство рабочих становилось всеобщим. Вести о студенческих волнениях, забастовках, политических демонстрациях рабочих, происходивших в то время (1900—1901 г.г.) в разных местностях России и Кавказа, ободряли и волновали также бакинских рабочих. Администрация стала

высылать тысячами рабочих из Баку. Все это несомненно оказывало свое воздействие. Но главное, что не надо забывать, это значение местной усиленной работы организовавшейся социал-демократии.

До возникновения в городе соц.-дем. организации, армянские партии—гнчакисты и дашнакцаканы, имели кружки из армян-рабочих. Но цель этих кружков состояла не в уяснении пролетарских, социально-политических задач, а только в пропаганде идеи независимости Турецкой Армении, сборе денег, зарегистрировании сочувствующих и соглашающихся вступить в ряды действующих отрядов против турецких властей и племен (курдов, черкесов, турок и т. д.).

Прилив в Баку из России более сознательного и культурного рабочего элемента—русских, евреев, поляков и т. д., и социал-демократическая деятельность, начавшаяся с 1900 года, могли только внести в местную разноплеменную рабочую среду правильное понимание солидарности классовых интересов и необходимости совместной борьбы. С 1900 года тифлисская социал-демократическая организация стала устанавливать правильные связи с Баку. Некоторые из тифлисских товарищей перенесли свою деятельность в Баку, как важнейший пункт кавказского пролетариата (как, напр., Ладо Кецховели, рабочий «дедушка» и др.).

Итак, тифлисские товарищи и местные социал-демократы, составив ядро, приступили энергично к работе—организации пролетарских масс и правильной, систематической пропаганде и агитации в кружках и собраниях рабочих. Уже в 1901 г. рабочие, в числе 300 чел., отпраздновали майский праздник вне города.

В сентябре была издана покойным Кецховели, с помощью некоторых других товарищей, первая нелегальная социал-демократическая газета «Брдзола» на грузинском языке.

Стали сильно циркулировать по городу листки, прокламации, бюллетени о студенческих волнениях, вообще нелегальная литература. Осень и зиму (1901 г.) бакинский социал-демокр. комитет усердно распространял по рукам нелегальную литературу (брошюры и газеты «Искру» и «Южный Рабочий») и общерусские листки (о 19 февраля

и пр.) [1]). В то же время на нескольких заводах и мастерских имели место забастовки, закончившиеся победой рабочих. В марте 1902 г. было арестовано около 30 рабочих и интеллигентов (социал-демократов). Затем по инициативе комитета организована была первомайская открытая демонстрация, по поводу которой им были распространены в апреле месяце «майский листок» «Искры», собственный майский листок и воззвание к обществу [2]).

Первая удавшаяся майская демонстрация 21 апреля имела громадное влияние как на бакинский пролетариат, так и на все демократические слои населения этого города. Пользуюсь содержанием письма рабочего в «Искре» № 22 по поводу этой демонстрации:

«Бакинские рабочие, чтобы не отстать от рабочих других городов, сообща решили сделать первый шаг к святому делу. Стали не жалеть сил и времени, устраивать массовые собрания и вести пропаганду, говорить по поводу открытого празднования 1-го мая. Наступил назначенный день 21 апреля! Все с охотой явились на назначенное место. Пущены были сигнальные шары. Знаменосец, не дождавшись третьего шара, развернул знамя, гордо и смело произнес: «Товарищи! Сегодня великий праздник, в который мы выступаем против неправды, невежества и нищеты! Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» Товарищи же около знаменосца разбрасывали маленькие прокламации, в которых были написаны требования: «Свобода, 8-часовой рабочий день» и т. п. Раздались крики по всем улицам «ура! Долой самодержавие, да здравствует свобода!». Со всех улиц громадной толпой пустились бежать к «Парапету», где знамя гордо развевалось. Когда демонстранты хотели завернуть на Николаевскую улицу, мимо проехали: полицеймейстер, его помощник и пристав. На крики «долой полицию» и т. д. они остановились, подошли к толпе, бледные, как мертвецы. «Разойтись!»—заревел, как бык, полицеймейстер. Но демонстранты не обратили на них внимания, угрожали только палками. Манифестация усили-

---

[1]) Искра № 24.
[2]) Ibid.

вается все больше и больше. Появилась учащаяся молодежь, пожилые и дети с возгласами: «Да здравствует свобода!» На крышах и балконах сочувственно откликались: «Да здравствует свобода!».

Не было улицы, не заполненной народом. Ни один ребенок не остался дома. Все повыходили из домов. Народу было около 5.000, так что крики и мертвых могли бы поднять. Постояв около получаса близ гимназии, демонстранты начали расходиться, довольные тем, что маленькая искра действительно разгорелась, и весь город закипел, зашумел... Успели арестовать одного рабочего; будучи уже в руках злодеев, он сам себе дал свободу, т.-е. поколотил двух городовых, вырвался и удрал. Кроме этого на месте демонстрации арестов не было.

После демонстрации на Парапете стояла еще громадная толпа; появились солдаты, казаки, вся бакинская полиция, флотские солдаты, пожарная команда и т. д. Полицеймейстер, как бешеный, бегает то туда, то сюда, не зная что делать. А жандармский сыщик нюхал всюду, авось найдется добыча. Брандмейстер командовал пожарным, а казаки просили публику разойтись. Разошлись не скоро.

Теперь многие рабочие просят дать таких людей, которые бы им разъяснили их положение. Многие с нетерпением ждут новой демонстрации и слова нашего учителя Маркса: «пролетарии всех стран, соединяйтесь!»—запечатлелись в душах всех рабочих».

В другой корреспонденции из Баку [1]) сказано: «Повсюду только и разговоров, что о демонстрации; публика, не читавшая еще листков, стала усиленно искать: все удивляются, что в Баку могла удастся подобная демонстрация. Крик «долой самодержавие» разнесен по всему городу и повторяется каждым мальчишкой. В рабочей среде демонстрация произвела отличное впечатление. Она подняла дух рабочих и дала им уверенность в своей силе.

1-го мая рабочие на некоторых заводах и промыслах предъявили администрации требования и получили удо-

---

[1]) Искра № 24.

влетворение. Во многих же заведениях рабочие заявляли администрации о том, что не будут работать 1 мая».

В связи с демонстрацией были арестованы: Е. Голикова (бывш. слуш. Высш. Женск. курс.), Р. Бабикова (фельдшерица), Л. Кнуньянц (студ. Киевск. Политехн.), Б. Кнуньянц (вольноопред.), Т. Кнуньянц (художник), А. Бекзадьянц (студ. Киевск. Политехн.), А. Николадзе (техник), И. Мелик-Иосифянц (бывш. студ. технол.). Н. Казаренко, гимназисты Назарьянц и Чикноворьянц и несколько рабочих, всего 34 человека, из них 3 женщины.

Подобно тифлисскому, это первое бакинское открытое выступление дает рабочему движению этого города сильный толчек. Открывается более широкая арена деятельности среди пролетарских масс. В особенности промыслы города представляли более благоприятные условия для пропаганды и агитации, вследствие как большей группировки рабочих, так и слабого надзора со стороны полицейских и жандармских явных и тайных чинов и той опасности ночных нападений и покушений, которым последние рисковали подвергаться. Тем не менее правительство после демонстрации энергично принялось за дело. Тифлисское охранное отделение сильно интересовалось также городом Баку. Начальник Лавров свирепствовал. Целый край был покрыт в это время сетью шпионов и провокаторов. Осенью 1902 года, после ряда тщательнейших обысков, была арестована группа социал-демократов, в числе которых находился и покойный Кецховели. Арестованный Кецховели и вместе с ним другие были переведены из Баку в Тифлисский Метехский замок. Этим делом руководил тот же Лавров.

В это время общее настроение в Баку было таково, что, несмотря на провалы и аресты, хотелось бы всем участвовать в движении, вылить наружу и огласить все, что годами накопилось в сердцах, что чувствовалось всеми и каждым.

Стачки и демонстрации, вот два главных вида борьбы и протеста, которые применялись в это время рабочими массами всюду, а также и в Баку. Они проявлялись в особен-

ности в этом городе в широком масштабе. 1903 г. превзошел всякие ожидания.

2-го марта сего года была устроена открытая демонстрация. В $10^1/_2$ часов толпа рабочих с дубинами в руках стала собираться на площади «Парапет». Человек 20 казаков, целая рота солдат и масса полицейских окружили Парапет. Весь город Баку был тут. Полицейские ждали здесь демонстрации, но они были обмануты. Большинство рабочих стало собираться у Молоканского сада. В 11 часов восемь девиц, без шляп и в красных кофтах, подняв красное знамя и с криками: «Товарищи, соединяйтесь под красное знамя!»—двинулись вперед на площадь. Рабочих было больше 2.000. Здесь, взобравшись на возвышения, стали держать народу речи. Прокламации так и летели по воздуху. Все улицы были наполнены ими. Казаки с Парапета прискакали сюда. Но они тотчас же бросились в бегство перед громадной толпой рабочих, поднявших свои дубины и пеших. Между тем, другая партия рабочих, подняв красное знамя, двинулась на набережную. Казаки пустили в ход свои нагайки, тогда только рабочие рассвирепели и, вынув свои револьверы, топоры и дубины, напали на казаков. Вице-губернатору разбили голову. Шествие продолжалось около трех часов. Из рабочих арестовано около 12 человек, сверх того два реалиста и один гимназист, остальные успели скрыться. Манифестация была восхитительная: несколько красных знамен с надписями; громадная толпа рабочих, вооруженных дубинами: камни сыплются градом и среди всего этого крики: «Ура! Да здравствует социализм» и т. д. [1]).

События, следовавшие за 2 марта, показали, как велико было значение мартовской демонстрации для местного движения. Ряды борющегося пролетариата заметно погустели, увеличились денежные средства комитета, организационная работа пошла более усиленным темпом. Вместе с тем, настроение рабочих поднялось настолько, что возникли крупные стачки даже среди малосознательных рабочих; так, перед пасхой забастовали кондуктора и кучера на конках,

---

[1]) Искра № 37.

требуя сокращения рабочего дня, который до сих пор продолжался у них около 19 часов; требования забастовавших были удовлетворены и рабочих стали распределять на две смены, по 9 часов каждая. Далее вспыхнула стачка на крупной табачной фабрике Мирзабекянца (800 чел.); рабочие стояли так дружно, что через два дня требования их были удовлетворены. 18 апреля наборщики всех местных газет отказались от работы, так что на следующий день не вышло ни одной газеты и идея майского праздника пропагандировалась, таким образом, в широкой публике. Такое настроение дало возможность комитету сорганизовать новую демонстрацию 27-го апреля [1]). Для подготовки к этой демонстрации было устроено комитетом несколько массовых собраний от 100 до 700 человек, а также выпущены листки. За несколько времени перед демонстрацией, вышел печатный листок по 1500 экз. на русском и армянском языках, разбирающий правительственный манифест от 26 февраля. Далее было выпущено в количестве 400 экз. на русском языке печатное воззвание к солдатам и казакам, где им разъяснялся смысл политических демонстраций и рабочего движения вообще. На пасхе был выпущен гектографированный листок на русском языке к безработным по поводу их безуспешного ходатайства перед губернатором о приискании работы. Перед демонстрацией были распространены: предварительная прокламация организационного комитета, напечатанная на русском (2.900 экз.), армянском (2.100) и грузинском (1000 экз.) языках; прокламация кавказского социал-демократического рабочего союза также на трех языках по 2.100 экз., и, наконец, за день до демонстрации—на русском и армянском языках призыв на предстоящую демонстрацию, со стороны комитета; кроме того, в первый раз было выпущено сто штук гектографированных листков на татарском языке, в которых татары также приглашались на демонстрацию. Для разбрасывания во время демонстрации, Кавказским союзом были присланы рисунки с соответствующими надписями. Демонстрация в организационном отно-

[1]) Как уже было раньше упомянуто, по решению Кавказского Союзного Комитета, эта демонстрация должна была происходить 27 апреля одновременно в Тифлисе, Баку и Батуме.

шении выполненная по заранее выработанному плану, по размерам превзошла все ожидания [1]).

27 апреля к 12 часам рабочие в числе 300 человек, на площади Парапет под красным знаменем и при криках «ура», «долой самодержавие!» начинают шествие. Со всех улиц присоединяются к шествию, большими группами, с громкими восторженными возгласами рабочие, вооруженные дубинами. Тысячная толпа встретилась в начале Николаевской улицы с другой группой демонстрантов со знаменем.

На Николаевской улице и Петровской площади число демонстрантов сильно возросло, приблизительно до 10.000 человек. Этой громадной толпой демонстрантов руководил рабочий. Здесь было 6 красных знамен, а затем еще поднято было 4, по присоединении других групп демонстрантов. До высшей степени энтузиазма и ликования дошла многотысячная толпа на Петровской площади при общих громовых криках «долой самодержавие», «да здравствует политическая свобода». Полицейские, городовые скрылись, нигде не видно было и казаков. Только когда демонстранты собирались разойтись у Губернского сада, появился взвод городовых, которые преградили им дорогу с обнаженными шашками и раздался залп один за другим; толпа рассеялась по улицам; никто не был ранен, стреляли холостыми. Началась обыкновенная расправа. Нагайки казаков; кулаки и шашки городовых действовали беспощадно. Был схвачен один знаменосец, которого никакими усилиями нельзя было заставить выпустить из рук знамя; последнее было отобрано только, когда нанесли ему на руке несколько ран. Было раненых шашками 12 человек и арестованных несколько десятков.

От главноначальствующего на Кавказе Голицына был получен приказ не щадить участников демонстрации и стрелять. Была заранее устроена засада, которая не удалась и многотысячная толпа избегла бойни.

В 5 часов дня демонстрация повторилась на Телефонной, Станиславской, Балаханской и Каспийских улицах с зна-

---

[1]) Сообщение Бакинского Комитета в Искре № 42.

менами и песнями. Пристав Гогоберидзе с одним городовым устремился на толпу с револьвером, но, получив удар камнем в голову, ретировался. Городового, его же шашкой, убили. Избиты были также другие городовые и шпики. Прибывшие казаки избивали демонстрантов и публику.

В Балаханах (промышленный район в 12 вер. от Баку) к 7 часам вечера рабочие, до 3-х тысяч человек, собрались около темфийского стана, выкинули красное знамя и с песнями направились к вокзалу. Выскочили внезапно казаки и полиция и бросились отнимать знамя у демонстрантов. Они были встречены градом камней; полицеймейстер, получив удар камнем, ускакал, а казаки открыли огонь без предупреждения. Был убит наповал один рабочий, тяжело ранено пять. Всех раненых было, приблизительно, 20—25, из коих лежали в больнице 12 чел. Ранены были также один казак и один полицейский. Озлобление рабочих было сильнейшее. Особенным зверством отличался пристав Шамшиев.

В день демонстрации арестованных было 47, преимущественно рабочие: из интеллигентов были взяты: тт. Хундадзе (рецидивист), Абрам Эйзенберг (рец.), Дроздовский (бывш. ссыльный). Организация пострадала мало; арестованные были большей частью из зрителей. По постановлению губернатора они были приговорены к отсидке от 3-х недель до 3-х месяцев. В общем сидело в это время в тюрьме, по сообщению Бакинского комитета, 95 человек. [1]).

Демонстрация вызвала сильное возбуждение во всем городе. Ожидалась всеобщая забастовка к 1-му мая. Фантастические толки и слухи ходили по всему городу. Усиленно циркулировали в особенности слухи о готовящихся погромах: евреи ожидали повторения Кишиневских событий, а армяне—армянского погрома. Этого рода слухи исходили от полиции и, как последующие годы показали, они вовсе не носили фантастического характера. При всяком подъеме революционного движения, русское самодержавное правительство, через посредство своих мелких и крупных агентов, организовывало погромы для подавления революции.

---

[1]) Искра № 40.

Впоследствии погромная политика была возведена в систему; лучшего орудия и не могло придумать для себя царское правительство. Бакинская публика ожидала майской демонстрации с национальной резней [1]).

К 1-му мая был выпущен на русском и армянском языках второй майский листок Организационного Комитета в 3.000 экземпляров. В самом деле, 1 мая забастовка вышла грандиозная. В этот день бастовали не только городские заводы и мастерские, но и были забастовки в Черном и Белом городах, на Баилове, Биби-Эйбате, на Балаханах и на других промыслах; работали только буровые рабочие, где рабочие почти исключительно татары. Хозяева не оказывали сопротивления, настолько были терроризованы последней демонстрацией. Город 1-го мая имел необычайный вид. Полиция и войско наготове; большинство лавок и магазинов заперто. На улицах много рабочих в праздничных одеждах, но все удивительно чинно и стройно. Рабочие праздновали маевку за городом. Атмосфера в городе какая-то особенная, даже в банках, на бирже и в конторах не слышно больше слов: нефть, мазут,—их вытеснили слова: демонстрация, прокламация, Кишинев и пр. Все говорят, что так длиться долго не может, «мы живем накануне революции» можно услышать теперь из уст буржуа. Учащиеся разных школ также ознаменовали этот день тем, что не явились на занятия [2]).

* * *

В *Батуме* рабочее движение началось почти одновременно с Бакинским. Первые симптомы сознательного отношения к своему положению, батумские рабочие проявляют

---

[1]) Недаром был назначен для погромной цели бакинским губернатором изверг Накашидзе, выдающийся разжигатель армяно-татарских национальных низменных страстей. И если в этом году не было погрома в Баку, зато после назначения Накашидзе губернатором, он был организован в начале 1905 г., а затем погромы повторялись почти во всех местностях Закавказья, населенных армянами, о чем подробно будет речь во второй части этой книги.

[2]) Искра № 41 и сообщение Бакинского Комитета в Искре № 42.

уже с конца 1901 г. Социал-демократическая работа, пропаганда и агитация велись настолько успешно и плодотворно, что уже в начале 1902 г. батумский пролетариат выступает на бой как с классом эксплоататоров-капиталистов, так и с царским правительством. Частые передвижения и сношения с Батумом грузинских (преимущественно гурийских и имеретинских) сознательных рабочих (вследствие их увольнения за стачки и высылки из Тифлиса на родину—в Кутаисск. губ.), их активное участие в местной работе по организации и сплочению рабочих, способствовали росту классового сознания последних.

Бакинская нефтепромышленность оживила этот красивый портовый город; он вырос быстро, в течение каких-нибудь 10—15 лет. К описываемому периоду имелось в Батуме больше двух десятков заводов, как нефтяных, в коих производилась разливка керосина для вывоза за границу, так и жестяных-паяльных для приготовления ящиков.

Одинаковые причины вызывают, в тех или других формах, одинаковые последствия. Те же грубые формы эксплоатации рабочих, полнейший произвол и неурядица в производстве, жестокое отношение к наемному люду существовали в Батуме, как и в других местностях Кавказа.

Описывая мрачными красками положение рабочих, батумский корреспондент «Искры» (№ 16) заканчивает свое письмо следующими словами: «Заработная плата за последние годы здесь сильно понизилась. Десять лет назад на заводе Ротшильда работало 4.000 человек [1]). Рабочие получали по 2—3 рубля в день. Теперь же, после улучшения механизмов, ту же работу, даже в больших размерах, исполняют 1.500 человек. За эти десять лет 2.500 чел. было выброшено на улицу, а заработная плата понижена до 60 коп. в день. Теперь мы зарабатываем лишь на хлеб и воду, чтобы только не умереть с голоду, чтобы быть в состоянии создавать не для себя—для других богатства... Тяжело так жить, и невольно является вопрос: зачем мы так страдаем? Жизнь наша лишена всякой радости, она лишь сплошной путь к

---

[1]) Самыми большими заводами в Батуме по производству и числу рабочих были в это время заводы Ротшильда и Манташева.

могиле. Так не лучше ли нам умереть не за станками и не рабами, а умереть, борясь за свободу, за лучшее будущее!..».

Да, бороться и умереть за лучшее будущее и за свободу... в этом батумские рабочие не отстали от других рабочих.

23-го июля 1901 года забастовали рабочие типографии Гурского, в которой печаталась реакционная газета «Черноморский Вестник». Требовали увеличения заработной платы и правильного распределения рабочего времени. Вмешалась полиция, которая в начале уговаривала рабочих стать на работу, а потом стала их арестовывать. Некоторые рабочие, по своей несознательности и отсталости, изменили общему делу; стачка была проиграна, и некоторые из стачечников уволены. Эта стачка была первой попыткой, после которой батумские рабочие выказывают образцовую солидарность во всех проявлениях рабочего движения [1]).

В феврале 1902 г. начался ряд стачек на заводах Манташева, Ротшильда, Акопова и др. Предъявляли требования улучшения условий труда, отмены штрафов, сокращения рабочего времени, приема уволенных товарищей и т. д.

9 марта того же года в Батуме произошло нечто ужасное, до того времени не имевшее место в истории кавказского рабочего революционного движения. Бойня, произведенная там местными представителями царского правительства, навсегда останется в истории рабочего класса неизгладимым позорным пятном для его врагов. Вот при каких обстоятельствах совершилась эта бойня.

Волнение и брожение среди рабочих начались еще раньше на заводе Манташева.

31-го января в 8 часов утра рабочие названного завода (около 400 ч.) бросили работу из-за того, что управляющий завода Тер-Акопов рассчитал одного рабочего за то, что последний разговаривал во время работы с товарищами. Рабочие были уверены в том, что после этого каждый из них, каждый день может быть расчитан. Кулак управляющий призвал на помощь полицию. Полиция пустила в ход кулаки и нагайки и арестовала 112 чел. Несмотря на это, рабо-

---

[1]) «Брдзола» № 1.

чие твердо держались; не повлияли на них ни угрозы, ни сладкие обещания, ни нужда, которую они терпели—они заявили, что не пойдут на работу до тех пор, пока не будут освобождены их товарищи. Через неделю полиция выслала целую партию рабочих в деревни. Но рабочие на третий же день вернулись в Батум и опять потребовали немедленного освобождения своих товарищей.

Сам Манташев (хозяин завода), терпя большие убытки от забастовки, решился ходатайствовать об освобождении арестованных. Но полиция заупрямилась, говоря, что в таком случае незачем было просить об аресте их. 17 февраля, после того, как приехал фабричный инспектор, освободили всех арестованных, кроме двух. 18-го февраля рабочие начали работать (приняли всех), так как требования их удовлетворили: обеденный перерыв увеличили с одного часа до полуторых, управляющего Тер-Акопова и других вредных для рабочих мастеров, по требованию рабочих, уволили. Кроме того, обещали освободить остальных двух рабочих и за все время, которое рабочие не работали, с 31 января по 18 февраля, заплатили сполна.

В это время на другом заводе Ротшильда рабочие узнали, что директор этого завода Ванштейд отдал распоряжение рассчитать старых рабочих (около 420 чел.) [1]) как лиц, по его мнению, неблагонадежных.

Тогда 28 февраля все рабочие этого завода (около 500)— кроме рабочих лесного заводского склада, где работают преимущественно турки,—забастовали. Второго марта рабочие принудили бросить работу машинистов, кочегаров и рабочих электрического отдела и приостановили этим налив керосина из резервуаров в наливные пароходы, которые отвозят керосин за границу. 4-5 числа рабочие принудили прекратить работы в материальном складе, где работают татары. 6-го числа рабочих позвал для объяснения военный губернатор. Он выслушал рабочих и распорядился по-военному: «если завтра не явитесь на работу, то приму строгие меры». Рабочие, конечно, не явились, и тогда с 7-го на 8-е число было арестовано и посажено в тюрьму 32 чел. Охранять за-

[1]) В обвинительном акте привлеченных 21 рабочих сказано 389 чел.

вод пришла полиция, которую поместили в склады и конторы. 8-го числа рабочие, числом около 600 человек, собрались и в 1 час дня пошли с пением революционных песен, по главным улицам города по направлению к тюрьме, где сидели арестованные товарищи. Дорогою к ним присоединились многие из публики. Придя к тюрьме, они потребовали, чтобы всех арестованных освободили, или, в противном случае, арестовали и их. Полиция пыталась разогнать толпу, но безуспешно. Во время столкновения один рабочий был ранен. Тогда полиция, убедившись, что силой ничего не поделаешь, пустилась на хитрость: арестованных освободили и стали просить рабочих возвратиться домой не через город, а через двор пересыльной части. Рабочие наивно доверились и пошли по указанию, а там в засаде их ждали две роты солдат, которые, напав на рабочих, загнали их в казармы без сопротивления со стороны рабочих. На другой день к пересыльной части пошла толпа рабочих около 400 чел. Дорогою к ним пристало много городской публики.

Когда толпа подошла к зданию пересыльной части, произошло столкновение с солдатами. Из толпы, которая была возмущена до глубины души поступком с их товарищами, полетели в солдат камни и грязь. Тогда, по команде, солдаты сделали залп в безоружную толпу. Толпа рассеялась, но на месте остались один убитый рабочий и 19 раненых. Из них вскоре умерло еще 9 чел. [1]). Ранения были тяжелые—в живот. Из Тифлиса были вытребованы 4 роты пехоты, 2 сотни казаков и 2 сотни стражников (чафари). Завод охранялся солдатами. После всего этого, на всех заводах города и в Русском и в Российском обществе, рабочие прекратили работу. Их примеру последовали «дрогалы» (ломовые извозчики) и другие извозчики [2]).

Несмотря на то, что местная шайка убийц, местные представители царского правительства, прибегая к своей обыкновенной разбойничьей тактике, вызвали осложнение и совершили эту ужасную бойню, рабочие были опять виновны,

---

[1]) В обвинительном акте значится 14 убитых и много раненых. После выяснилось, что раненых было свыше 40 ч.

[2]) Искра № 20.

они остались еще в долгу, так что после бойни были привлечены к судебной ответственности [1]). Убийца привлекает к ответственности товарищей убитого,—таково правосудие царского самодержавия. Обвинительный акт по этому делу подтверждает все вышеизложенное: но безынтересны некоторые подробности:

«Поводом к беспорядкам в Батуме, говорится в нем, послужило увольнение 26 февраля 389 рабочих с завода Ротшильда. Увольнение столь значительной части рабочих объяснялся «сокращением спроса на керосин в жестянках». 27 февраля все рабочие завода бросили работу; «они требовали, чтобы никого не увольняли, а если работы на всех нехватит, то чтобы завод установил их очередную смену, при чем те, которые были бы заняты работами, получали бы полную рабочую плату, а внеочередные, остающиеся без работы, получали бы половину этой платы». Прибывший в Батум Кутаисский военный губернатор, собрав стачечников, пригрозил всем тем, которые не пойдут на работу, высылкой этапом на родину и когда увещания не возымели действия, полиция, «по указанию администрации завода Ротшильда», арестовала в ночь на 8 марта 32 рабочих для высылки по этапу. 8-го марта человек 400 явилось к полицейскому управлению, требуя «освобождения задержанных товарищей». От полицейского управления толпа направилась к зданию тюрьмы, куда прибывший за ней помощник военного губернатора полковник Дрягин вызвал роту 7 кавказск стрелк. батальона. Толпа требовала, чтобы или арестованных выпустили, или *арестовали всех*. Полковник исполнил последнее и, арестовав 348 человек, вместе с 32 заключенными ранее в тюрьме, увез всех в пересыльную тюрьму. На следующее утро, 9 марта «в девятом часу, к пересыльной части подошла огромная толпа рабочих с вожаками впереди, шествуя правильными рядами с песнями, шумом и свистом. Вышедшему навстречу полковнику Дрягину, стоявшие во главе толпы рабочие Мих. Хримьянц и Теофил Гоголеридзе заявили от имени толпы то же самое требование—или освободить заключенных или арестовать всех. На этот раз полковник ответил приказом

[1]) После бойни были привлечены к судебной ответственности 21 человек рабочих—товарищей убитых.

расходиться. В виду отказа толпы исполнить это приказание, Дрягин вызвал в подкрепление к стоявшей здесь команде крепостного батальона роту 7 кавказск. стрелков. баталиона. На попытку солдат очистить площадь от рабочих, последние ответили градом камней. «Рабочие пытались отнять ружья у солдат и слышны были крики: бей их, бери ружья, они не могут стрелять». К рабочим, бывшим на площади, присоединились заключенные в пересыльной части, бросавшие оттуда камни и под конец вырвавшиеся из тюремного двора. В заключение войска стали стрелять и убили 14 рабочих и многих ранили. Задержанные в толпе и позднее—по указаниям полицейских—21 рабочий обвиняются в явном противодействии местной административной власти с целью принудить ее освободить арестованных рабочих, при чем Гогоберидзе (26 лет) и Хримьянц (31 г.) «управляли действиями толпы», т.-е. по 13-ой, 294 и 1-ой ч. 266 ст. Улож. о Наказаниях».

Батумские социал-демократы делали все возможное, чтобы нейтрализовать последствия от репрессий и ударов, нанесенных правительством рабочему классу, способствуя—устной и письменной агитацией—подъему его классового сознания и революционного духа. Стачечное движение и волнение и после бойни не прекращались.

В декабре того же года произошла большая стачка на промыслах Ротшильда. Забастовало 1.500 чел.; они требовали возвращения штрафных денег, которых накопилось, как говорили, огромные суммы, и наградных к Рождеству в размере месячной заработной платы. Все рабочие после десятидневной стачки были уволены, а в это время были поставлены солдаты охранять контору. Администрация фирмы Ротшильда решила нанять новый состав рабочих и не принимать ни одного из старых уволенных рабочих.

Гонения предпринимателей и правительства все более толкали рабочих к отчаянной борьбе. Власти их не щадили. Подобное положение вызывало необходимость вооруженного сопротивления. В это бурное время и был сделан батумскими товарищами петербургскому комитету известный запрос—«не должны ли они, рабочие, в открытой схватке пустить в дело обороны огнестрельное оружие, ножи и кинжалы», ответ на который читатель найдет в «Искре» № 23 (1902).

Это настроение рабочих ярко выразилось 9 марта 1903 г. в день годовщины мартовских событий, когда они устроили грандиозную демонстрацию. «Громадная часть рабочих была вооружена и предвиделось отчаянное с их стороны сопротивление. С четырмя развернутыми флагами рабочие обошли весь город с пением и криком «да здравствует политическая свобода», по дороге разбрасывали прокламации и *стреляли из револьверов;* перебили стекла местной человеконенавистнической газеты «Черноморский Вестник».

После рабочие свыше 3.000 человек направились к вокзалу. Демонстрация совпала с окончанием судебного производства о 21 рабочем. Им был, благодаря блестящей защите, вынесен 8 марта почти оправдательный приговор. И вот рабочие остановили на ходу поезд, в котором ехал весь состав окружного суда и двое из защитников рабочих; защитникам была устроена трогательная овация; поезд стоял семь минут. Власти окончательно растерялись. Полиция и войско бегали за толпой, но ничего не могли поделать. Они не смели прибегать к решительным мерам, демонстранты были вооружены. И, в конце концов, рабочие свернули знамена и мирно разошлись, празднуя свою победу над растерявшимися властями» [1]).

В июне месяце в Батуме был убит один сознательный рабочий Ломадтария провокатором, по фамилии Кения. На похоронах после гудка собралось масса народу (3.000 чел.); хотели понести по главным улицам, но около Манташевского завода, встретив препятствие со стороны полиции, отправились прямо на кладбище. Там произнесено несколько политических речей; провожавшие возвратились обратно с пением Марсельезы на трех языках (грузинском, армянском и русском).

Полиция не старалась преследовать убийцу, но провокаторы иногда наказывались жестоко самими рабочими. В это же время на одной из ближайших станций к Батуму был убит провокатор.

* * *

---

[1]) Искра № 37.

Рабочее движение, захватившее промышленные центры Закавказья, оказало также свое воздействие и на такие мелкие губернские города как Кутаис и уездные,—как Гори, Сигнах, Телав (Тифл. губ.) и др. Мелкое кустарное производство—отличительная черта этих городов.

В Кутаисе крупными предприятиями являются табачная фабрика Ниралова (несколько десятков рабочих), баритовая мельница рижской фирмы Тольгейм (столько же рабочих), в остальных мелких механических мастерских, нескольких типографиях и на заводе искусственных минеральных вод Лагидзе работают по несколько рабочих. Затем много разных ремесленников, азиатских сапожных и портняжных мастерских, в которых работают подмастерья или ученики.

Социал-демократическая деятельность началась в Кутаисе с 1901 года. «До 1900 г. не было признаков рабочего движения. Но после большой стачки железнодорож. рабочих в Тифлисе, в Кутаис попали в ссылку кое-кто из интеллигентов и сознательных рабочих; этим-то рабочим и интеллигентам обязаны кутаисские рабочие пробуждением классового самосознания».

Первая стачка была в Кутаисе в 1901 г. на табачной фабрике Ниралова; рабочие предъявили требования сокращения рабочего дня, увеличения расценков, отмены штрафов и подчинения фабричному надзору. Хозяева сопротивлялись; стояли 2 недели; вмешалась администрация и в конце эти требования были удовлетворены, но вместе с тем несколько рабочих (до 20) не было принято обратно. Рабочие собрали сходку, на которой рассчитанные настояли на том, чтобы принятые, отказавшиеся от работы, стали на работу. Во время стачки было арестовано несколько человек. Забастовали ученики механической мастерской Николая Инджия, а также под руководством соц.-дем. кружка ученики механической мастерской Вацадзе. Стачка продолжалась неделю, были удовлетворены некоторые требования. В декабре была стачка также на баритовой мельнице, но с неудачным исходом. «Результатом этих стачек было то, что рабочие все больше и больше проникались сознанием своих классовых интересов, в общем же, положение

рабочих за последние два года значительно улучшилось благодаря стачкам, которые удалось вызвать усиленной пропагандой соц.-дем. идей» [1]).

В 1903 г. распространение политических и социалистических идей усиливается под влиянием событий: массовых стачек, политических демонстраций, аграрных волнений, происходящих на Кавказе и в России.

«Ты не можешь себе представить, что происходит теперь на Кавказе, — пишет автор частного письма, напечатанного в «Искре» № 40. — Скажу о том, что я вижу и слышу о Кутаисе... Все готовятся к 1-му мая, говорят, что будет «бунт». Особенно об этом говорят чиновники и больше всех их жены. Они думают, что хотят избить чиновников и богачей. Такое заключение они выводят из разбрасываемых по городу в присутственных местах разным лицам прокламаций. Трусливая фантазия чиновников рисует многое, чего никогда наверное не снилось нигде манифестантам. Говорят, что 1-го мая должны быть большие манифестации во всех крупных центрах Кавказа. 18 апреля была манифестация и столкновение с полицией в сел. Кулаши (Кут. губ.). В Гурии крестьяне пока не тронули ни одного клочка дворянской земли; обрабатывают только свою. Губернатор ездил уговаривать крестьян, но ничего не вышло. Мальчишки уже на улице играют в «бунт». Вообще мы быстро двигаемся вперед».

Действующая в Кутаисе группа социал-демократов, пользуясь настроением различных слоев населения, все более расширяла агитацию и пропаганду: она распространяла нелегальную литературу, листки и прокламации. Еще сильнее подействовала на кутаисцев крестьянская демонстрация, имевшая место 13 апреля в с. Кулаши, в которой принимало участие до 300 чел. с пением революционных песен, с красным флагом.

Администрация была смущена, подняла на ноги всех своих шпионов и полицейских.

Кутаисские рабочие, не желая отстать от своих российских и кавказских товарищей, решили отпраздновать 20

[1]) Искра № 62.

апреля маевку. Соц.-дем. группа распространяла прокламации Кавказск. Союза, Тифлисск. и Батумск. Комитетов. «С красным знаменем и пением революционных песен на грузинском языке праздновали первый раз кутаисские рабочие великий праздник пролетариата» [1]). Обыватели попрятались от страха; была полная тишина в городе. Учащаяся молодежь забастовала этот день по случаю праздника. Не было занятий в женск. и мужск. гимназиях, созданный воображением чиновников и провокаторов ожидаемый «страшный бунт» прошел очень мирно.

2-го мая забастовали ученики сельско-хозяйственной школы, и требования их немедленно удовлетворены.

Нужно отметить, что в тех городах, где преобладает мелкое производство и слабо-рабочее движение, учащаяся молодежь (семинаристы, ученики и ученицы высших классов классических и реальных гимназий, сельско-хозяйственных и технических школ и т. д.), отзывчивая и чуткая по своей природе, под влиянием революционных идей примыкает к движению и при первых же шагах хотя бы слабого, зачаточного рабочего движения, значительно способствует своим участием развитию последнего. Как в других городах, так и в Кутаисе, под влиянием социал-демократии, она всякий раз отзывалась на манифестации и демонстрации рабочих.

Рабочее движение пробудило также и приказчиков. Они примыкают к движению и, начиная с 1903 г., проявляют активность.

Какое важное значение может иметь вообще всесторонняя социал-демократическая пропаганда и агитация в деле революционизирования разных слоев трудящихся масс, даже в таких захолустных, мелко-буржуазных городах, как Кутаис, показывает еще тот факт, что всеобщая стачка и события июльских дней вызвали там сильное движение.

«Замечательно сильное возбуждение было, сообщает рабочий корреспондент «Искры» № 62, среди кутаисских рабочих во время июльских дней. Они рвались в бой и желали, в свою очередь, выразить протест против самодер-

---

[1]) Искра № 62.

жавия. Накопившаяся энергия была вылита на демонстративных похоронах рабочего Коржоладзе (участвовало 300 человек)».

V.

Июльские события 1903 года.

В южных промышленных районах России—в городах Одессе, Киеве, Николаеве, Екатеринославе, а также и на Кавказе в поле 1903 г. произошли грандиозные массовые стачки, которые по своим размерам и социально-политическому значению превзошли все бывшие до того времени массовые выступления пролетариата. Июльская южно-русская всеобщая стачка ознаменовала собой новый этап в пролетарском революционном движении, она являлась поистине прелюдией октябрьской всероссийской стачки 1905 года.

До этого момента рабочее движение носило ограниченный, изолированный характер; оно не выходило за пределы местной повседневной борьбы. Уже из всего вышеизложенного относительно кавказского движения, можно было ясно видеть, что до интересующего нас периода, рабочие массы организовались на местах, вели местную борьбу против капиталистической эксплоатации и правительственного гнета. Не было ни одного случая совместной, общемассовой стачки против врагов. Июльские же события представляют общенациональный характер революционной, пролетарской борьбы. Это было проявление в громадном масштабе классовой солидарности, более или менее сознательной социально-политической борьбы рабочего класса, захватывающей обширные промышленные районы страны. Вот почему в истории не только кавказского, но и всего российского революционного движения июль месяц 1903 года является эпохой перехода от местной к общенациональной борьбе [1]).

[1]) Несколько лет тому назад (в 1913 или 1914 г.) на одном собрании социал-демократов эмигрантов, имевшем место в г. Женеве (Швейцария), где присутствовал между прочим П. Б. Аксельрод, известный меньшевик Мартынов (бывший «экономист») высказал такого рода мнение, что июльские события 1903 года были вызваны провокационной работой

Читателю уже известна непрерывная экономическая борьба и ряд политических демонстраций, имевших место в последние месяцы в кавказских промышленных городах и то повышенное революционное настроение, которое проявляли в это время пролетарские массы. Тогда волновался не только промышленный пролетариат, но и почти вся масса крестьянства Западного Закавказья, волновались даже и городишки в роде Гори (Тифл. губ.). В этом последнем, где нет ни одного промышленного заведения, во время высылки интеллигентов Джибладзе и Цабадзе, на вокзале собралось более 200 человек: интеллигенты, рабочие, лавочники, ремесленники; собравшаяся на вокзале публика провожала поезд с пением и криком: «долой самодержавие», «да здравствует республика», «да здравствуют отъезжающие товарищи!» [1]).

Всеобщая стачка началась в Баку 2-го июля. В этот день забастовали: на Биби-Эйбате- мастерские Хатисова, Биби-Эйбатск. Нефт. Общества Манташева, Нефт. Общ. «Шихово», «Олеум». В Черном городе—Хатисова, Левинсона, Мальникова, Эйзеншмидт; 3 июля присоединились: железнодорожное депо и мастерские конно-железной дороги, завод Лапина и Рисева и Бардера. Листки выпускались Бакинским Комитетом и Черно-гор. районным комитетом. 3-го июля в 10 ч. утра состоялась сходка около 2.000 забастовавших рабочих. Были произнесены речи на тему о необходимости борьбы, пели марсельезу. 4-го июля стали заводы Шибаева, Ротшильда и много мелких. Уже 4 июля бастуют весь Черный и Белый город и Биби-Эйбат. На Биби-Эйбате было собрание. Перед заводом Нобеля собралось 3.000 народу; ведутся переговоры с администрацией. Из-за стачки жел.-дорожн. депо, стали товарные поезда. 5-го июля стачка перебросилась в Балаханы. Вся промышленная жизнь города и окрестностей решительно замерла. Газеты совсем не выхо-

---

«Зубатовцев». Пришлось автору сего труда энергично протестовать против подобной профанации истории рабочего движения Кавказа и России, отметив полное незнакомство с предметом лиц, высказывавших подобные мнения о движении пролетариата нашей страны.

(Примечание автора ко 2-му изданию.)

[1]) Искра № 45.

дили. Рабочие ходили тысячными толпами по заводско-промысловому району и везде прекращали работу. Рабочие выпускали пар из паровика, и все поневоле останавливалось. Сопротивление нигде почти не оказывалось. Полиция была молчаливой зрительницей всех этих событий; она сопровождала толпу забастовщиков, не делая никаких попыток к вмешательству. Того же числа стала конка. Начали бастовать фабрики и мелкие ремесленные мастерские в городе. Команда прибывающих наливных шкун немедленно присоединилась к стачке, прекратился, следовательно, всякий привоз и вывоз товаров. Станция вся переполнена товарными поездами, рейд запружен наливными шкунами. Строительные рабочие прекратили работу; маляры, плотники бастуют. Мостовщики бросают работу. Чернорабочие-поденщики не являются на баржу для найма. Даже жалкие из жалких — амбалы, пекы, метельщики городских улиц, мусорщики и ассенизаторы присоединяются к забастовке, заявляют свои требования, держат речи о том, что они не скоты и требуют лучших условий труда! Ресторанная прислуга в числе 100 человек забастовала в 2—3 заведениях. Городовые сочувствуют забастовке и в разговорах выражают готовность присоединиться к ней. Дворники в Белом городе около 50 человек (по рассказам) сбрасывают с себя знаки своего «достоинства» и заявляют, что за свои 8—10 руб. жалованья они не согласны подвергать свою жизнь опасности в борьбе с «внутренним врагом». Они соглашаются служить хозяевам, а не полиции. Войско (меньше 1000 чел.) и казаки не в состоянии ничего сделать.

Приехали из Тифлиса главнокомандующий и его помощник, приехал начальник Закавказской железной дороги. Нефтепромышленники совещаются каждый день, они несут 2½ мил. убытка, бастующие же 400 тысяч в день. Всех бастующих около 50 тысяч человек.

Начались сходки. На сходках каждый раз не менее 3.000 рабочих; 20—30-тысячные сходки не редкость.

Комитетом была назначена в воскресенье 6 июля общая сходка у Волчьих ворот за городом. Место далекое для Балахан и неудобное, вместо ожидавшихся 15—20 тыс. явилось 5—6 тысяч. Говорили речи до 7 ораторов на полити-

ческие темы, о стачке, о поставленных требованиях, о необходимости политической борьбы. Собрание продолжалось часа два в присутствии уездного начальника, казачьего офицера и нескольких сотен казаков. Ежеминутно играл рожок и, кажется, казаки вот-вот бросятся на толпу. Офицер несколько раз подъезжал к толпе и кричал ораторам: «Прекратить!»—«Продолжать!»,—раздавался ответ. Затем уже собрание начало мирно расходиться. В это время кто-то развертывает красное знамя, часть толпы спешит к знамени, но ее рассеивают казаки и хватают 2—3 человек.

В тот же день была сходка в Балаханах, у «Стеньки Разина» и в Кишлах, а 7-го устроена была там же большая сходка из 15.000 человек, а может быть и больше. Требования рабочих: 8-часовой рабочий день, школы, народные театры, больницы и увеличение заработной платы и жалованья на 20%.

Комитет был не в состоянии руководить этим небывалым до сих пор грандиозным движением. Образовался специальный стачечный комитет. Но сил вообще нехватало. Бакинская организация не была подготовлена к руководству таким массовым движением пролетариата. Выходили прокламации ежедневно от Комитета и Стачечного Комитета на разных языках, а также и на татарском, которые и поддерживали общее настроение, но их было недостаточно (от 3, 6, 8, 10, 14 тысяч печатных от Комитета; гектографированных: к табачным фабрикам, к ресторанной прислуге, к морякам, к обществу).

В Баку не было достаточно войска, и администрация вынуждена была держаться выжидательной тактики при такой грандиозной стачке. Между тем в Баку прибывают отовсюду войска. Они уже начинают повсюду разгонять небольшие собрания; полиция насильничает; на улицах избивают отдельные небольшие группы рабочих. Но продолжающийся успех забастовки поддерживает бодрое настроение. Готов стать опреснитель, и городу предстоит остаться без воды: казаки нагайками заставляют рабочих работать. Электрическая станция не работает, и к ужасу буржуа их богатые дома по вечерам остаются мрачными, неосвещенными. Один вечер клуб, где собирается местная буржуазия, погружает-

ся в мрак. Тогда начинают приниматься более решительные меры. Электрическую станцию пробуют пустить в ход при помощи матросов; а когда это не удается, рабочих штыками принуждают к работе. Конка собирает всякий сброд, и вот появляется небывалое зрелище: каждый вагон конки двигается с двумя штыками: один на передней, другой—на задней площадке. Железнодорожные мастерские начинают работать, сначала при помощи железнодорожного батальона, выписанного из Закаспия. Железнодорожным рабочим объявляют расчет. Записывается сначала 18 человек. Желающих работать колотят товарищи, а жандармов встречают криками: «долой жандармов!». На объяснения с начальником дороги является толпа в 3.000 чел. (в депо всего 4—5.000 чел.). Выпускается очень хороший ответ Районного Комитета.

Начинаются переговоры с нефтепромышленниками. Вырабатываются требования балаханских рабочих (они изданы были стачечным комитетом гектографированными) и предъявляются через депутацию Совету Съезда Нефтепромышленников. В своем заседании нефтепромышленники признают «принципиально» право рабочих вступать в договорные отношения на равных правах и устраивать для этого коалиции и стачки; «но»... это—не стачка, а «насилие» одной части рабочих над другой и потому они «принципиально» отвергают все требования рабочих. Капиталисты чувствуют за собою поддержку штыков. Из Петербурга получен был строгий приказ Плеве ни в каком случае не уступать. Вывешиваются повсюду объявления: кто 14 июля к 6 часам утра не явится на работу, считается уволенным; после возобновления работ нужды рабочих будут рассмотрены и «по возможности» удовлетворены. Управляющие фирм не довольны решением, собираются отдельно и вырабатывают компромиссы, но сюзерены объявляют их решение мятежным. «Никаких уступок», таков теперь лозунг не только крупных фирм, но и мелких, готовых раньше на большие уступки. «Либеральные» капиталисты — в объятиях жандармов.

Дольше всего держится главное ядро стачечников—балаханские рабочие, и промыслы в Балаханах и на Биби-Эйбате продолжают стачку больше двух недель, между тем в других

районах уже рабочие стали приступать к работе. В общем стачка была проиграна, но тем не менее моральное значение громадное, результаты ее велики и свидетельствуют об огромном росте движения и поразительной солидарности; многие рабочие бастовали единственно из-за солидарности. Впервые самые низшие слои пролетариата, мусульманское рабочее население, даже жалкие и забитые перы, борются за улучшение своей участи. Они местами самые ярые забастовщики; как наименее сознательные, они проявляют наибольшую склонность к физическому воздействию. В одном месте в Балаханах толпа лезгин разрушила кочегарку. Около завода Шибаева в Белом городе произошло столкновение толпы татар с фабрики Бриева с частью Шибаевских рабочих, приступивших к работе, и с войсками. Стреляли из толпы—несколько раненых.

В общем рабочие держали себя корректно и их поведению отдает должное даже буржуазия: рабочие сами охраняли промыслы и не тронули ничего, будучи полновластными хозяевами до прибытия войска. Только когда хозяева по приказу Плеве и Витте отвергли все требования рабочих, начались поджоги промыслов. Тем не менее рабочие в насилиях не переходили меры; к последним почти исключительно прибегали неорганизованные, отсталые рабочие. Сочувствие общества осталось вообще на стороне рабочих. Несомненно печальны устроенные кем-то крушения поездов с человеческими жертвами. Кто были их авторы, не было выяснено.

Несмотря на приказание и давление правительства ни на пяду не уступать рабочим, требования их были настолько насущны, что нефтепромышленники вынуждены были рано или поздно их удовлетворить. Доказательство тому—циркуляр фирмы Нобеля, в котором хотя обходятся главные требования рабочих, но это не помешает им снова и снова встать перед нефтепромышленниками, пока они не будут осуществлены. Циркуляр фирмы Нобеля гласит следующее.

«Администрацией бр. Нобеля, для сведения всех служащих и рабочих, объявлено следующее:

В течение почти четвертьвекового существования Т-ва Братьев Нобель, оно принимало зависящие от него меры к возможному улучшению условий службы и быта рабочих.

Правление Т-ва, с уверенностью в своей правоте, может сказать, что как в установлении окладов платы рабочим, так и в устройстве домашнего их быта, оно шло всегда впереди других нефтепромышленных фирм. Помимо принятия общих мер, Т-во всегда охотно отзывалось на просьбы и ходатайства отдельных рабочих, удовлетворяя их в пределах возможности.

В настоящее время, несмотря на то, что для предъявления своих нужд рабочие избрали путь, несогласный с законом и неоправдываемый отношением к ним администрации Т-ва, ходатайства их рассмотрены и о результатах этого рассмотрения сим объявляется рабочим:

1. Число праздников будет сокращено до нормы, утвержденной правительством; точное расписание всех праздничных дней будет вывешено для сведения рабочих.

2. Перед праздничными днями работы будут кончаться часом раньше.

3. Жалованье будет выдаваться во время производства работ.

4. При командировочных работах будут выдаваться суточные деньги в зависимости от места командирования и окладов содержания.

5. В заводских и промысловых мастерских будут, в течение предстоящей зимы, устроены помещения, в которых рабочие будут иметь шкафы для хранения платья, кубы для горячей воды, умывальники для мытья рук и столы и скамьи для обеда рабочих, остающихся во время обеденного перерыва в мастерских. В тех же помещениях рано прибывшие рабочие могут ожидать начала работ.

6. Устанавливается постоянный комплект чернорабочих, которым выданы расчетные книжки.

7. Ученики заводских и промысловых мастерских будут зачислены в разряд рабочих; оклады же их заработной платы будут и впредь назначаться в зависимости от их способностей.

8. Закон о страховании рабочих и о способах вознаграждения их во время болезни и при увечьях уже утвержден правительством. На распубликование этого закона ожидается утверждение, уже разработанных съездом нефтепромышлен-

ников, уставов касс—больничной и страхования рабочих, после чего кассы будут немедленно введены в действие.

9. Что же касается до ходатайств рабочих об увеличении штата разъездных докторов и акушерок, о перевозке больных в рессорных экипажах, об учреждении библиотек-читален, народных домов, почтово-телеграфных контор с отделениями сберегательной кассы при них и об увеличении числа школ, то удовлетворение таких ходатайств, как общих для всех нефтепромышленников, будет произведено с известной постепенностью. Т-во, с своей стороны, обещает содействовать, чтобы означенные ходатайства были Советом съезда удовлетворены. Дабы дать возможность рабочим законным путем заявлять о своих нуждах и ходатайствах, Т-во испросило разрешение применить в своих заводах, мастерских и промыслах высочайше утвержденный 10 июля сего года устав об учреждении старост для рабочих.

Для выбора старост все рабочие будут разделены на разряды и каждый разряд выберет из своей среды старосту, который явится посредником между рабочими своего разряда и местным управлением Товарищества по всем вопросам, касающимся условий найма и быта рабочих.

Выборы старост по правилам, утвержденным г. Бакинским губернатором, будут произведены с 25 августа по 25 сентября, а с 1 октября старосты вступят в исполнение своих обязанностей. Правила о старостах, по их отпечатании, будут вывешены для сведения рабочих [1]).

В Тифлисе всеобщая стачка началась с 14 июля по призыву Кавказского Союза. До того времени уже бастовали приказчики (с 2 июля), мясники (с 11 июля) и часть хлебопеков (пурщики с 12 июля).

Приказчики выставили требование закрытия магазинов и лавок в 8 часов вечера. Приказчики каравансарая Тамамшева 8 дней подряд ровно в 8 часов вечера высыпали разом на улицу и закрывали все магазины. Впечатление от этого получалось грандиозное. Они добились своего.

Мясники требовали уничтожения городских лавок (мясных) и некоторых изменений в перевозке и осмотре скота.

---

[1]) См. Искра №№ 44, 45 и 47.

Пурщики даже разнесли участок и освободили 5 арестованных товарищей. Пристав был уволен в тот же день за слабость.

Официанты присоединились к общей забастовке; их требования были немедленно удовлетворены: определенное жалованье (10 руб. в месяц), квартира и стол от хозяев, отмена штрафов и вычетов.

Поднялись мелкие мастерские, которые требовали, между прочим, окончания рабочего дня в 6 часов вечера. Эти мастерские—медно-литейные, сапожные и т. д. работали до 10—11 часов вечера.

Движение конки остановилось. Но 14-го же июля конка пошла, благодаря только солдатам, которые и продавали билеты и охраняли вагоны. Вагон трамвая представлял в эти дни настоящую крепость: на каждом—4-5 штыков. Центром забастовки теперь, как и всегда, были железнодорожное депо и мастерские с 4—5 тыс. рабочих.

Вообще стачка в Тифлисе была главным образом выражением сочувствия бакинским стачечникам. Она продолжалась недолго, и к концу недели начали приступать уже к работам. Но как поддержка бакинцам, она во всяком случае достигла своей цели.

Собраний не было, исключая утра 14-го июля, так как масса войска, занявшая весь город, делала их невозможными. В Тифлисе не стреляли, но били нагайками до остервенения: арестованных в участках приходилось выпускать чтобы освободить место для новых; и вот их при этом пропускают «сквозь строй» казацких нагаек. Избивали жестоко мирных обывателей, принимая их за рабочих. Вообще террор был неописуем; полиция совсем сбилась с ног; городовым разрешено было сидеть на стульях на своем посту. Солдаты в большинстве хотели стрелять в воздух.

На ст. Михайловка (со слов очевидца) собралась небольшая толпа, всего человек в 150, и загородила полотно железной дороги. С ними вступил в переговоры инженер и уже почти убедил их разойтись; по его убеждению они послали рабочих для охраны водопровода, сберегательной кассы и пр. Видя, что толпа настроена мирно, ни-

женер этот сказал рабочим, что он сам не может удовлетворить их требований, а сейчас даст телеграмму в Петербург. Он ушел на телеграф, взяв предварительно с пристава, командующего отрядом, слово не употреблять оружия. В это время подошел Боржомский поезд. Один из рабочих вздумал отцепить паровоз. На него бросились стражники; к рабочему пришли на помощь еще несколько рабочих. Завязалась борьба. Пристав приказал стрелять, и в результате 36 раненых и убитых; ранены все тяжело, почти безнадежно; ранено и убито несколько женщин в ближнем селе. Солдаты (их было человек 40) почти все стреляли в воздух, но стражники усердствовали: один стражник уложил 7 человек.

Все страшно были возмущены этой бойней. Даже в одном офицере заговорило чувство человека. Он бежал от этой возмутительной сцены. Другой вслед за ним кричит: «бегите, бегите; авось еще орден получите!» «Мне не надо орденов за такое позорное дело», отвечает офицер.

В Батуме (со слов участника-товарища) забастовка была полная и образцовая. Она началась 16 июля. Вся жизнь замерла; все рабочие заводов и мастерских, портовые рабочие, рабочие электрической станции, наконец, ремесленные мастерские бастовали. Бастовали также пекари; пекарни закрыты, хлеба недоставало. Только рабочие доставали и раздавали хлеб населению. Забастовка продолжалась три дня. Была демонстрация, торжественное шествие по улицам с красным знаменем и с пением марсельезы и др. революционных песен. Без столкновения с казаками и полицией не обошлось; стреляли в демонстрантов, из которых несколько человек было ранено и один рабочий очень тяжело; он скоро умер.

Около 18 июля началась забастовка в Чиатурском марганцевом горном округе. Много горечи должно быть накопилось в душах чиатурских рабочих. Забастовка сопровождалась там, как рассказывали, опустошением и разрушением, предавая огню все на своем пути.

Были в это время также среди крестьян в озургетском и других уездах отказывающиеся обрабатывать землю помещиков на старых условиях.

В июльских стачках в Закавказье, таким образом, принимали участие: в Баку около 50 тыс., в Тифлисе не меньше—15 тыс., в Батуме и Поти—около 10 тыс., на линии Закавказской жел. дороги—около 5 тыс. (Михайловка, Самтреди и окрестности), в Чиатурском горном округе—около 20 тыс. (область марганцевой промышленности). Итого—около 100.000 стачечников, а с крестьянами вместе, конечно, гораздо больше этого числа [1]).

VI.

Крестьянство и аграрное движение на Кавказе.

Одной из жгучих, основных проблем Великой Русской Революции, подлежащих решению, является, как известно, аграрный вопрос. Тем или иным способом разрешения этой современной основной проблемы в Росии может определиться дальнейший ход развития социально-экономического положения страны.

Буржуазный экономический строй развился у нас до такой степени, что существующие земельные отношения являются страшным тормазом по пути дальнейшего развития этого строя, вследствие чего настоятельно предъявляется требование самой жизнью переустройства земельных отношений, всего экономического строя на новый лад сообразно степени интенсивности развивающихся в стране производительных сил.

Аграрный вопрос не есть, присущий русской жизни и революции, отдельный, независимый от общей социально-политической структуры вопрос, как многие склонны думать. Он прежде всего есть вопрос о раскрепощении, освобождении земли от помещичьих оков и пережитков и «общинного» порядка землепользования, а затем—о создании условий возможности свободного распоряжения «народом» землей, урегулирования им земельных отношений согласно требованию жизни. Народ добивается «земли и воли», «земли», так как без нее, как одного из главных средств про-

[1]) Искра № 47, кроме сведений о Батуме.

изводства, он не может быть «вольным» хозяином, и «воли», без которой он не может свободно располагать своими имущественными, земельными отношениями. С этой точки зрения разрешение аграрного вопроса в настоящий русский революционный период, тесно связано с общим ходом политической, экономической революции буржуазии. Оно представляет квинтъэссенцию настоящей буржуазной революции. Буржуазная политическая революция так или иначе разрешит неминуемо этот вопрос; каковы же будут характер и формы новых установленных земельных отношений, это уже будет зависеть от превосходства сил той или другой из заинтересованных борющихся сторон, от общественных соотношений сил.

Существующие земельные отношения на Кавказе, как и в России, представляют, пожалуй, еще худшую, чем в последней, беспорядочную, хаотическую картину. Захватная система, не так давно еще действовавшая в широком масштабе, практикуется и поныне бесконтрольно и безнаказанно. Вечные споры из-за земли и воды между частными лицами, казной и целыми сельскими обществами, нередко даже между татарскими и армянскими селениями, и до сих пор составляют злобу дня. Захват земли или насильственное присвоение ирригационной очереди тем или иным помещиком, землевладельцем, беком или ханом,—не заурядное явление.

Помещичье, удельное, монастырское землевладение представляет в крае крупную величину.

Татарские ханы и беки, армянские мелики или калантары и грузинские тавад-азнауры [1]) владеют огромными имениями. Пространство земли некоторых помещиков достигает десятки тысяч десятин. Это настоящие латифундии [2]).

---

[1]) Родовая дворянская, земельная аристократия этих наций.

[2]) Вот имена некоторых крупных владетелей этих латифундий (имеющих от одного до нескольких десятков тысяч десятин): Абаскулихан Макинский, Панахан Эриванский (Эриванск. губ.), Джавширы, Шамкорские, Зюлгадаров, Агаларов и Хасай Хан (Елисаветп. губ.). Эти последние двое, бывшие очень крупные землевладельцы, земли которых были куплены бакинскими капиталистами миллионерами—Тагиевым, Муса Нагиевым, Ца-

Церковные и монастырские имения занимают также огромное пространство. Выдающимся владетелем является Эчмиадзинский монастырь со всеми многочисленными деревнями, пахотными землями, садами, пастбищами и лесами.

Удельное ведомство захватило лучшие плодородные земли и леса на Кавказе. Боржомское и Абастуманское ущелья, эти чудные курорты, настоящие «перлы Кавказа», плодородный Карабах [1]) и значительная часть виноградного центрального района Кавказа, общеизвестной «Кахетии» и т. д., и т. д., принадлежат Удельному Ведомству.

Со времен наместника Воронцова крестьяне должны были платить помещикам $^1/_5$ урожая, барщину 20 дней и другие повинности. Это до 1870 г. С этого же времени по положению этого года крестьяне обязаны платить только $^1/_{10}$ урожая. Но это только на бумаге, а на самом деле крестьяне всегда платили и платят много раз больше того, что устанавливалось «законом».

Помещики большей частью сдают свои земли в аренду. Арендаторами являются почти все армяне, в особенности в юго-восточной части края (Эрив., Елизаветп. и Бакинск. губ.). Татары-помещики сдают также свои земли армянам-арендаторам. Арендаторы, в свою очередь, сдают суб-арендаторам. Излишне упоминать, какой неограниченной эксплоатации и всякого рода насилиям подвергаются беспомощные и забитые крестьяне со стороны этих ростовщиков-арендаторов и суб-арендаторов.

В некоторых районах края большая часть земли принадлежит помещикам, меньшая же крестьянам. «Чтобы понять положение вещей, нужно обратить внимание на земельные отношения, существующие в Озургетском уезде. Более трех четвертей всей площади земли находится в руках крупных и мелких землевладельцев-дворян» [2]). «Две трети земли,

---

туряном и шушинским капиталистом Юзбашевым. Едигаров, Манташев, Арамян (Тифлисск. губ.). Цатурян, Арафелов, Тагиев—крупные бакинские нефтепромышленники капиталисты, вложившие часть своего капитала в сельско-хозяйственные отрасли промышленности.

[1]) Целый край в Тифл. губ., лежащий по линии Закавк. жел. дороги и представляющий лучшие земли как пахотные, так и годные для рисовой и хлопковой плантации, пастбищ и охоты.

[2]) Корресп. «из Озур. уезда» в Искре № 28.

годной для возделывания, находится в руках частных владельцев-дворян и казны и только остальная треть принадлежит крестьянам» [1]). Но эта «принадлежность» скорее фикция, чем действительность.

«Все крестьяне», читаем в той же брошюре, «делятся по отношению к владению землей, на несколько групп. Около половины домохозяев еще находится почти в полной крепостной зависимости от помещиков, это—временно-обязанные, не выкупившие своих наделов; их обирают на самом «законном» основании. Те же, кому посчастливилось обзавестись собственным клочком земли, принуждены все равно арендовать землю у того же помещика и влезать в кабалу, или же бросать ее и итти продавать свою рабочую силу в городах. Кроме того, самый выкуп, часто принудительный, вгоняет крестьян в долги ростовщику, так как добыть нужную сумму больше неоткуда. Нередки также случаи, когда помещик, получив за землю трудом сколоченную сумму, оказывался потом снова хозяином этой земли,—суда искать на него трудно! Следующая группа—это казенные или государственные крестьяне. Они пользуются такими же клочками земли, как и прочие крестьяне, но в действительности положение их еще хуже. Если крестьянин, выкупивший свой надел, может по крайней мере распорядиться своим клочком, как ему угодно—сдать, продать,—то у казенного нет и такого утешения. Это—вечный арендатор, привязанный к земле крайней нуждой и невозможностью прокормить себя и семью, помимо отведенного ему казной куска земли, отведенного при том за непомерные платежи.

Наконец,—так называемые, хизаны. Они не были крепостными, но не были никогда и свободными. Когда-то, давно, их предки пришли в Грузию и поселились на землях помещиков, на праве вечной аренды и, следовательно, вечной кабалы. За землю они отбывают известные повинности, какие захочет помещик, платя массу всевозможных налогов в его же пользу натурой и деньгами. Своей земли у хизана нет, и, следовательно, волей-неволей, ему приходится впрягаться в то ярмо, которое положит на него помещик, или же бросать деревню».

---

[1]) «Очерки революц. движения в Гурии» стр. 6.

Таково приблизительно состояние земельных отношений не только в Гурии, но и во всей Грузии (Тифл. и Кут. губ.), хотя в Гурии земельные, общеэкономические условия стали для крестьян гораздо невыносимее, чем в других местностях края. Что же касается юго-восточной части Закавказья—Бакинской, Елизаветпольской, Эриванской губ. и Карсской области, где большую часть населения составляют армяне и татары, там феодально-помещичьи отношения существуют среди мусульман.

Армянское крестьянское население почти избавлено от феодально-помещичьего,—собственно армянского, — гнета, если не считать гнета со стороны уцелевшей в некоторых местах старой родовой дворянской земельной аристократии—меликов и др. Давит армянского крестьянина, как и все крестьянство, гнет государства, на землях которого поселены крестьяне (государственные), монастырей (Эчмиадзин и др.), крупных и мелких помещиков старого (феодально-мусульманского) и нового типа и, наконец, бюрократии—чиновничества. Всем этим оно платит непомерные платежи.

Татарское же крестьянское население, как и грузинское, находится еще в сильных тисках феодального помещичьего сословия—беков, ханов, этой родовой дворянской земельной аристократии, являвшейся господствующим сословием над татарским населением на Кавказе со времени персидского владычества. Татарское крестьянское население, как более отсталое, забитое, переносит все ужасы бесправия и произвола своих соплеменников, феодалов—беков и ханов [1]).

---

[1]) Ни социал-демократия, ни какая-либо другая революционная организация никогда не вела среди татарского крестьянского населения ни пропаганды, ни агитации. А между тем, какую необходимость представляет, в смысле развития в крае общереволюционного дела, социал-демократическая революционная деятельность в юговосточных губерниях, населенных татарским и армянским крестьянством. Там потребность громадная. Соц.-дем. революционная деятельность, с самого начала до конца односторонняя, была сосредоточена главным образом в западной части края—в Тифлисск. и Кутаисск. губ. (Грузия). Этим самым объясняется отчасти поражение революции на Кавказе. В то время когда почти все крестьянство Тифлисск. и Кутаисск. губ. и городской пролетариат отчаянно боролись за политическую свободу (октябрь—декабрь 1905 г.), татарское и армянское крестьянское и городское население не только не содействовало

Безземелье или, точнее, малоземелье—общее для всего края явление. В общем крестьяне в настоящее время имеют столько же земли, сколько лет 20—25 тому назад, несмотря на огромный прирост населения. Во многих местах на каждый крестьянский «дым» приходится всего 1—2 десятины земли. В Турии «гуриец-крестьянин в среднем имеет не более 2—3 кцев (1800—2700 кв. саж.) пахотной земли, которая при всем старании земледельца не в состоянии прокормить его семью» [1]). В Дагестанской области «душевой надел в среднем очень мал,— 1,8 дес., но он колеблется по округам еще ниже, достигая до 0,25 дес. в нагорных округах. Соответственно этому, урожайность в Дагестане крайне низкая и население области недоедает. На душу коренного населения приходится в среднем 1,7 четверти; при чем в отдельных округах это число падает еще ниже—до 0,4 и 0,6 четверти. Можно только удивляться, как и чем существуют эти люди. Нищета и жизнь впроголодь,—вот их удел. Кроме того, надо заметить, что более 30,000 дагестанцев до сих пор находятся в крепостной зависимости от своих беков (дворян). Это—так называемые «раяты»,—рабы.

Земельный вопрос в связи с невыясненностью прав землевладения стоит острым ребром для Дагестана» [2]).

Безземелье заставляет крестьян арендовать у помещиков

революционной борьбе своим непосредственным участием в ней, но играло на руку контр-революции, будучи занятым только делом взаимного уничтожения и погромов.

Что среди татарских крестьян имеется почва для успешной революционной деятельности, можно доказать многими фактами. Укажу здесь на один из них. Когда в г. Эривани в 1907 г. на собрании выборщиков мусульманской курии землевладельцами ханами и беками была выставлена кандидатура в члены III Госуд. Думы нахичеванского феодала Шахтахтинского, то поднялся шум и протест среди выборщиков крестьян, образовалась из них оппозиция. «Мы не желаем этого «ага», который нас обирает и грабит,—говорили крестьяне,—мы желаем депутата крестьянина, который знает наши нужды и может представить наши интересы в Думе». Тем не менее победу одержали беки, благодаря угрозам и сильному давлению со стороны последних на некоторых выборщиков крестьян. Шахтахтинский был избран 14 голосами против 6.

[1]) Ibid. стр. 7.

[2]) «Наши культуртрегеры»- коррес. по поводу 50-летия покорения Восточн. Кавказа в «Русск. Вед.» № 200, 1909 г.

землю. Помещик знает прекрасно их крайнюю нужду; он знает, что они принуждены непременно пользоваться его землей, и потому ставит им тяжкие условия, стремясь все более и более повышать земельную ренту. Размер платы различен в разных местностях края: $^1/_4$, $^1/_3$ и даже $^1/_2$ урожая. Так, в той же Гурии крестьяне платят землевладельцу треть, иногда и половину урожая и кроме того еще по рублю на кцеву (900 кв. саж.). Кроме того крестьяне обязаны доставлять помещику его долю урожая, на каком бы расстоянии дом последнего ни находился. При этом, что важнее, «за единицу меры принимаются всегда обильные урожаи, хотя бы в данном году совсем не было урожая, так что крестьянин в таких случаях обязан дать помещику из собственных средств треть предполагаемого урожая» [1]).

Само собой понятно, что в подобных случаях крестьяне продают все свое убогое движимое имущество, прибегают к ростовщику-кулаку, который обыкновенно дерет 40—50%, иногда даже больше. Крестьяне не имеют, конечно, возможности уплатить деньгами долг, и вот ростовщик является хозяином урожая должника, получая при этом натурой не только следуемый ему по уговору долг с процентами, но вдвое, втрое больше. Ростовщики, арендаторы и суб-арендаторы, агенты помещиков и духовенства (в монастырских владениях), стоят вечно над головой крестьян и измеряют урожай, отделяя «свою долю» урожая; но при этом выделении «своей доли» крестьяне подвергаются буквально грабежу и обирательству.

Кроме того, у крестьян нет часто собственного выгона для скота. Они пользуются пастбищами и лесами, принадлежащими казне, монастырю или помещикам и за это вынуждены также платить последним. «Землевладелец часто получает за право выгона не меньше половины всей стоимости животного, не считая того, что часто помещики и их управляющие захватывают животных, бьют, держат целыми днями без корма» [2]). «Кроме клочков пахотной земли,—жаловался в своей речи крестьянский депутат Крым-Гирею, помощнику

[1]) «Оч. рев. дв. в Гурии», стр. 49 и Искра № 28.
[2]) Искра № 28.

главнонач. на Кавказе, посетившему Гурию весной 1905 г.,— у нас нет ни леса, ни пастбищных мест. Летние пастбища принадлежат казне, а зимние—частным лицам; и те, и другие в свое время дерут с нас кожу. Летними пастбищами мы только пользуемся полтора месяца в году и за это короткое время казна берет с нас оброка (гала) 500 руб. То же самое и с лесом. Там деревья гниют, а мы дрова покупаем; за одну маленькую хворостинку нас штрафуют». «На нас лежат, кроме того, беспримерные прямые и косвенные налоги, а так называемые казенные же крестьяне платят разнообразные повинности в пользу казны» [1]).

Полная неурядица в земельных отношениях, обложение правительством крестьян разнообразными налогами, повинностями и оброками, обирание их духовенством (священники, монахи), весь полицейский гнет и произвол старого помещичьего-дворянского режима в лице его местных представителей—нижних чинов полиции, приставов, уездных начальников, разных чиновников и бюрократического суда, довели все крестьянство до крайней нищеты. Пауперизм, в котором тонет все кавказское крестьянство, является положением, при котором абсолютно немыслимо нормальное развитие общественных сил. Естественно, поэтому, должно было происходить бегство молодого крестьянского поколения из деревень в города, принявшее широкие размеры в некоторых частях Кавказа. Эта эмиграция не является следствием нормальной пролетаризации крестьянских масс,—развития хозяйской промышленной жизни на местах,—а скорее результатом существующей анархии в земельных отношениях и государственном правлении и перенаселения.

Малоземелье или безземелье не являются единственной причиной бедствий крестьянства. Главные стимулы социально-экономического развития—технический прогресс, рост производительности труда, общее профессиональное образование и т. д.,—или вовсе отсутствуют или же проявляются незаметно, слишком слабо в сельско-хозяйственной жизни.

При некотором подъеме сознания о своем правовом и социальном положении, кавказское крестьянство было бы в

---

[1]) Оч. рев. движ. в Гурии, стр. 40 и следующие.

состоянии вступить в революционную борьбу со старым режимом за свое экономическое и политическое освобождение. Часть его (в Тифл. и Кут. губ.) с 1902 г. примкнула к общереволюционному аграрному движению в России.

В виду того, что крестьянство западной части Кавказа, а в особенности гурийское, сыграло в революционном периоде выдающуюся роль, история этого движения представляет несомненно интерес, и мы должны проследить ее хотя бы в общих чертах.

Прежде всего, самое важное обстоятельство, которое надо отметить здесь, это то, что крестьянское движение на Кавказе, с начала возникновения и в дальнейшем своем развитии, является отражением городского пролетарского движения. Много общих черт и сходства носило оно с городским социал-демократическим движением. Крестьянство рядом и параллельно с социал-демократией и под ее знаменем собралось не только за экономическое освобождение, но и за политическую свободу. Приемы и формы его борьбы были почти те же, что и у соц.-дем. партии. Это так и должно было быть, если принять во внимание, что «во главе крестьянского движения в Гурии с самого начала встала партия,—социал-демократическая, которая нашла здесь хорошо подготовленную почву для пропаганды не только идей политической свободы и борьбы, но и социалистического учения» [1]). Правда, хотя последний взгляд несколько преувеличен, ибо существующие объективные условия социально-экономического строя крестьянства не дают возможности для широкого развития социалистических идей, легко воспринимаемых лишь одной его частью—сельскими наемными рабочими, пролетариями, но почва для широкого развития демократического движения в сельско-общественной жизни очень плодотворная. Крестьянское движение, по своему внутреннему содержанию и характеру, мелко-буржуазное, демократическое, оно, тем не менее, может в революционном периоде сильно содействовать осуществлению минимума программы соц.-дем. партии. Поэтому социал-демократическая рабочая партия может иметь большое влияние на крестьянство.

---

[1]) Оч. рев. движ. в Гурии, стр. 3.

не говоря уже о том, что она должна вовлечь в социал-демократическое движение и организацию наемную, пролетарскую часть его, а также и тех полу-пролетариев мелких крестьян, которые, в силу экономических условий, стремятся быстрым шагом к полному обнищанию и пролетаризации. И надо отдать справедливость кавказской социал-демократии: она выполнила свою роль по отношению к крестьянству, населенному в западной части края (в Кут. и Тифл. губ.), крестьянства вообще и гурийского, в частности, представлялось вне движения. О причинах этого явления скажем подробнее во II части этой книги.

Крестьянское аграрное движение началось на Кавказе прежде всего в Гурии, в начале 1902 г. Развилось там вширь и глубь, а затем уже охватило Мингрелию, Имеретию, Карталину и т. д.

Как уже было выше указано, экономическое положение крестьянства вообще и гурийского в частности, представляло почву для такого, хотя бы первоначально стихийного движения. Но этим вопрос о движении не исчерпывается. Почему в Гурии, как и в других местностях Закавказья, движение началось именно в 1902 г., а не раньше года 2, 3 тому назад,—скажем в 1899, 1898 годах, когда господствовали те же условия социально-экономического положения? Этот кардинальный вопрос возникает перед вами в тех случаях, когда речь идет о возникновении более или менее сознательного, массового движения.

Правда, угнетенное, подавленное положение может вызывать в общем стихийное движение в котором мы можем находить всегда зачатки, элементы хотя бы и смутного понимания массой своих интересов, некоторой степени сознания своего положения, не говоря уже о сознательности вождей, становившихся обыкновенно во главе стихийного движения. Но такие стихийные движения не прочны, не продолжительны и сопровождаются, в громадном большинстве случаев, дефектами и нежелательными последствиями. Иное дело сознательное, организованное движение. Такой характер носило в частности гурийское движение. В Гурии мы находим планомерное, более или менее сознательное движение, потому что до возникновения его и после там усиленно рабо-

тала социал-демократия, которая и стояла во главе его и руководила им. Важным обстоятельством, содействовавшим возникновению и влиявшим на весь ход не только гурийского, но обще-крестьянского движения, была систематическая высылка правительством на родину большими партиями распропагандированных рабочих, стачечников и демонстрантов из промышленных центров—Тифлиса, Батума и пр. В Тифлисских железнодорожных мастерских и депо и в Батумских заводах гурийцы и имеретинцы составляли большой контингент рабочих.

В первый раз было выслано из Тифлиса этапным порядком в Гурию и Имеретию много рабочих непосредственно после знаменитой августовской стачки тифлисск. жел.-дорожн. мастерских и депо 1900 года. Затем из Батума в марте 1902 г. после забастовки и избиения рабочих, высланы были в Озургетский уезд (Гурия) по деревням более 300 рабочих, не говоря уже о других случаях высылки, к которой систематически прибегало правительство для искоренения пролетарско-революционного движения в городах. Эти-то рабочие вносили в крестьянскую среду идеи и формы борьбы городского пролетариата. Они пробуждали сельских пролетариев и полупролетариев, пропагандировали их, распространяли нелегальную литературу и прокламации, устраивали кружки и собрания, праздновали пролетарское 1-ое мая и т. д. Словом, они развернули красное знамя пролетариата в деревнях, они же стали пионерами революционного движения в деревнях.

В начале пропаганда и агитация носили случайный, разрозненный характер и, притом, агитаторы и пропагандисты главное свое внимание уделяли выяснению угнетенного экономического положения крестьян, их земельных отношений и их эксплоатации помещиками и духовенством. «Только изредка, мимоходом, старались выяснить связь между бесправием и нищетой крестьянства с общеполитическим условиями России» [1]). Но эта разрозненность, бессвязность действий работников, их односторонняя деятельность без определенного плана и подготовки, все более и более устра-

[1]) Ibid. стр. 17.

нялась, исчезала по мере того, как движение росло. «В деревнях образовались уже группы интеллигентов, целью которых было распространение литературы, устная пропаганда; они же поддерживали связь с городскими организациями и получали нелегальную литературу, которую и распространяли среди крестьян» [1]).

1901 год, в особенности для Гурии, был крайне несчастный. Неурожай этого года совершенно выбил из колеи крестьянина, погубил его; у него не было никаких средств, чтобы уплатить арендную плату, и он вновь вошел в долги.

Социал-демократическая революционная деятельность ободрила его, открыла ему глаза; казалось, что он пробуждался от векового сна. Наступает новая эра для крестьянской жизни.

В начале 1902 года, в первых числах мая, в селе Нигоити (в западной Гурии), произошло столкновение между крестьянами и помещиками. Это было не в первый раз. Помещики, князья Мачутадзевы, сильно притесняли крестьян и неоднократно и раньше происходили между ними схватки по разным поводам. Теперь же спор возник по поводу пастбищных мест.

Социал-демократическая группа устроила несколько сходок, на которых подробно выяснялось положение крестьян. Речи производили на сельчан громадное впечатление. Другие села, узнав скоро об этом, требовали также устройства таких же бесед.

В том же мае было созвано ночью в лесу большое собрание в Микель-Габриельском обществе, на котором присутствовала толпа крестьян из разных сел. Здесь держали речи не только пропагандисты, но и многие из присутствовавших крестьян принимали горячее участие в обсуждении волновавших всех вопросов. До утра продолжалось собрание и сельчане разошлись под сильным его впечатлением, после того как приняли присягу не изменять общему делу.

28 мая было устроено также многолюдное собрание в с. Чачхати, затем в июне — в районе с. Супсы, в селениях

---

[1]) Ibid.

Хварбети, Гурианта, Двабзу, Мамати, Дзимити и др. [1]). На этих сходках не только выяснялись подробно экономическое положение крестьян, отношения их к помещикам и духовенству, но и формулировались необходимые требования, намечались способы борьбы с эксплоататорами. Стачка, бойкот были признаны наилучшими практическими средствами борьбы. Крестьяне начали бойкот в уплате «драмовых денег» духовенству. Помещики и духовенство относились равнодушно, не верили, что из всей этой истории выйдет что-нибудь серьезное; за их спиной стояла вся полицейская и казацкая сила, и их послушные «вечные рабы» были настолько, по их мнению, трусливы, что не будут в состоянии сопротивляться власти. Однако они горько ошибались. Волнения все более и более увеличивались и принимали грозный характер. Эксплоататорские сословия стали уступчивее и лицемерно изъявляли свою готовность итти им навстречу, между тем они постоянно были в сношениях с начальством, ходатайствуя перед последним о поддержке их против восставшего народа. Шпионство и провокация перешли в это время всякие границы. Волнующийся народ озлоблялся еще сильнее против всякого акта шпионства и измены народному делу.

Несмотря на энергичное сопротивление со стороны социал-демократии террору, крестьяне стали часто прибегать к этому средству; уничтожали, убивали помещика, попа и всякого, кто так или иначе оказывался вредным. Так, в то время были убиты: кн. Давид Гуриели, Варнава Карцивадзе, ранены Телемак Гуриели, «правительственный шпион» Эсика Накашидзе и т. д.

Помещики были терроризированы. По инициативе дворян-помещиков Коция Эристова, Бедия Кобахидзе, Титико Эристова и многих других, было созвано тайное дворянское собрание в г. Озургетах, на котором выработаны были меры самообороны и постановлено ходатайствовать перед высшим начальством о немедленной помощи. Одним из присутствующих было даже предложено требование ввести розги на Кавказе.

---

[1]) Все эти и последующие сведения извлекаем почти дословно из той же брошюры и из рассказов участников в движении товарищей гурийцев.

С обеих сторон готовились к борьбе. В начале правительство не вмешивалось, оно держалось выжидательной тактики. Но так долго не могло продолжаться. Убедившись в том, что крестьянское движение принимает опасные для него формы, правительство стало прибегать к своей обычной тактике нагайки и штыка.

Приказано было кутаисскому губернатору Смагину объехать Гурию и предпринять строжайшие меры. Он объехал; собирал сходки; более смелых (на языке бюрократии «дерзких») арестовывал, арестами и угрозами полагал он устранить общенародное недовольство. Микель-Габриельское общество, к которому присоединялись все другие сельские общества, предъявили следующие требования; 1) отменить существующий порядок взимания платежей; понизить плату за аренду земли до $^1/_8$—$^1/_{10}$ урожая; 2) уничтожить оброчные платежи за пастбища; 3) уничтожить акциз на спирт и водку; 4) сделать обязательным для всех жителей местности исправление проселочных дорог и охрану церквей; 5) взимать со всех поровну расходы на межевание: 6) уничтожить драмовый сбор и 7) уничтожить все особые сословные права и преимущества и уравнять всех перед законом. Понятно, что губернатор не мог удовлетворить требования крестьян. Он только свирепствовал; порою он наставлял народ, что его сбивают с толку какие-то вольношатающиеся и бездельники. Ни на ноту не удовлетворив крестьян, Смагин уехал, вполне убедившись в «серьезной опасности» положения.

После отъезда губернатора крестьяне решили начать всеобщую стачку; никто не должен был работать на помещичьих землях. Прислуга и работники помещиков немедленно должны были прекратить службу и работу. Уполномоченным поручено было объявить повсеместно эти решения. Крестьяне, дав друг другу клятву держаться строго решения, с восторженными криками и пением песен разошлись по деревням.

Борьба обострялась. Требовалось более сплоченности, систематизации и планомерности в действиях и работе. Местные группы действовали вразброд. Не было еще местного руководящего центрального органа. Батумским комитетом

издавались только для крестьян прокламации и листки. Специальный социал-демократический комитет для Гурии являлся неотложной необходимостью. Он был учрежден весною 1903 г. под названием «Комитета сельских рабочих в Гурии». Он печатно обратился с призывом к народу. В это время была выпущена также Кавказским Союзным Комитетом прокламация, озаглавленная «Гурийскому крестьянству», в которой в общих чертах излагалась экономическая и политическая программа сельских рабочих.

В мае 1903 г. Гурийским комитетом был созван съезд, в состав которого входили большей частью крестьяне, а также соц.-дем. работники, агитаторы и пропагандисты. Порядок дня съезда был намечен следующий: план организации, выработка программы занятий, тактика, агитация, террор и т. д. На съезде разбирается Коммунистический Манифест и в связи с программой социалистов-революционеров, в которой террор занимал важное место, обсуждался вопрос о последнем. «Съезд признал его вредным для развития классового сознания и массовой борьбы и потому постановил—воспретить всем товарищам, как членам партии, прибегать к террору».

Затем была выработана тактическая прогрмма, система занятий. «Агитация в массах, за исключением особо важных случаев, была отвергнута, в виду того, что бывшие массовые собрания часто вели за собой проникновение провокаторов в местные организации». Организация приняла следующий тип: «В каждом селе должен быть хоть один сельский кружок, если не больше, состоящий из десяти человек; делегаты от сельских кружков, по одному от каждого, образуют кружок *общественный*, охватывающий целое сельское общество; число членов такого кружка равнялось 4—5 чел. Вся Гурия разбита на пять районов по 5—6 обществ в каждом; делами района заведывал особый районный представитель и его помощник. Районные представители завязывают связи во всех обществах и выбирают для себя представителей обществ. В работе районных представителей принимали участие и пропагандисты. Они организовывали кружки кассовые, в которых и велась пропаганда. Последней местной инстанцией являлся Комитет, ко-

торый входил в непосредственную связь с районными представителями и через всю организацию распространял свое влияние в народе» [1]).

Таким образом в процессе борьбы революционные элементы крестьянства организовались, все более сознавали свои классовые интересы, необходимость общеполитической и экономической борьбы. Симпатии к социал-демократии, к «Ахали-Таоба» (новое поклонение), как ее называли гурийцы, были громадны.

Высшее правительство и кавказская центральная администрация были сильно озлоблены против «восставшей Гурии». Подавить Гурию во что бы то ни стало, какими бы средствами и ценою ни было,—вот задача, для выполнения которой самодержавное казацкое правительство применило все свое искусство. Некоторые из помещиков, предчувствуя грозу, выразили готовность удовлетворить требования крестьян. Также и попы не прочь были отказаться от драмовых денег, но губернатор Смагин и его помощник предупредили их властно и категорически, что все, что они вздумают уступить крестьянам, он, губернатор, отчислит в казну—конфискует и кроме того, привлечет их к ответственности [2]).

6 августа 1903 года по приказу высшей власти прибыл в г. Озургеты кутаисский вицегубернатор с сотней казаков. С этого времени началась история настоящего мученичества целого народа. Другого способа решения насущных жизненных вопросов самодержавное правительство не знает, кроме только обычно практикуемых им средств—вандальских набегов казацкими ордами, экзекуций, расстрела, тюрьмы, ссылки и т. д. «В продолжении целых двух месяцев, пишут авторы упомянутой брошюры, не прекращались репрессии и разорение трудящихся масс. 7 августа от Макель-Габриельского сельского общества вызвали 25 крестьян и между ними 4 интеллигентов. Всех их арестовали и держали под охраной казаков. Сельчанами было постановлено напасть на казаков и освободить задержанных,

---

[1]) Ibid., Искра № 104.

[2]) Искра № 57.

но от этого предприятия пришлось отказаться. На следующий день все арестованные были отосланы в Кутаис. 8 августа в сел. Нигоити задержали человек до 20, их тоже отправили в Кутаис. Арестовали многих также в селах Супси, Чочхати, еще в Нигоити, Микель-Габриели, Амаглеба, Хварбети, Хидистави и др. Тюрьмы в Кутаисе, Озургетах и Батуме были буквально переполнены народом. Задержано было всего около 250 человек [1]). Арестовывали всех и каждого, даже больных, как фельдшера Ан. Рамишвили при 40° темп., в злокачественной лихорадке, не вставшего с постели более двух недель.

В Гурию прибыл теперь целый полк солдат. Арестованных направляли сперва в Озургеты, а потом в Батум, Поти или в Кутаис. Водили пешком с издевательством и руганью; пощады не давали никому—ни детям, ни старикам, ни больным. Казаки и стражники, гарцуя на конях, подгоняли их плетьми, принуждая бегом поспевать за лошадьми, и горе тем, кто не в состоянии был бежать от усталости или слабости; нагайка ходила по их спинам без всякой пощады.

Вслед за этим нашествием и расправой, губернатор Смагин поспешил лично объехать по деревням с казаками и солдатами. Вызывал он каждое село в отдельности (а не общества), чтобы легче было ему расправляться. Всякого, кто решался сказать хоть слово в оправдание, он арестовывал и передавал казакам для расправы. Издевательствам не было конца. Учителя, по показаниям шпионов, арестовывались или увольнялись. У семи сельских обществ было отнято право выбора старшин и поставлены правительственные—с окладом в 450—500 руб. в год. В каждое из сел губернатор послал солдат по 50—60 чел. на полном содержании крестьян. Всюду для взыскания драмового сбора в пользу духовенства были разосланы стражники, которые расправлялись с населением, как хотели; если не было денег—они брали вещи. Чтобы выведать «крамолу», Смагин задерживал человек по 4—5 на несколько дней, надеясь таким путем заставить малодушных выдать своих товарищей.

---

[1]) По другому источнику около 300 чел.

В Озургетах под плетью заставляли выдавать главарей движения. Но к великому горю варваров, народ не выдавал своих руководителей, хотя все почти знали их.

По всей Гурии были закрыты все библиотеки-читальни, которые до того были почти в каждом селении.

А князья, помещики, что делали в это время? «Чтобы поправить свои дела, они дружно поджигали свои разваливщиеся размотанные имения, сваливая вину на крестьян, а начальство оценивало в десять раз выше стоимости сгоревшее имущество и взыскивало с народа.

Во время уборки урожая за крестьянами в поле постоянно ходили стражники и силой брали то, что хотел помещик за арендованную у него землю; всякое сопротивление крестьянина этому открытому грабежу вело за собой арест. Возмутительную картину представляло из себя в это время село. Можно было подумать, что настали времена нашествия Ага-Мамед Хана».

После этих набегов губернских администраторов, была введена постоянная тайная полицейская агентура (шпионство и провокация), села и деревни были наводнены шпионами; затем некоторые пристава были уволены и заменены более «энергичными»; на место Лазаренко назначен уездным начальником Иван Джапаридзе, прославившийся своими зверствами. Он объезжал деревни и насилием и уговорами, плетью и лестью заставлял задерживать агитаторов и выдавать их начальству. В случае отказа крестьян от работы на помещичьих землях, он набрасывался и беспощадно избивал плетью. Он устраивал сходки и устрашал всех розгами, плетьми и разными карательными мерами. Но народ не унывал; он стойко переносил все варварские, опустошительные деяния правительства, мелких и крупных его чиновников и организовывался, готовился к борьбе. Теперь ему дан был самодержавным правительством наглядный урок и в лице последнего он узнал своего злейшего врага. Его бодрость, революционная энергия еще более поднялась, когда скоро после майского съезда гурийская организация приступила на новых началах ко всесторонней, энергичной работе. Организационные связи были расширены и для этой цели назначены в каждом селе представители. Быстро

увеличилось число сельских кружков, тесно объединенных и руководимых одной организацией. Пропаганда и агитация, устная и печатная, приняли также планомерный, систематический характер. Нужда в такого рода работе была настолько громадная, что чувствовался к этому времени большой недостаток в пропагандистах и агитаторах.

После открытия правительством своих карт, народное движение приняло более политический характер. Интерес к политическим вопросам сильно возрастал. Параллельно с экономическим бойкотом помещиков возникала потребность бойкотирования правительства и его учреждений. К этому времени выпускались комитетом «прокламации большей частью политического характера». Конспиративность в работе, которая раньше почти не существовала, соблюдалась ныне строго. Все делалось бесшумно и тайно. И когда губернские администраторы вновь посетили Гурию в августе 1903 г., то они из этого «спокойствия» вынесли убеждение, что движение было совершенно искоренено. Это только так казалось им. Народные массы, наоборот, рвались в это время в открытую борьбу, и организации приходилось с большим трудом сдерживать преждевременные бесполезные вспышки. Так было, например, в дни июльских забастовок. «Комитет считал более нужным и полезным для данного момента развитие сети кружков и вообще упрочение недавно созданной организации широких слоев гурийского народа, поэтому-то он до поры до времени решил довольствоваться только обычной агитацией и пропагандой» [1]).

Все, что совершалось в Гурии, почти одновременно происходило и в разных частях Кутаисской и Тифлисской губерний. Гурийское движение отразилось и на них. Имеретинско-мингрельские крестьяне также потребовали понижения ренты, уничтожения «драмовых денег» в пользу попов и привлечения дворян к участию в работах на сельских дорогах, несении караула при церкви и т. п. Дворяне-землевладельцы заволновались и, по обыкновению, прибегли к помощи полицейских властей. Забастовало Ецерское сельское общество; к нему затем присоединились селения: Ку-

[1]) Ibid. стр. 27.

лаши, Ганири, Цхениши, Чагани, Сачилао, Гезати и др. Среди крестьян были распространены в большом количестве прокламации. Уездный начальник Дадишкелиани объезжал деревни с руганью и угрозами по адресу крестьян; в Ецери было арестовано им 8 крестьян. Крестьяне продолжали бойкот и нигде не соглашались на старые условия. Он стал применять систематические репрессии, при чем встречал везде дружный отпор. Он арестовал еще несколько человек, а одного за смелое возражение приказал избить нагайками. С помощью полиции двое молодых дворян с оружием в руках заставили насильно нескольких крестьян работать на земле кн. Микеладзе. Те прекратили работу немедленно по требованию товарищей-крестьян—не мешать общему делу. Была подожжена кухня кн. Микеладзе, при чем погибли и быки. Уездный начальник заарестовал несколько лиц, созвал сходку, объявив, что убытки от пожара, в размере 300 руб. за кухню и 150 руб. за быка, будут взысканы с сельчан. Крестьяне возмутились; по приказанию начальника один из них был избит стражниками за то, что он имел смелость сказать: «в таком случае каждый дворянин подожжет свою обветшалую кухню и за это с крестьян будут взыскивать вдесятеро дороже».

Сенакский уездный начальник усердствовал также не меньше других. Он вместе с приставом заарестовал несколько человек в сел. Сачилао. Дворяне в роли шпионов проявляют большую энергию в составлении длинного списка «неблагонадежных». В Сачилао подожгли складочный магазин, кукурузник Дидия, побили дворянина Кордзая. Было опять несколько арестов. Побои землевладельцев и поджоги в деревнях участились, но такие действия совершались людьми, не принадлежащими к организации [1]).

В начале 1903 г. возникло движение и среди крестьян Борчалинского уезда, Тифлисской губернии. Здесь вели борьбу жители села Ахпат, крестьяне-арендаторы против местного помещика Баратова. Ахпатские крестьяне имеют «наделы» в размере двух десятин на каждый «дым» и доходы с них не удовлетворяют потребностям крестьян. Они,

---

[1]) Листок «Борьбы Пролетариата», № 1, издание Кавк. Союза Р.С.-Д.Р.П.

поэтому, арендуют пахотные земли, пастбища и лес у помещика Баратова, который каждый год повышал арендную плату и довел крестьян до разорения. Наконец, чаша терпения переполнилась, и среди крестьян началось брожение, которое приняло угрожающие размеры после назначения нового управляющего имениями Баратова—либерала с университетским дипломом кн. Авдушелишвили, зверские выходки которого не знают границ. По ничтожным поводам он избивал крестьян; было даже несколько случаев расправы кинжалом. Жалобы крестьян всегда оставались без последствий, местная полиция на это смотрела сквозь пальцы. Кн. Авдушелишвили, не довольствуясь этим, вдвое больше повысил арендную плату. Крестьяне отказались арендовать земли у кн. Баратова и начали уходить на заработки в города и по Карсской железной дороге, чтобы принудить этим князя Баратова к понижению арендной платы. Зверь Авдушелишвили понизил арендную плату, но хотел отдать землю в аренду крестьянам соседних деревень. Крестьяне других деревень, из-за солидарности с ахпатцами, отказались от любезного предложения. Но патентованный интеллигент нашел другие средства для притеснения ахпатцев. «Наделы» крестьян разделены друг от друга отрезками, которые находятся в руках кн. Баратова, и этими-то отрезками он начал притеснять крестьян при пользовании «наделами». Крестьяне начали требовать «отрезков»; кн. Авдушелишвили обратился к полиции. С этого момента борьба принимает политический характер. В мае месяце 1902 года в село Ахпат явился уездный начальник с отрядом казаков и приказал отказаться не только от отрезков, но платить арендную плату в размере, установленном князем Авдушелишвили. Крестьяне категорически отказались и подали жалобу по телеграфу главноначальствующему на Кавказе кн. Голицыну; она осталась без последствий. Уездный начальник настаивал на своем, но крестьян это не пугало. Тогда он приказал казакам отнять скот у крестьян для продажи. Казаки моментально приступили к исполнению «служебных обязанностей», но крестьяне напали на царских башибузуков с камнями и дубинами и отбили скот. Уездный начальник, видя, что волнения при-

нимают острый характер, приступил к арестам. Арестовал многих крестьян. После этого в течение нескольких месяцев, полиция и Авдушелишвили старались всячески принудить крестьян к сдаче, но это никак не удавалось. Солидарность крестьян день ото дня крепла. Пристав неоднократно являлся с угрозой отправить всех в тюрьму. Наконец, в декабре 1903 г. пристав явился с чапарами (стражниками) и приступил к избиению. Разъяренные крестьяне жестоко избили пристава и стражников, которые обратились в бегство. Но на другой день приехал уездный начальник с 200 казаками, которых натравил на крестьян. Избив всех крестьян, арестовали всю молодежь и загнали в конюшню. Согнали скот для продажи. Старики и женщины начали умолять уездного начальника сжалиться над ними и возвратить скот, но он обратился с площадной руганью и приказал «ребятам»—проучить «негодяев».

Разыгралась возмутительная сцена. Казаки начали избивать и детей, но они начали защищаться дубинами и камнями. Тогда озверевший казачий офицер приказал стрелять. Казаки одним залпом уложили восемь человек (четыре женщины). Испуганная толпа разбежалась. Кн. Авдушелишвили и уездный начальник достигли своей цели, объявили крестьян мятежниками и приступили к арестам. Арестовали 60 человек, из них 40 отправили в Тифлис. Кроме того, был арестован и препровожден в тифлисский Метехский замок приходский священник Тер-Арутюн Ерзинкиянц, которого обвиняют как организатора и руководителя крестьянского восстания.

Несмотря на это, крестьяне не переставали бойкотировать кн. Баратова» [1]).

Крестьянское движение, как и всякое движение, не лишено эпизодов, случайных, но вытекающих из общего хода событий. Одним из таких эпизодов движения можно считать столкновение крестьян селения Бершуети, Горийского уезда Тифлисской губ. с администрацией, имевшее место по случайному поводу в ноябре 1903 г.

---

[1]) Корреспонденция в Искре № 60.

Сельский врач пользовал только дворян-помещиков; когда крестьянин приглашал его, то за визит врач требовал не менее трех руб.; с крестьян же ежегодно взыскивали на содержание врача. Врач-хулиган, поставленный бюрократическим начальством, несмотря на получаемое с крестьян содержание, никогда не приезжал в село лечить по своему почину. Поэтому сельский сход единогласно решил отказаться от уплаты ежегодных докторских поборов и приглашать в случае надобности вольно-практикующих или ездить в уездный город за медицинской помощью.

И вот по этому поводу пристав приехал со стражниками и стал требовать с крестьян денег. Те не давали. Тогда он принялся за «меры пресечения» и поставил стражников у нескольких крестьян, расчитав, что стражники возьмут их измором. И, действительно, один крестьянин не вытерпел постоя и отдал свою часть. Другие крестьяне, узнав об этом, потребовали от пристава возвращения денег. Тот не согласился. Крестьяне пересчитали ребра у пристава и стражников и выгнали их из села. В ожидании нового набега была созвана сходка, на которую пригласили крестьян и из соседних деревень. Уговорились сообща вести борьбу и всем собраться по первому колокольному звону. В восьмом часу приезжает снова пристав с подкреплением из 60 казаков. Деревня спала, только несколько человек сидели мирно у изгороди. На них-то и набросились казаки с нагайками. Одному удалось добраться до колокольни, и он ударил в набат. Сбежались крестьяне и началась битва, продолжавшаяся до трех часов ночи, когда пристав с казаками, сильно избитые, принуждены были спасаться бегством. Сход между тем еще раз подтвердил свое прежнее решение: бороться до последней возможности.

На следующий день прибыл уездный начальник с казаками и тремя ротами солдат. Перед тем, как ворваться в село, он обратился к дворянам-помещикам с просьбой воздействовать на крестьян, боясь, очевидно, подвергнуться участи пристава. Помещики не рискнули вмешаться в дело, и уездный начальник двинул войско на «неприятельские» села. Видя, что силы уездного начальника превосходят их соб-

ственные, крестьяне сдались и уплатили дань. Арестовано было 13 человек [1]).

На этом мы останавливаемся. Во второй части этой книги будет продолжение крестьянского движения, а в особенности Гурийского, которое охватит период от 1904 г. до конца окт.-декабрьской революции 1905 г. и начала реставрации. Чтобы закончить первый период движения, приведем здесь далеко не полный список арестованных и высланных во время движения крестьян.

Арестованных в Гурии в августе и сентябре 1902 г. 300 крестьян разместили в Кутаисской, Потийской, Озургетской и Батумской тюрьмах. Из них были высланы десять человек на пять лет во внутренние губернии России; имена и фамилии высланных: Ермолай Хамерики, Мелитон Саришвили, Ермоген Дарчия, Иваким Чхартишвили, Антон Пурцелашвили, Андрей Каландадзе, Павел Абхазава, Петр Домидзе, Мелькиседек Сиоридзе, Арсен Ормоцадзе (интеллиг.). Из этих десяти человек двое сельских старшин, один помощник старшины, четверо мелких землевладельцев, двое заводских рабочих, один интеллигент.

В сентябре того же года из Зугдидского уезда Кутаисской губ. (Мингрелия) привезли в кутаисский замок десять мингрельцев, из которых двое умерли в тюрьме, не вынеся тяжелых условий тюремной жизни; остальные восемь человек были высланы во внутренние губернии на пять лет. Они просидели в тюрьме шесть месяцев без всякого дознания. На седьмой месяц пришло распоряжение главноначальствующего о высылке их этапным порядком.

В 1903 году пришло высочайшее повеление относительно арестованных гурийцев: десять из них были высланы в Архангельскую губернию на три года и 13 пересылались через Астрахань в Восточную Сибирь—двое на десять лет, а остальные на шесть. Имена и фамилии высланных: в Архангельскую губернию—Митифо Габечава, Александр Хомерики, Иосиф Зойдзе, Ной Зойдзе, Ираклий Миминошвили, Самсон Центрадзе, Ананий Домадзе, Георгий Кадишвили, Нестор Кечакмадзе. За исключением последнего (рабочий) все сельские

[1]) Ibid. № 56.

семейные крестьяне. В Восточную Сибирь были высланы: на десять лет—Варден Чхейдзе (учитель) около 28 лет; Гурген Гургенадзе, Мизарбок Гобронидзе—на восемь лет; остальные—Арчил Гургенадзе, Степан Гургенадзе, Соломон Хомерики, Бебур Хомерики, Вессарион Митаишвили, Мераб Доборджгинадзе, Ираклий Центерадзе (кроме двух человек, все сельские семейные крестьяне)—на шесть лет; Михаил Лежава по болезни остался в Кутаисской губернии.

В апреле 1903 г. в Кутаисскую тюрьму привели 20 человек из Кутаисского уезда. Из них на четвертый месяц освободили 13 человек, шесть из них были высланы в Россию на пять лет: Илья Капалейшвили, Севериан Хвибия, Дариспан Хучуа, Антон Стуруа, Георгий Какабадзе (из них четверо—батумские рабочие и двое—крестьяне, четверо семейных). Один был выслан в Россию—Михаил Хемидзе.

В апреле 1903 года из Озургетского уезда привели в Кутаисскую тюрьму девять человек. Из них приговорены были к ссылке четыре человека: Филипп Домидзе, Михаил Микия (оба на пять лет), Константин Гонза и Нестор Думбадзе (на два года). Все четверо семейные крестьяне. В мае того же года привели в кутаисскую тюрьму одиннадцать человек из Сухумского округа, рабочих местного лесопильного завода. К этому времени в Кутаисской тюрьме оставалось еще 80 политических заключенных—крестьян, рабочих и интеллигентов и др. [1]).

VII.

Тюрьма и ссылка.

Мы дали в предыдущих главах некоторые цифры политических арестованных и высланных, лично нам известных или найденных нами в «Искре» и других изданиях. Невозможно установить статистику политических арестованных и ссыльных, как за этот, так и за последующие периоды революционного движения на Кавказе. Для этой цели следовало бы проникнуть в архивы жандармских, полицейских управле-

[1]) Ibid. № 57.

ний и тюремных канцелярий и вынести оттуда точную статистику разновременно арестованных, высланных, освобожденных, заболевших, умерших и убитых революционеров и на основании этих же данных ознакомить широкую публику со всем ходом процесса и производства жандармскими чинами и прокурорами так-называемых политических дел. А это подробное фактическое освещение закулисной стороны функционирования жандармерии раскрыло бы очень многое, неизвестное широкой публике.

Тем не менее не лишено, мне кажется, общественного интереса и то, что я вкратце представлю здесь по этому вопросу и вообще по общетюремному режиму на основании моих личных наблюдений и воспоминаний.

Жандармерия, охранное отделение со своими тайными сыщиками, шпионами и провокаторами, тюрьма и ссылка являются теми основаниями, на которых базируется вся юриспруденция самодержавного правительства. Вся Россия представляет собой необъятную тюрьму, миниатюрой которой является обыкновенная тюрьма. По режиму и внутреннему распорядку этой последней можно судить обо всем том, что характеризует царское деспотическое правительство.

Более или менее сознательный обыватель, постоянно находясь в опасности быть обысканным или арестованным, старается вести себя так, чтобы не навлечь на себя подозрения в неблагонадежности. Для этого достаточно лишь одного указания шпика.

После варварских вторжений «ночных волков» [1]) в дома и осквернения ими бесцеремонным обыском всего того, что священно для личности и семьи, обысканный и арестованный подвергается еще очень часто в участках и по пути к тюрьме всякому произволу—ругани, избиению и т. п. Если же арестованный—рабочий, стачечник или демонстрант, это еще хуже для него. Отношение к «простому», «низшего калибра» человеку, рабочему или крестьянину проявляется беспощадное.

Условия ареста, жандармского производства дел, тюрем-

[1]) Удачное название, которым характеризовал жандармов один тюремный надзиратель, бывший жандармский нижний чин.

ного режима для «политических преступников» одинаковы почти во всей России. Но мне приходится специализировать вопрос относительно Кавказа, в виду близкого знакомства с условиями последнего.

В начале социал-демократического движения, когда правительство убедилось в том, что ему грозит опасность, оно стало прибегать явно, среди бела-дня, к неслыханным жестокостям, хотя, до того все ужасы и жестокости применялись им в отдельных случаях тайно и негласно.

Массовые аресты стачечников и демонстрантов и подозреваемых интеллигентов, жестокие избиения и истязания их совершались систематически. В первые дни ареста, положение арестованных бывало отчаянным. Метехский замок и губернская тюрьма в Тифлисе были переполнены «политическими преступниками» и некуда было сажать новых; тогда держали их в подвалах полицейских участков или отправляли на военную гауптвахту. Здесь арестованных держали в ужасных условиях: в сырых, грязных подвалах полиции и в темных, удушливых карцерах военной тюрьмы, лишенные света и воздуха, сидели они до тех пор, пока не открывалось вакантное место в тюрьмах. Между тем правительство поспешило построить трехъэтажную новую тюрьму для политических рядом с Метехским замком.

Недостаточно было, что арестованных держали в ужаснейших условиях, их нередко подвергали, буквально, истязаниям. Как я уже не раз упоминал, в этом отношении особенно отличался жандармский ротмистр и начальник охранного отделения Лавров. «Мальчика Шарадзе, который сидел в соседстве с Курнатовским, в военной тюрьме, он истязал неделями,—то душил, то бил по лицу, вынуждая сказать, что именно в типографии Шарадзе печатались прокламации и даже часто приговаривал: «ну, хоть бы соври!». Мальчик, ужасно избитый, физически не вынес всех тех мучений, какие создал для него Лавров, действительно соврал, назвал наобум имена лиц, передававших ему рукописи прокламаций [1]).

---

[1]) «Из Тифлисск. рабоч. движ.», стр. 12.

Рабочего Триа Лавров держал в темном подвале двое суток без пищи и не выпускал на двор.

Подобных фактов было не мало.

Он обыкновенно являлся в тюрьму на допрос в ночное время, часов в 10 и позже, когда заключенные, избитые, душевно и физически расстроенные, могли бы легче поддаться его угрозам и пыткам. Он не брезгал никакими средствами, чтобы добиться признания обвиняемого в деле «крамолы» или указания им главарей движения и на некоторые обстоятельства. При этом обещал полное «освобождение», хорошее «вознаграждение» и иногда имел наглость предлагать поступить на «службу».

Он вызывал к себе на дом «свидетелей», преимущественно рабочих, от которых разными мошенническими способами получал «свидетельские показания». По целым часам, даже и дням заставлял их стоять и ждать в коридоре своей квартиры, с целью уморить их и выманить желательные для себя показания. Если бы кто осмелился сказать, что ему абсолютно ничего неизвестно, то он или немедленно был бы арестован или подвергался целому ряду пыток или истязаниям.

Такой способ производства дознания практиковал не только Лавров; ему подражали так или иначе и другие жандармские «следователи».

Давление, угрозы, запугивание, пытка, ложные свидетельские показания, подтасовывание свидетелей, создание и раздуванье дела, приданье абсолютного значенья указаниям тайных агентов, вот отличительные черты ведения дела жандармами. При том, это «своеобразное производство» длилось не только месяцами, а очень часто годами; нередко политический получал по высочайшему повелению приговор ссылки в Восточную Сибирь на 3—5 лет, просидев под «следствием» год в одиночном заключении, а затем, в ожидании приговора, еще год—два года в общей камере политических заключенных.

В течение этого продолжительного сидения при условиях одиночного заключения и тюремного режима, не говоря уже о переносимых душевных и нравственных муках, политический получал разные болезни; катарр желудка, одышку и головные боли, туберкулез, расстройство нервной системы (невра-

стения—общая для всех заключенных болезнь), расстройство психических и умственных способностей, вследствие этого и потерю всякой трудоспособности. Люди отвыкали ходить и говорить... Помнится, раз ночью часов в 11—12, вдруг послышались шум, сильный топот, ходьба и беготня, как будто где-то рушилось помещение. Заключенные в соседних камерах были сильно потрясены; чуткие и отзывчивые в подобных случаях, стали усиленно стучать в дверь и кричать. «Успокойтесь, успокойтесь, ничего, ничего нет», кричал надзиратель. Оказалось, что один из заключенных почувствовав себя очень скверно, стал, как сумасшедший, производить в своей тесной камере разные шумные движения. «Лежа в постели вдруг кровообращение у меня остановилось,—жаловался он потом,—сердце как будто перестало биться, я задыхался и вот-вот, думал, будет скоро конец моей жизни, собрал все усилия и стал быстро прыгать и танцовать в камере».

Заключенные наталкивались вдобавок на всякие неожиданные сюрпризы. Были такие случаи (только редкие), что ночью, часов в 12 или даже позже, будили арестованных, приказывая встать с постели. Открывали на половину форточку [1]) и минуты через 1—2 опять закрывали. На следующий день узнавали, что жандармскому «следователю» угодно было посетить заключенных в этакую позднюю ночь в сопровождении переодетого шпика, и показывать их ему через форточку. Бывало и так, что днем на допросе из соседней комнаты через щель дверей показывали заключенных шпикам для удостоверения последними личности обвиняемого, о чем заключенные узнавали только после.

Заглянем теперь во внутреннюю тюремную жизнь и посмотрим, какие там существовали порядки. Как только арестованный являлся в тюрьму в сопровождении жандармов или городовых, в тюремной канцелярии старший надзиратель, тщательно обыскивая его, отбирает все, что имеется у него: бумагу, карандаш, книжку, портмоне, деньги, табак и табакерку, ножик, часы и т. д. По желанию арестованного деньги отпускаются по мере надобности из канцелярии базарнику на расходы для арестованного.

---

[1]) Форточка сделана в середине дверей.

Заключив арестованного в одиночную камеру под замок, в тот или следующий день устраивают над ним настоящую комедию: тюремный врач подвергает его антропологическому или краниологическому исследованию. Он тщательно измеряет рост и все органы совершенно раздетого, голого арестанта, отмечает телесные особенности, если таковые имеются.

Спустя несколько дней после ареста, жандармский фотограф в присутствии жандарма снимает фотографическую карточку попавшего в ловушку «политического преступника».

После этих предварительных комедий, заключенному приходится сидеть в одиночной камере, ждать очень долго.

Ему хочется знать, за что он арестован и в чем его обвиняют, но проходят дни, недели и месяцы, жандарм и прокурор не являются на допрос. Затем уже происходит вся та трагикомическая процедура «жандармского расследования и производства дела», о котором выше было упомянуто.

День и ночь заключенный проводит свою жизнь под замком в тесной, темной камере. Он не смеет видеть никого и переговариваться ни с кем, да при желании он и не в состоянии, так как в сутки его выпускают в одиночку минут на 10—15 на прогулку в назначенном специально для политических месте. Говорить самому с собой, или вслух читать, не позволяется, а петь, хотя и тихо, тем более. Воспрещается даже вступать в разговор с парашником. Плакать, рыдать тоже воспрещается... Раз долетело до соседних камер душу раздирающее рыдание одного из арестованных, жандармский надзиратель подошел к его камере и грозно приказал: «прекратить» рыдание.

Выдают для чтения из тюремной библиотеки старые книги исключительно по беллетристике и—религиозного содержания, а также журналы очень старые. Чтение газет было строго запрещено. С воли передаются книги прокурору или в жандармское управление, которые пропускают после строгой цензуры. Сочинения легальные по общественным наукам вовсе не пропускаются. Ни карандаша, ни бумаги, ни чернила не может иметь при себе арестованный; когда он желал написать письмо, надзиратель ему передавал их, а по окончании отбирал, писанные открытые письма по вечерам на поверке сдавались в канцелярию для отправки по назначению.

А если он желал писать что-нибудь длинное, то ему выдавалась номерованная и шнурованная тетрадь со штемпелем тюремной канцелярии и в конце отбиралась тюремным начальством для уничтожения.

В камерах тифлисских тюрем нет парашек, как в других тюрьмах России. Имелись только горшки и в общей камере бочка. Поэтому для большой потребности выпускали по одному и по очереди в общее отхожее место. Умывались там же в клозете. Предполагая, что в одном этаже корпуса сидело тридцать одиночных заключенных, приходилось по утрам ждать очереди очень долго. Это была настоящая пытка. Легко можно представить страдания больного человека, а большей частью страдали катарром и расстройством желудка или другими болезнями. Стук, шум, ругань не прекращались каждое утро. Сколько неудовольствий, сколько волнений переживали по этому поводу заключенные... Что бы они ни делали. ничего не помогало. Это был неразрешимый, сложный вопрос для администрации и прокурорской власти...

После поверки (в 8 час. вечера) уже никого не выпускали на двор, кроме только в крайнем случае очень больного. В тюрьмах других городов, как напр., в Бакинской, ни за что не выпускали после поверки. Такой был порядок и в тюремной больнице [1]).

В российских же тюрьмах арестанты не выпускаются ни днем, ни ночью, так как там в каждой отдельной камере

---

[1]) Упомяну только следующий случай, имевший место в июле 1903 г. в больнице бакинской тюрьмы: В больничной камере четверо политических больных. В 9—10 часов вечера один из больных почувствовал сильные боли в желудке. Стучат, чтобы выпустили на двор. Надзиратель ни за что не отпирает дверей, ибо после поверки «по закону» не полагается. Стучат, ломают двери. На шум и гвалт старший надзиратель, прибежав, предупредительно заявляет, что небывалый случай, чтобы после поверки выпустили и что все ключи от камер после поверки находились у смотрителя, к которому он не может обратиться в ночную пору. В камере нет парашки кроме горшка. Страшный шум и стук продолжается. Разбили стекла окон и дверей, били табуретками в двери, ломали, что попадало в руки. Нет никого, все исчезли. Так продолжалось около $^1/_2$ часа. Наконец старший надзиратель пришел с ключами, отпер двери и в сопровождении 8-ми конвойных вывели больного в клозет, после чего шум утих и все успокоились.

имеется парашка, это гениальное изобретение царских правителей.

На прогулку выпускали в тифлисской тюрьме в сутки раз минут на 10—15. До конца 1901 года эта прогулка происходила ночью после поверки (чтобы политических днем никто не видел и обратно), начиная с 9 ч. вечера до самого утра. По очереди будили заключенных, многие из которых, не желая пользоваться этой оригинальной и неприятной «прогулкой», отказывались от нее. Затем после неоднократных коллективных протестов с 1902 года ночные прогулки были заменены дневными. Гуляли политические по одному под навесом по 10—15 минут под строгим надзором тюремного надзирателя.

В начале ареста, в продолжение 2—3 месяцев, свидания с родственниками не разрешались. Принимались от них только вещи: платье, белье и т. д. По истечении этого времени свидания производились по одному через двойные решетки, в присутствии старшего надзирателя, конвойных, жандармского чиновника, иногда смотрителя или его помощника. Свидания продолжались от 5—10 минут.

Письма от заключенных к родственникам проходят через тюремную канцелярию и жандармерию. Жандармерия по прочтении их и перлюстрации отправляет по почте адресату. Таким же образом родственники сдавали письма к заключенным через жандармерию в тюремную канцелярию для передачи последним. Нередко были случаи, что самые невинные письма задерживались или валялись в бумагах у жандармского чиновника и доставлялись заключенному только недели через 1—2.

Следует ли подробно описывать ту ужасную тюремную обстановку, в которой приходилось совершенно невинному человеку томиться годами. Теснота, темнота в камерах, грязь, пыль, мыши, насекомые, сырость, да еще при этом неудовлетворительное питание—недоброкачественная провизия, нечистая неудобоваримая пища, которая готовится для всех арестантов «поваром»-арестантом на тюремной кухне, после всего этого не трудно понять мучительное состояние, которому сознательно подвергала администрация «лучших сынов» отечества.

Когда происходили массовые аресты по поводу демонстрации или стачки, в виду переполнения тюрем, в одной камере, в которой можно было бы поместить только 2—3, сажали человек 10—15. Как селедки в бочке, они валялись на полу, им не давали даже и тюфяков. Еще хуже было в губернской тюрьме, помещение которой одноэтажное, очень сырое и пол камер земляной; в каждом из казематов ее помещали несколько десятков человек при затхлой атмосфере, насыщенной пылью, миазмами и вонью.

Надо было иметь геройское терпение, чтобы переносить все это, и горе тому, кто был лишен его, этого необходимейшего при тюремном заключении качества. Кто нервничал, кто слишком возмущался, кому не хватало, словом, достаточного терпения, чтобы переносить безобразия российского тюремного режима, тот ставил свою жизнь в опасность, отдавал себя на растерзание врагам. Смотреть разумно и трезво на жизнь, выносить терпеливо всякие мучения, но вместе с тем ни на минуту не забывать и применять при удобных случаях наилучшее средство улучшения быта и освобождения человека—борьбу, вот чему научила нас революционная жизнь, долголетнее тюремное заключение и ссылка.

И эта борьба велась заключенными, но не всегда, конечно, целесообразно. Ни на какие разумные и справедливые требования заключенных администрация не шла навстречу, а наоборот она все более и более ухудшала их положение. Начальник тюрьмы, прокурор или его помощник, губернатор или вице-губернатор посещали и в случаях требований и коллективных протестов заключенных, обещали удовлетворять их, но это была только их тактика успокоения арестантов, они никогда не исполняли своих обещаний. Сколько ни говори, ни заявляй, ни протестуй против безобразий и беззакония (даже в пределах самодержавного законоположения), все равно ничего не помогало; иногда заключенные выражали очень резкие заявления по адресу администрации, но последняя оставалась до конца верной своей системе формалистики, жестокостей и репрессий. Ма-

лейшего изменения в сторону улучшения условий заключения добивались тяжелыми жертвами.

Борьба велась в тюрьме жесточе, чем в жизни, администрация употребляла всю свою энергию, чтобы мстить заключенным за все то, что происходило в жизни и подавить всякое проявление индивидуального и коллективного протеста и борьбы внутри тюрьмы.

Упомяну здесь один эпизод отчаянной дружной борьбы, которым заключенные привлекли на себя общественное внимание. Чтобы лишить политических заключенных возможности смотреть на двор и на улицу, «правители» вздумали пристроить в 1902 г. к окнам снаружи большие гробообразные ящики, так что в камеру проникали лишь сверху тусклый свет и воздух—точнее сказать, администрация и жандармерия задались целью затруднить политическим пользоваться в достаточном количестве светом и воздухом. Лучшего способа мучительного наказания не могли бы изобрести для «политических преступников».

8 июня все политические заключенные по общему сигналу (через перестукивание стен камер и передачу записок) заволновались в один миг, устроив невообразимую отчаянную суматоху, стали ногами ломать ящики, которые с страшным треском и грохотом падали вниз со 2-го и 3-го этажей. Сцена была очаровательная; казалось рушится здание самодержавия... Были в восторге не только политические, но и уголовные арестанты.

Тюремная администрация была ошеломлена и возмущена «невиданной дерзостью» заключенных. По телефону было передано о случившемся «скандале» полицеймейстеру и жандармскому начальнику, которые немедленно явились, взглянули только с негодованием на развалины и куда-то поспешно улетели.

В 1 час ночи нагрянула в камеры целая свора—тюремный начальник, полицеймейстер, начальник жандармского управления в сопровождении жандармов, надзирателей, солдат. Объявлено было каждому заключенному в отдельности в своей камере постановление экстренного совещания, состоявшегося под председательством «пьяницы» Фрезе, помощника главноначальствующего на Кавказе, по которому ка-

рали заключенных сроком на один месяц лишением: 1) всякой другой пищи, кроме черного хлеба и сырой воды, 2) кипяченой воды, чаю и сахара, 3) прогулки, 4) свидания с родственниками. 5) переписки с ними, 6) курения [1]). Затем в конце, в виде ультиматума, объявлено было, что в случае, если вновь воздвигнутые ящики заключенные опять попытаются ломать, то будут немедленно закованы в кандалы. Некоторых за «дерзкие ответы» на нелепый вопрос—как они смели поломать ящики—посадили на несколько суток в карцеры. Следующий же день ящики были вновь воздвигнуты. Заключенные героически вынесли целый месяц это ужасное положение. Они никогда не унывали в подобных случаях и шли навстречу всяким неожиданностям...

Администрация никогда не хотела и не способна была понять, что жестокости, репрессии, террор ни к чему не приводят, они вызывают, напротив, с течением времени как раз противоположные тем целям, для которых они применялись, последствия. Они имеют страшно деморализующее значение в особенности по отношению к уголовным арестантам. А каково положение уголовных в тюрьмах России и Кавказа и отношение к ним мелких и крупных чинов администрации, может только судить тот, кто имел несчастье быть, с горечью сердца и без всякой возможности так или иначе оказать им помощь, наблюдателем всего того, что происходило с ними. Это настоящие парии, измученные, доведенные до положения искаженного человеческого образа, которое знает только древняя история рабства.

Тюрьмы в России, в которых насчитываются десятки и сотни тысяч уголовных арестантов, в числе которых не мало женщин, подростков и детей, являются настоящими рассадниками всякого рода преступлений. Они воспитывают новых и новых преступников и ежемесячно, ежегодно обогащают общество новыми выпусками таковых. Важный интерес могло бы представить добросовестное, всестороннее на-

---

[1]) Курение вообще не полагается в тюрьмах, но политическим было разрешено в тифлисских тюрьмах курить, да и уголовные курили тайком.

учное изучение современного тюремного дела в России, одного из наихудших развращающих и обезображивающих человека учреждений.

Я не буду говорить о том, как третируют уголовных арестантов, как систематически избивают и порабощают их, словом, о тех убийственных условиях тюремного режима, в которые поставлены они, это—вне задачи настоящего труда; тем не менее в двух словах я объясню тот способ наказания карцером, которому они часто подвергались в тифлисских тюрьмах и от которого не были изъяты и политические.

В тифлисском Метехском замке в подвальном этаже находилось 3 карцера №№ 1, 2 и 3, ширина каждого из них приблизительно аршина $1\frac{1}{2}$ и длина—3. Двери герметически запирались замком, в середине дверей имеется отверстие (форточка), закрывающееся подвижными дверцами. Отверстие постоянно закрыто, только в случае надобности изредка открывалось надзирателем, чтоб смотреть, в каком положении находится арестант... Таким образом в карцере было абсолютно темно и циркуляция воздуха была невозможна. Держали в карцере 1—2 суток, иногда и больше, на черном хлебе и сырой воде. Наказанный таким образом арестант имел лишь возможность сидеть или лежать на голом полу несколько дней в абсолютной темноте и в удушливой, отравленной атмосфере карцера. Выпускали на двор только после страшного, отчаянного стука в двери; ежившись он шатался в это время, чувствуя сильное ощущение света и воздуха. Последствия для здоровья и дальнейшей жизни арестанта такого варварского наказания сами собой понятны.

Этого еще было мало. Чтобы проявить высшую степень варварства, на которое только и способны слуги самодержавия, завели своеобразный карцер. Упомянутые карцеры были на видном месте. И вот, вдали от взора людей, в глухом месте тюремного здания в нижнем этаже построили *двойной* карцер, т.-е. карцер в карцере, откуда не могли быть слышны ни голос, ни шум, ни стон человеческий...

Проходя мимо этого ухищрения полицейско-варварской архитектуры и глядя на него, вы невольно содрогались

всем телом, думая, что там, в глубине этих катакомб, стонет и заживо умирает человек...

Уголовные не проявляли борьбы для устранения этих пагубных для них условий тюремного режима; политические же вели систематическую борьбу. Если же они не добивались полностью удовлетворения своих требований, тем не менее находили возможность нелегальным путем реагировать на некоторые невыносимые условия заключения. Так, например, новости они узнавали и передавали друг другу разным путем—большей частью тайной перепиской (шифровано или открыто) или же через перестукивание через стены камер, за которым следили строго, но тем не менее, оно широко практиковалось. Кроме того, доставали и передавали друг другу газеты и книги, но только редко и с большей трудностью. А с воли получали как письма, так и нелегальную литературу; таким же образом у политических заключенных была возможность иметь переписку конспиративно с организацией и с товарищами. Они находили такие конспиративные способы как для передачи, так и для получения с воли писем, брошюр и листовок, о которых тюремная администрация и жандармерия не могли ни в коем случае иметь понятие. В одно время у заключенных была библиотечка нелегальной литературы, которой пользовались все по мере надобности. Некоторые товарищи, в особенности из рабочих, имели возможность в тюрьме легче найти и читать безопасно то или другое нелегальное издание, чем на воле.

Систематическая связь была установлена между заключенными и тюремной комиссией организации. Материальная поддержка арестантов в особенности была хорошо организована. Организация оказывала материальное содействие как заключенным, так и по возможности их семьям.

Все необходимое, деньгами или вещами, приговоренные к ссылке товарищи получали от организации. Организация выдавала также помощь без разбора всем *политически* пострадавшим, к каким бы партиям они ни принадлежали по извещении ее об этом товарищей из тюрьмы. В этом сказывалось величие и идейная чистота социал-демократической

организации и этим же она приобретала сочувствие и популярность.

Вообще политические заключенные держали себя в тюрьме бодро, смело. Хотя долговременное одиночное заключение сильно расстраивает человека физически и психически, но тем не менее были очень редки между политическими случаи уныния и падения. Момент перевода из одиночной камеры в общую, где обыкновенно сидело десятка 2—3 и больше политических, являлся для заключенного в высшей степени отрадным. Коммунальная, совместная товарищеская жизнь была большим облегчением, хотя продолжительность такого совместного жительства, при условиях заключения, вызывала впоследствии не мало неудобств для заключенных.

Часто устраивались в общей камере беседы на разные политические, общественные вопросы и общие чтения; при этом пользовались имеющейся в распоряжении легальной и нелегальной литературой; происходили споры и дебаты. Интеллигенты-товарищи преподавали рабочим разные предметы: русский язык, грамматику, арифметику, географию и т. под.

Общая камера являлась своего рода центром, откуда остальные одиночные заключенные получали, в случае нужды, необходимое: газеты, листки, брошюры, письма, чай, сахар и т. п.

Было веселее, в особенности на общей прогулке, которая продолжалась больше часу; при этом беседовали с караулившими солдатами и пропагандировали их; устраивались игры, пели революционные песни, а все это имело ободряющее значение в особенности же для слабохарактерных заключенных. Тюремная администрация не была в состоянии всегда прибегать к насилию и карать «неисправимых политических», не признающих ни «закона», ни «тюремной дисциплины». Она наказывала того или другого из заключенных в отдельности, в удобные для этого моменты. При наказаниях она обходила даже жалкий «существующий закон».

Жизнь арестанта никем и ничем не была обеспечена и часто подвергалась опасности. Малейшее уклонение со стороны заключенных от установленных норм тюремного режима могло вызывать тяжкие последствия для жизни укло-

няющихся. Осмелится ли, например, заключенный взглянуть на минуту через железную решотку окна на свет божий или переговорить с кем-нибудь—он рисковал бы своей жизнью; в подобных случаях карауульному солдату дана инструкция стрелять. Таким образом был убит в своей камере в августе 1903 г. один из лучших работников кавказской социал-демократической организации—Кецховели.

То, что говорится здесь относительно тифлисской тюрьмы, в большей или меньшей степени можно отнести и к другим провинциальным тюрьмам Кавказа. Условия заключения, тюремный режим, одинаковые для всех, более или менее меняются иногда в последних в зависимости от местных, раз навсегда установленных традиций и усмотрения того или другого тюремного смотрителя. А эти традиции и усмотрение смотрителей провинциальных тюрем часто делают в них условия еще невыносимее и безобразнее, чем в тифлисских тюрьмах.

В бакинской тюрьме [1]) политические арестанты помещаются в такой ужасной тесноте, что весь пол покрыт спящими телами и пройти, не наступив на кого-нибудь, невозможно. Духота получается ужасная, и вместо сна заключенные всю ночь мечутся в каком-то кошмаре. Лежат прямо на полу, так как ни постели, ни кроватей или хотя бы нар в тюрьме нет, даже тюфяков, набитых соломой. Заключенных, как животных в конюшне, заставляют валяться прямо на грязном полу. Далее, в камерах нет ни столов, ни табуреток, есть приходится на том же грязном полу. Вдобавок ко всему, во главе тюрьмы, в качестве смотрителя стоит нравственно развращенный негодяй Громада [2]). Для него

---

[1]) Сведения относительно бакинской тюрьмы взяты из письма политического заключенного, помещенного в листке Бакинского Комитета и перепечатанного в Искре № 47. Точность некоторых из них лично подтверждаю, так как к этому времени (в июле 1903 г.) пришлось мне сидеть с товарищами несколько времени в ожидании этапа для дальнейшего следования в Восточную Сибирь.

[2]) По слухам, он замучил истязаниями свою первую жену и был осужден за это на восемь лет каторги, но его помиловали и отдали в его бесконтрольное распоряжение заключенных. Этот запятнанный позорным преступлением тюремщик держит себя в тюрьме, как маленький самодержец и сатрап.

нет закона, а законом должны служить его подлые фантазии. Без всяких объяснений он отнял у заключенных право курить табак, хотя до 26 июля курили свободно, да и в других тюрьмах политические пользуются правом курения табака. При объяснении с ним по этому поводу он заявил: «будь на то моя воля, я отнял бы у вас не только табак, но и хлеб». Взяточничество и всевозможных родов обирательство практикуется в тюрьмах в самых широких размерах. Взяв себе в помощники бывшего полицейского, Ибрагим-бек Абдуллаева (он присужден к нескольким годам арестантских рот и таким образом отбывал наказание), смотритель вместе с ним терроризирует и грабит арестантов. За лист бумаги для прошений, напр., который заставляют покупать в конторе, берут от двух до пяти копеек. Табак, воспрещенный в тюрьме, продается помощником открыто, при чем за одну восьмую фунта махорки, в четыре коп., берет 20 коп. Он же приносит в тюрьму ножи для продажи; обыкновенный финский нож недавно был продан им за пять рублей. За написание прошения, где хоть слегка указывается на неправильность действий тюремщиков, смотритель сажает на семь суток в тюремный карцер, предварительно изувечив арестанта.

Смотритель Громада, в 11 час. дня 4 августа, отправляя этап политических 19 человек тифлисских [1]), следующих в ссылку, запер их во дворе мастерской тюрьмы, на пространстве нескольких квадр. саж., под конвоем 45 чел. солдат. Там их истязали прикладами ружей солдаты, под командой палача смотрителя; двух ранили штыками, надели кандалы на них, хотя в открытом листе категорически сказано было, что они должны сопровождаться без оков.

За то, что они протестовали законно против оков, их истязали, поранили и, закованных и окровавленных, поволокли в дорогу.

К этому же времени ночью похитили политического заключенного Хундадзе и неизвестно, куда его дели.

После этих возмутительных и безобразных действий тюремщиков, у политических оставалась одна надежда на от-

[1]) В числе которых были между прочим: В. Курнатовский, Джибладзе, Франческий, Цабадзе, Джугели, Гогуа, Чодришвили и др.

крытую борьбу с ними, борьбу на жизнь или смерть. Они объявили голодовку, предъявив следующие требования: 1) Не высылать внезапно, а давать возможность перед высылкой проститься с родными и запастись платьем и бельем. 2) Дать постельные принадлежности, тахты или кровати. 3) Число арестантов в камерах должно соответствовать помещению, согласно определению врачей. 4) Разрешить курение. На случай расстройства желудка выпускать в клозет и после поверки. 6) Ввести железные парашки. 7) Не сажать в темный карцер и вообще не применять взысканий без предписаний прокурора. 8) Заявления арестованных о желании лично объясняться с высшим начальством, должны смотрителем передаваться начальству немедленно. 9) В случае болезни немедленно вызывать к больному фельдшера и ночью. 10) Поставить в обязанность смотрителю и надзирателям не бить арестантов и не ругать их площадной бранью. Голодовка продолжалась один день, так как администрация решила удовлетворить главные требования.

Что же касается ссылки, то она ни что иное, как продолжение тюремного заключения, только не в 4-х стенах, а под открытым небом. Она представляет собой беспрерывную цепь мучений и страданий, в особенности в северных необитаемых губерниях России и отдаленнейших местах Восточной Сибири, где многие из ссыльных гибнут преждевременно от суровых и невыносимых условий жизни и разных случайностей. Чтобы подробно говорить об условиях и жизни ссылки, пришлось бы написать целую книгу; при этом многое знакомо широкой публике по имеющейся литературе о ссылке.

Этапный порядок ссылки, при котором ссылаемые подвергаются часто избиению и другим произвольным действиям конвойного начальства, условия полицейского надзора на местах ссылки, разные кары ссыльных—сажание полицейской властью в «каталашку» и частые переводы их по распоряжению администрации края в более дальние северные суровые местности [1]), жестокие драконовские пра-

[1]) Эти переводы сопровождаются страшными мучениями и по пути следования сотен и тысяч верст пересылаемые подвергаются нередко разным несчастным случаям.

вила для политических, выработанные губернской администрацией и генерал-губернаторством, наконец, полная беспомощность и абсолютная необеспеченность жизни суровых, пустынных местностей ссылки,—все это в совокупности создает невыносимое, адское положение для ссыльных, от которого они стремятся всячески избавиться часто бегством или другим путем. Это положение и вызвало общеизвестную Романовскую кровавую драму, имевшую место в г. Якутске в феврале и марте 1904 г.

VIII

Группа „Месамедасистов“ и газета „Квали“.

Говорить об истории кавказской социал-демократии и не упомянуть группы «месамедасистов», и газеты «Квали» невозможно. Как группа «месамедасистов» [1]), так и газета «Квали», которую она издавала, несомненно играли роль в кавказском рабочем движении и социал-демократии.

«Месаме даси» означает «третья группа» и этим именем была она окрещена в отличие от двух течений—феодалов и шестидесятников, господствовавших при возникновении названной группы в грузинском обществе и литературе. Родоначальником группы являлся грузинский народный писатель Ниношвили, который умер в 1894 г. Этот небольшой кружок грузинской интеллигенции, в состав которого входили некоторые из будущих грузинских социал-демократов, сгруппировался вокруг либерала шестидесятника Георгия Церетели [2]), основателя и издателя еженедельной газеты «Квали». С 1898 года, после смерти Церетели, газета перешла в руки «месамедасистов», находившихся под влиянием марксистской идеологии.

Чтобы понять роль и значение группы «месамедасистов»

---

[1]) Вот имена некоторых из них: Ниношвили, Жордания, Джибладзе, Чхеидзе, Рамишвили, Цхакая, Махарадзе, Дарчиашвили, Цулукидзе (Александр и Гиго), Цитлидзе, Цинцадзе, Квициридзе и др.

[2]) Отец известного Ираклия Церетелли. Прим. авт. ко 2-му изд.

для грузинского общества и литературы, необходимо знать те особенные условия, при которых она возникла.

Девяностые годы пр. ст. знаменуют собой полную неурядицу и дряблость в грузинской общественной жизни и литературе; господствовали в эту эпоху реакционные, национально-шовинистические тенденции и мракобесие. Грузинская дворянская помещичья интеллигенция, некоторая часть которой при удобных случаях либеральничала, играла на руку реакционным измышлениям самодержавного правительства, его политике национальной травли армян. Явно провокаторской деятельности правительственного агента и редактора официальной газеты «Кавказ» Величко и К⁰, способствовали своей тактикой и позицией по отношению к армянам вообще такие светила грузинского общества, как поэты Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели и другие. Чавчавадзе, Величко и К⁰ объявили крестовый поход против армян [1]).

«Это было время полного оскудения общественной мысли в Грузии», пишет автор статьи под заглавием: «Закрытие газеты «Квали» в «Искре» № 60. В обществе и печати идеалы были вытеснены деловитостью коммерческого свойства, в кругу грузинской дворянской интеллигенции господствовали дряблость и общественный разврат, на почве которых пышно расцвела шовинистическая маниловщина. Бывшие светила грузинской интеллигенции совсем померкли: поэт и гуманист прошлого периода князь Илья Чавчавадзе, редактор газеты «Иверия», превратился в типичного представителя феодалистической идеологии, крепостнических повадок которого не могли вытравить даже

---

[1]) Надо заметить, что борьба велась с давних пор между господствующими классами этих двух народов, между армянской буржуазией, которая представляла важную экономическую силу на Кавказе, и обедневшим грузинским дворянско-помещичьим сословием и обуржуазившейся либеральной частью ее. Эта борьба проявлялась в литературе и прессе, а в особенности в городских самоуправлениях. Город Тифлис, где как и в других местностях, кавказская армянская буржуазия имела преимущество над другими в экономическом отношении, и тифлисское городское самоуправление являлись всегда ареной борьбы и антагонизма господствующих классов этих двух наций.

те интимные и деятельные связи, в которые он вступил с банкирскими дельцами. Столп грузинской (и не только грузинской!) литературы Н. Николадзе, известный литератор 70-х и первой половины 80-х годов, деятельный сотрудник «Отечественных Записок», «Слова» и «Устоев»,— тот самый публицист, за статью которого «Луи Блан и Гамбетта» получил в 1879 г. предостережение журнал «Слово»—повернул в обратную сторону, в сторону «приспособления к подлости» и, прочно засевши лорд-мэром в г. Поти, весь жар своей талантливой натуры вкладывал в ловкие банковские и другие операции. Наконец, либерал-шестидесятник князь Церетели свои прежние заветы разменял на пустозвонство, предаваясь в то же время шовинистскому суесловию в перемежку с торговыми операциями. И вот в эту эпоху безвременья появилась группа «месамедасистов».

Само собою понятно, что камень, брошенный этой группой «месамедасистов» в это болото, должен был произвести смуту и волнение. На поверхность болота выплыли все гады—феодалы-крепостники, либеральствующие националисты и пр. Завязалась серьезная полемика между феодально-реакционной газетой «Иверией», издававшейся кн. И. Чавчавадзе, и «Квали»—«месамедасистов». Последние успешно атаковали врагов, и в конце победа осталась за ними; передовые общественные элементы склонились к ним, составилось в пользу них сочувственное мнение. В дальнейшей своей публицистической деятельности, группа, выяснившая окончательно, после первых опытов, свою линию поведения и имея уже незыблемый социальный фундамент—общественное массовое движение рабочего класса, на которое теперь она опирается, с такой же энергией и успехом вступает в полемику с социалистами-федералистами, выступившими с известной национальной программой.

Каково было направление самой группы «месамедасистов», характер ее литературной деятельности? Часто приходилось слышать различные мнения о ней, и по настоящее время еще господствует путаница по этому поводу.

По мнению некоторых, члены этой группы являлись в первое время ее существования марксистами, социал-демо-

кратами; по мнению других—просто демократами, радикалами-интеллигентами и даже национал-демократами.

Тов. социал-демократ, к которому автор сего труда обратился с просьбой высказаться по этому вопросу, пишет между прочим, что «группа месамедасистов, по его мнению, являлась кружком *радикальной интеллигенции*. Она объединяла в своем литературном кружке элементы будущих социал-демократов и соц.-федералистов. Следует признать, что там и сям попадались (в «Квали») статьи просто радикалов... Что же касается оттенка национализма, то его не было, или, говоря вернее, проглядывал совсем слабо [1]). С течением времени «Квали» стала вполне марксистским органом: с другой стороны, чем дальше, тем больше он становился слишком сухим, что можно видеть хотя из того, что вместо передовых статей там писались статьи *о теории ценности* Маркса... Хотя в последнее время «Квали» стала марксистским журналом,—и это нужно понимать в том смысле, что там писались исключительно марксистские статьи теоретического характера,—но вместе с тем эти статьи были довольно жиденькие».

Автор названной статьи в «Искре» утверждает, что месамедасисты воспитавшиеся на русской легальной и нелегальной марксистской литературе, явились вооруженными почти только убеждением в верности метода марксистско-

---

[1]) В настоящее время приходится констатировать, что националистические тенденции были несомненно заметны у большинства членов группы «месамедасистов». Месамедасисты—социал-демократы составляли всегда правый элемент в социал-демократической партии Грузии. Как показали последние события политического развала нашей страны, месамедасистские социал-демократы и их сторонники сыграли крупную роль в национально-сепаратистском движении и довели до крайних пределов политику сепаратизма не только по отношению к России, но и к отдельным территориям Закавказья, обитаемым различными народностями. Чхенкелистское национально-реакционное течение, преодолев левые элементы социал-демократической партии, усилилось в мрачные для нашей жизни 1918, 1919 и последующие годы. Начало свое чхенкелизм берет в группе «месамедасистов», отличившихся путаницей понятий по национальным и социальным вопросам. Новейший чхенкелизм представляет из себя не что иное, как выраженную в яркой, законченной форме идеологию бывших членов группы «месамедасистов».

Примечание автора ко 2-му изд.

го анализа... В новом издании «Квали» начала проповедь материалистического освещения истории, проводила идею классовой дифференциации, как объективного процесса и борьбы классов, как содержания общественно-политической жизни народа в применении к населению Закавказья».

Конечно, чтобы быть объективным и навсегда установить правильную точку зрения при суждении о группе «месамедасистов», следовало бы подвергнуть строгому критическому анализу все, что писали ее члены в «Квали» и в отдельных брошюрах. А это не входит в задачу настоящего труда. Оставляя это сделать более компетентному и более основательно знакомому с их литературной деятельностью лицу, тем не менее я позволю себе сказать несколько слов на основании моего личного наблюдения и всего того, что я мог своевременно читать на грузинском языке. Предваряю при этом, что сказанное мною здесь не может иметь категорического значения.

Мне кажется также, что группа «месамедасистов» в общем являлась радикальной интеллигенцией, хотя тот или другой член ее мог находиться под сильным влиянием марксистской идеологии. Но это последнее обстоятельство не меняет общего характера радикализма группы. Эклектизм являлся характеризующим направлением в мышлении «месамедасистов». Благодаря этому, отчасти можно объяснить ту путаницу в чувствах и понятиях, которая проявляется по настоящее время в головах многих грузинских социал-демократов рабочих и даже интеллигентов по разным практическим и теоретическим вопросам [1]).

---

[1]) В подтверждение вышесказанного упомяну здесь только один из многих фактов, имевший место в Тифлисе. В 1907 г. был убит в своем имении поэт и литератор кн. Ил. Чавчавадзе, бывший либерал и пользовавшийся громадным влиянием в грузинском обществе. В течение последних десятилетий он превратился в типичного реакционера, феодала, преследовавшего как крестьянское—аграрное, так и в особенности рабочее движение и социал-демократию. Несмотря на это, некоторые тифлисские товарищи-грузины захотели, участием социал-демократической организации на торжественных похоронах, почтить память человека, так много вредившего рабочему делу и способствовавшего развитию национальных низменных чувств обеих наций—грузин и армян. Этот вопрос возбудил много толков и споров в тифлисской организации. Он обсуждался на

Несмотря на это, «Квали» с течением времени все более и более очищалась от плевел, так что можно смело сказать, что в период, предшествовавший закрытию она en bloc стала на правильную точку зрения пролетарской классовой борьбы и социал-демократии.

На сколько верно утверждение, что уже при переходе газеты в руки группы «месамедасистов», ее хотели сделать марксистским органом, не решаюсь сказать. Вернее всего то, что «Квали» сделало марксистской именно влияние рабочего, социал-демократического движения. После того как она стала на почву защиты исключительно интересов рабочих и приобрела популярность среди них, последние с большим интересом стали читать эту газету и смотреть на нее, как на свой орган.

Когда между «Иверией» и «Квали» происходила полемика, во время которой редактор-издатель первой кн. Чавчавадзе позволил себе оскорбить рабочий класс, то рабочие, особенно тифлисские, вмешались энергично в спор и через «Квали» выражали свой резкий коллективный протест против Чавчавадзе за многочисленными подписями.

Рабочие являлись главным контингентом подписчиков «Квали», ее читали у себя дома, в кружках, обсуждали ту или другую статью, комментировали по-своему и т. д.

Словом, под сильным влиянием рабочего движения «Квали» преобразовалась, сделалась органом грузинских рабочих, она же в свою очередь имела воздействие и по возможности способствовала развитию рабочего класса. Даже односторонний апологет «Квали», автор вышеупомянутой статьи в «Искре», признает, что «пока месамедасисты доказывали возможность

районах и в руководящем коллективе и, наконец, в последнем, большинством 11 голосов против 8 был отклонен (члены руководящего коллектива тифлисской организации состоят всегда почти исключительно из грузин соц.-демократов). Тем не менее, редакция грузинского социал-демократического органа (орган легально-партийный) независимо от этого решила участвовать от имени редакции на похоронах, с венком и делегировать одного из товарищей редакторов, который и произнес соответствующую критическую речь о деятельности Чавчавадзе. При этом были произнесены речи и другими товарищами и многие из соц.-дем. организации, глубоко пораженные событием, пополняли ряды в траурной процессии похорон любимого «национального» поэта и общественного деятеля.

развития капиталистических отношений на Кавказе, в то же самое время зрело и подготовлялось движение страдающего от капитализма рабочего класса и активное выступление на арену общественной жизни... В такой атмосфере, продолжает автор статьи, «Квали» получила совсем иное значение, голос ее получил другой резонанс. Эта атмосфера вдохнула в «Квали» новую жизнь и в свою очередь стала от нее получать новую умственную пищу».

«Квали» фактически пополняла легальным путем крайний недостаток, ощущаемый в это время в нелегальной социалистической литературе. «Можно с уверенностью сказать, что рабочие—пропагандисты, которые наполнили Кутаисскую губернию, получили свою подготовку, за редким исключением, только благодаря „Квали“» [1]).

Еще другим обстоятельством, особенно способствующим свободному развитию идейного содержания «Квали», являлись в это время благоприятные условия цензуры, в особенности грузинской, на Кавказе. Правительством преследовались, главным образом, национальные сепаратистические тенденции, которых, кстати сказать, вовсе не было ни у грузин, ни у армян, а статьи по рабочему вопросу в журналах и газетах цензурой пропускались часто.

Грузинский цензор либерал Журули, состоящий в личных дружеских отношениях с одним из членов редакции «Квали», предоставлял ей возможность высказываться свободно. Очень поздно только правительством была обнаружена вредность направления этой газеты. При массовых арестах в Тифлисе, во время которых при обысках находили у рабочих и интеллигентов номера «Квали», были также арестованы и сотрудники редакции «Квали». Цензор Журули был уволен со службы, а газета была закрыта навсегда по распоряжению министерства.

Насколько велико значение существования легального издания, несмотря на полицейские суровые условия, показывает нам пример «Квали». Правда, при наличности этих условий, она, благодаря самоограничению в смысле формы выражения, неясности и недосказанности того, что нужно было сказать,

[1]) Из письменного сообщения нашего корреспондента.

а также благодаря неоднородному составу группы «месамедасистов», носила первоначально эклектический характер, но с течением времени она развивалась и очищалась под рабочим социал-демократическим влиянием и стала органом, защищающим исключительно интересы пролетариата. Хотя, правда и то, что эклектизм может вызвать путаницу в понятиях и задержать нормальное развитие рабочего класса, но только временно, ибо при некоторых благоприятных условиях, газета легальная, освободившаяся от тисков репрессии и чуждых элементов состава редакции, вносящих диссонанс в направление издания, может своей дальнейшей работой по определенной, ясной программе, рассеять туман и оказывать таким образом громадную услугу рабочему классу.

В этом смысле и «Квали» сыграла несомненную роль в развитии движения рабочего класса на Кавказе.

Примечания автора ко 2-му изданию.

Примечание 1. (к стр. 53).

[1]) В данном случае немаловажную роль играл национальный партикуляризм, проявлявшийся всегда у многих из грузинских социал-демократов. Этот партикуляризм, доходивший до явного шовинизма, являлся препятствием к развитию нормального движения рабочего класса, к международной солидарности и сплочению его в общепролетарской классовой борьбе с буржуазными классами.

Узко национальные чувства и понятия многих грузинских работников социал-демократов, развращающе действовавшие на грузинских рабочих, отталкивали многих из рабочих армян от активного участия в рабочереволюционном движении. Приходилось нередко бороться против этого зла.

В истории рабочего движения, в особенности в начальном фазисе его развития, изолированность, замкнутость работы грузинской социал-демократии по национальному признаку в границах лишь национально-территориального отечества, являлась характеризующей чертой ее деятельности; при этом, не говоря о татарских массах, общественно-политическое воспитание и развитие сознательности которых никогда не составляло предмета внимания и заботы грузинской социал-демократии, многие из работников последней подходили к армянскому пролетариату с точки зрения совершенно не социал-демократической.

Они рассуждали так: «армяне—рабочие Грузии—понимают и говорят на грузинском, как на родном языке; они скорее грузины, чем армяне.

Письменную и устную работу среди них можно вести на грузинском языке без всякого труда, следовательно, была бы лишняя трата времени и сил издавать еще на армянском языке листки, прокламации и т. п.»

Они не знали (показывали вид, что не знали) и не думали о том, что в Тифлисе, Батуме, Сухуме и в районе железнодорожной линии и в других местностях Тифлисской и Кутаисской губерний, десятки тысяч рабочих армян (пришлый элемент из армянских провинций) не понимали и не говорили по грузински. Что было сделано для них грузинской социал-демократией, считавшей себя тогда интернациональной организацией и частью Р.С.-Д.Р.П.? Ровно ничего. Когда происходили стачки в депо и мастерских железнодорожной станции «Тифлис», в которых большинство рабочих составляли грузины, листки и прокламации выпускались исключительно на грузинском языке, иногда и на русском (на последнем как на официальном языке); для меньшинства же рабочих «инородцев», для одной сотни армян, по мнению активных «видных» работников грузин, не стоило издавать их на армянском языке. Когда в подобных случаях приходилось делать им возражения, что эти революционные нелегальные издания имели бы организационное, агитационное, воспитательное значение не только для весьма малочисленных железнодорожных рабочих армян, но и для десятков тысяч городских рабочих армян, не знавших другого, кроме родного языка, то они замалчивали это обстоятельство или же ссылались чаще всего на технические затруднения и недостаток сил.

«Как же из сбереженных грузинскими рабочими сумм можно уделить на издание армянской нелегальной литературы, пусть сами армяне рабочие заботятся об этом»,—говорил нам один из видных уважаемых рабочих грузин (ныне покойный). Таково было в общем отношение грузинских работников к армянскому пролетариату.

Никогда руководители грузинской социал-демократии не считали своим кровным священным делом серьезную постановку издания партийной соц. печати на армянском языке; мы никогда в них не замечали желания и стремления к улучшению и развитию армянского издательского дела. Напротив, они очень часто отказывали по различным поводам в средствах на издание соц. газет на армянском языке, между тем их исключительное внимание было обращено на развитие и усиленное распространение соц. периодическ. печати на родном грузинском языке.

Неодинаковое отношение к пролетариату «инородцев», политика изолированной, обособленной работы, крайний патриотический партикуляризм большинства грузинских ответственных с.-д. работников, вредные последствия которых для нормального развития рабочего класса ясны для всякого мало-мальски сознательного политического деятеля социалиста, являлись несомненно историческим злом общественно-политической эволюции рабочей демократии нашей разноплеменной страны.

Если, с одной стороны, армянские националисты вроде дашнаков и гнчакистов содействовали своей деятельностью омрачению классового самосознания армянского пролетариата, то, с другой стороны, грузинская социал-демократия в общем своей узко-национальной политической дея-

тельностью подливала масла в огонь, способствовала еще большему отчуждению армянских пролетарских масс от грузинского и татарского пролетариата.

Примечание автора ко 2-му изд.

Примечание 2. (к стр. 58).

[1]) В моих «Воспоминаниях о прошлом», напечатанных в армянской социал-демократической газете «Банвори Дзайн», я упоминаю один инцидент, который я здесь воспроизвожу.

«Во время празднества и веселия имел место неприятный случай, который не могу здесь пройти молчанием.

Рабочие вдруг заметили на горизонте одного всадника, приближавшегося по направлению к нашему собранию. Полагая, что вооруженный всадник—жандармский кавалер, отправленный из города, рабочие моментально опустили знамена, одно из которых попало даже в грязь.

Я не вытерпел этого поступка. Потребовал немедленно поднять знамена и снова развернуть их, заявив с возмущением, что если б даже делая свора жандармов и шпионов набросились, то и в подобном случае рабочие не должны были так позорно поступить, надо было безбоязненно встретить их, а если нужно было, то и оказать даже им сопротивление.

Эта речь сильно подействовала на них, они снова развернули знамена, а всадник оказался совершенно безвредным человеком. Он был крестьянин, поставленный сельским обществом караулить пастбища и совершенно случайно проезжал мимо нашего собрания. Тем не менее рабочие угостили его закусками и вшами и так напоили, его, что он в пьяном состоянии погрузился в глубокий сон в продолжение нескольких часов. В это время любители спорта из рабочих использовали его лошадь, по очереди катаясь на ней по полям.

Этот случай показывает только то, до какой степени рабочие в первое время были неопытны и боязливы. Такие слабости, доходившие до трусости и революционной бесхарактерности, были естественно вызваны полицейским режимом и развивались в условиях подпольной революционной деятельности, когда необходимо было соблюдать постоянно крайнюю осторожность.

Революционная борьба немыслима без смелости и отважности революционеров. История революционных выступлений последующих годов показывает, как рабочий класс, избавившись скоро от своей первоначальной бесхарактерности, стал неузнаваемым в своей героической революционной борьбе против своих многочисленных врагов.

Позднейшее примечание автора.

Учебная библиотека К. У. Т. К. ПОГАШЕНО

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие автора ко 2-му изданию 3
Предисловие автора к 1-му изданию 15
Г. В. Плеханову 19
Предисловие Г. В. Плеханова 21
I. Общие сведения. Положение рабочего класса на Кавказе . . . 33
II. Возникновение рабочего движения. Первые его шаги на Кавказе. 43
III. Рабочее движение в Тифлисе и социал-демократическая организация 49
IV. Баку, Батум, Кутаис и др. 97
V. Июльские события 1903 года 121
VI. Крестьянство и аграрное движение на Кавказе 131
VII. Тюрьма и ссылка 155
VIII. Группа „Месамедасистов“ и газета „Квали“ 172
Примечание ко 2-му изданию 179

2 р. 50 к